

Что
я делала,
пока вы
рожали
детей

Кристин Ньюман

от автора сценария
«КАК Я ВСТРЕТИЛ ВАШУ МАМУ»

Annotation

«Что я делала, пока вы рожали детей» – это дерзкая и честная история приключений от сценаристки культового комедийного сериала «Как я встретил вашу маму». Написанная с юмором и самоиронией, эта книга-ответ на вопрос, которым задается каждая женщина. Кристин Ньюман – девушка, которая не оставит никого равнодушным. Ее можно упрекать, можно завидовать, жалеть, переживать с ней – любая реакция будет правильной. Она приглашает вас в жизнь, полную ветра океанской свободы, настоящих чувств и мужчин, ярких эмоций, красочных стран и поисков себя. Прочтите и решите, какой путь ваш!

- [Кристин Ньюман](#)

- ☐
- ☐
- ☐ [Пролог](#)
- ☐ [Глава 1](#)
- ☐ [Глава 2](#)
- ☐ [Глава 3](#)
- ☐ [Глава 4](#)
- ☐ [Глава 5](#)
- ☐ [Глава 6](#)
- ☐ [Глава 7](#)
- ☐ [Глава 8](#)
- ☐ [Глава 9](#)
- ☐ [Глава 10](#)
- ☐ [Глава 11](#)
- ☐ [Глава 12](#)
- ☐ [Глава 13](#)
- ☐ [Эпилог](#)

- [notes](#)

- ☐ [1](#)
- ☐ [2](#)
- ☐ [3](#)
- ☐ [4](#)
- ☐ [5](#)
- ☐ [6](#)
- ☐ [7](#)
- ☐ [8](#)
- ☐ [9](#)
- ☐ [10](#)
- ☐ [11](#)

- ☐ 12
- ☐ 13
- ☐ 14
- ☐ 15
- ☐ 16
- ☐ 17
- ☐ 18
- ☐ 19
- ☐ 20

Кристин Ньюман

Что я делала, пока вы рожали детей

Моей маме, которая научила меня ориентироваться в аэропорту, устраивать крутые вечеринки и объяснила, что «взрослые не просто так за ручки держатся».

Моему папе, который рассказал мне о равновесии – во всем, но особенно при попытке попрыгать по камням через реку, и который отметил, что, если бы он жил моей жизнью, его сломила бы диарея.

Моим девочкам, которые позволили мне написать о некоторых их приключениях и которые по факту были всегда со мной, даже когда они просто радовались за меня, сидя в своем доме.

И еще одному человеку, но это посвящение я приберегу под конец, иначе оно раскроет всю интригу...

Все хорошо в меру, включая саму меру.

Оскар Уайльд

© What I Was Doing While You Were Breeding © Kristin Newman

© Upside Down Frowns, Inc, 2014

© Перевод А. Королева, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

«Если бы Марк Твен был женщиной, он написал бы нечто подобное, а не «Простаков за границей». Данная книга настолько хороша, что в отличие от многих других книг, на которые я писал рецензии, эту я действительно

прочитал».

*Джозл Стейн, колумнист Time, автор книги
«Man Made: A Stupid Quest for Masculinity».*

«Мне повезло поучаствовать в некоторых из удивительных приключений Кристин, и она, несомненно, настолько же хороший писатель, насколько великолепный путешественник. Стоит сказать, что она становится еще лучше после нескольких бокалов вина».

Ник Кролл, американский актер, сценарист и продюсер, известен по роли в сериале «Лига» и собственному «Шоу Кролла».

«Я искренне люблю своего мужа и детей, но когда я читаю книгу Кристин, мне очень хочется купить билет в один конец. Или даже скорее два билета – один для себя, а другой для нее, чтобы мы могли вместе кутить до рассвета, флиртовать с европейскими мужчинами, нарушать правила. Кристин добавляет в рассказы о своих приключениях капельку эротики, делая их сексуальными, веселыми и очень вдохновляющими».

Джилл Солоуэй, писатель, режиссер.

«Хорошо, что Кристин написала эту книгу, потому что, даже больше не собираясь все вместе у нее за ужином, мы можем насладиться ее веселыми и всегда неожиданными рассказами. Ее блестящее остроумие и невероятный дух приключений соблазнят вас так же, как соблазнили того парня из Аргентины... и из России... и из Иордании... и других счастливцев».

Нелл Шовелл, соавтор книги «Не бойся действовать. Женщина, работа и воля к лидерству».

«Данная книга отличается прекрасно закрученным сюжетом и эротической атмосферой. Она напоминает мне смесь Джордж Элиот из фильма о безопасности в деревообрабатывающем цеху... Настоящее удовольствие».

Стивен Тоболовски, актер, автор книги «The Dangerous Animals Club».

«Я собирался прочитать *«Что я делала...»*, но жена украла ее с моей прикроватной тумбочки, смеялась над ней три ночи подряд и в итоге отдала ее читать подругам».

Родни Ротман, автор книги «Early Bird: A Memoire of Premature Retirement».

«Книга Кристин поразительно смешная, в высшей степени занимательная, от нее просто отваливается челюсть, и в то же время она удивительным образом заставляет вас задуматься о том, как бы вы поступили на месте главной героини. В итоге вы все переворачиваете и переворачиваете страницы. Кажется, как будто я временно оставил свою жену и детей, сел в машину времени и отправился в путешествие вокруг света с одной сумкой».

Роб Кутнер, сценарист сериала «Конан», автор книг «Apocalypse How» и «The Future According to Me».

«Очень смешная, грубовато честная и безнадежно романтическая... Храбрые приключения Ньюман по всему свету, ее размышления, разделяющие на два лагеря счастливых родителей и отчаянных одиночек, – это одна из самых бодрящих книг, что я читала за долгое время. Она доказывает, что у всех свой путь и свое «жили долго и счастливо».

Аммика Локи, автор бестселлера «The Cutting Season».

Пролог

Я пойду своим путем

Давайте сразу уточним, что в США автор данной книги, то есть я, совершенно не пользуется репутацией развратницы. В моей родной стране у меня редко были свидания меньше чем на четыре ночи. Я не целую женатых мужчин или мужчин, с которыми работаю, не отправляю людям фотографии своих гениталий; не привожу домой парней, с которыми познакомилась в баре, пока они не купят мне пару ужинов, и я никогда не показывала свою обнаженную грудь, рассчитывая получить что-то взамен. Я не занимаюсь сексом больше чем с одним мужчиной за раз, а иногда сплю только с одним за год. В Америке.

Но мне очень нравится путешествовать.

Однако секс с иностранцами является не самой безнравственной вещью, которой я занимаюсь: помимо этого я пишу ситкомы. За последние 14 лет я написала сценарии к сериалам *«Шоу 70-х»*^[1], *«Как я встретил вашу маму»*, *«Чак»*, *«Соседи»*, а также к шоу, о которых вы никогда не слышали, но которые дают мне две более чем важные для счастья вещи: деньги, чтобы покупать билеты на самолеты, и время на путешествия. Что важно знать о моей жизни, так это то, что я провожу девять месяцев в году в комнате, полной по большей части полураздетых мужчин, рассказывая пошлые шуточки, обедаясь и иногда сидя на полу с Деми Мур, Эштоном Катчером или шимпанзе (пока все трое не решили, что разница в возрасте – непреодолимый барьер). В нашей «писательской» комнате мы разговариваем со скоростью тысяча слов в минуту, споря буквально обо всем – например, о спорте или часто – о любви. Иногда кто-то заставляет меня плакать, и тогда я делаю вид, что притворяюсь, будто «выбегаю из комнаты, чтобы поплакать», хотя я на самом деле убегаю из комнаты, чтобы поплакать. Если мне повезло и у меня много работы, то примерно девять месяцев я живу так, а потом наступают три месяца безделья, когда я получаю неоплачиваемый отпуск, освобождающий меня от моей странной и непростой деятельности.

По большей части пребывание в комнате сценаристов похоже на самую увлекательную вечеринку в мире. Но временами она превращается в очень затянутый и занудный праздник. Но я переживу оба варианта, потому что у меня есть мечта – после долгих месяцев работы я убегаю из дома в удивительные места. А потом, иногда, занимаюсь там сексом.

Когда мне было двадцать и тридцать, эти свободные месяцы (или годы) между работой я проводила путешествуя. Если финансы поджимали, я отправлялась в путешествие с палаткой, а если с финансами было все в порядке, садилась на самолет и улетала так далеко, как только могла – в места вроде Китая и Новой Зеландии, Иордании и Бразилии. В Тибет и Аргентину, Австралию и в большую часть стран Европы. В Израиль и Колумбию, Россию и Исландию. Вначале я ездила со своими подругами, но потом они начали выходить замуж и делать новых маленьких девочек и мальчиков – тогда я стала путешествовать одна. Некоторые из моих подруг в конце концов разводились и снова отправлялись со мной в поездку или две, а потом выходили замуж второй раз – когда я еще не собралась даже для первого. (Когда я пожаловалась своей подруге Хоуп, что она уже обогнала меня на круг в гонке за мужьями, она ответила: «Не уверена, что цель в том, чтобы делать это как можно чаще». Люблю ее.)

Как бы то ни было, все вокруг меня объявляли о помолвках, женились и рожали детей, меня же подобные перемены очень пугали. Мне хотелось иметь семью когда-нибудь... но это «когда-нибудь» никогда не превращалось в «сейчас».

Я мечтала о любви, но меня также манили свобода и приключения, и эти желания боролись подобно двум борцам сумо в додзё моей души. Их борьба угрожала со временем отправить меня в нокаут, превратив в грустную женщину типа Бриджет Джонс, которая мне, кстати, совершенно не нравится – и как личность, и как архетип. Стараясь предотвратить подобный конец, я продолжаю двигаться вперед.

На довольно раннем этапе своих путешествий я сделала два жизненно важных открытия. Во-первых, в дороге я становлюсь немного другой – и такое дистанцирование от меня домашней похоже на прекрасный долгий сон после тяжелого рабочего дня.

Во-вторых, ты можешь получить и любовь, и свободу одновременно, если влюбляешься в необыкновенного местного жителя в экзотической стране, особенно когда в прикроватной тумбочке лежит обратный билет.

Таким образом, жаркие, сексуальные, эпичные «курортные романы» стали частью меня – на вечеринках с друзьями и за столом сценаристов я превратилась в Девчонку с Классными Международными Романтическими Историями. Мои поездки

стали очень важны для меня.

Моей маме будет приятно узнать, что моя зависимость от горячих мужчин, живущих в местности, располагающей к сексу, на самом деле выросла из несексуальной страсти: я обожаю делать то, к чему меня обязывает конкретное место. Что это значит? Например, всегда пробовать фирменное блюдо. Или курить сигареты (хотя я вообще-то не курю) в идеальном уголке идеального парижского кафе. Или, будучи в Биг-Суре, раздеваться догола для купания в джакузи с компанией людей, которых ты бы не хотела видеть голыми. Это значит кататься на низких пушистых лошадках, которые обязательно сбросят тебя на арктический мох в Исландии, или дать себя отхлестать горячими мокрыми ветками в московской бане. Когда случается нечто подобное, меня накрывает абсурдное, абсолютное счастье – мне кажется, похожие чувства испытывают люди, у которых рождается ребенок. И когда меня любит, скажем, бразилец в Бразилии или критянин на Крите... я как будто выигрываю золотую медаль на Олимпийских играх.

Мне нравится, что я одна из миллиона одиноких женщин, бродящих по дорогам мира. Мой парень как-то сказал, что дом с сорока кошками – вот к чему приводит такой образ жизни, однако я думаю, что сегодня этот дом полон сувениров, напоминающих о заграничных приключениях. «Просто посмотри на всю эту трагичную гиперкомпенсацию – племенные маски и рейнстики», – добавил мой друг, но сдается мне, что замена котиков на билеты авиакомпаний свидетельствует о прогрессе, который женщины проделали как вид. Я безумно горда нами. И, кстати говоря, поскольку у меня есть и кот и множество сувениров из других стран, я порвала с тем парнем и отправилась в реально крутое путешествие.

Глава 1

Мое первое настоящее приключение без парня

Международный аэропорт Лос-Анджелеса -> Аэропорт Парижа – Шарль-де-Голль -> Амстердамский аэропорт Схипхол
Отправление: 24 марта 2000 года

Первый раз, когда я выпустила пар в поездке, не был рожден из желания ловить момент. Он был рожден из глубокого отчаяния.

Мне было 26 лет, и я отправилась в Европу с подругой детства, Хоуп, на эдакий «девичник» после разрыва с моей первой и самой последовательной любовью, Вито. (Конечно, его звали совсем не так. Я позволила ему самому выбрать себе имя для романа. Поэтому допустим, что у меня были шестилетние отношения с мужчиной по имени Вито.) Я залечивала разбитое сердце точно так же, как и многие другие 26-летние девчонки, пережившие серьезный разрыв на заре третьего тысячелетия, – то есть я проколола пупок, подстриглась, как Мег Райан во «Французском поцелуе», и отправилась в Амстердам.

Но сначала я немного расскажу о мужчине, из-за которого на моем теле появился пирсинг. Мы с Вито встретились на первом курсе колледжа, близко подружились (наша дружба была сдобрена крепким алкоголем и тем фактом, что мы оба уехали далеко от всех своих знакомых), а затем наконец страстно влюбились – так страстно, как только бывает у всех в первый раз. Мне потребовалось 15 лет погони за тем первым ощущением, чтобы понять: оно никогда больше не повторится. Медленно учусь.

Мы влюбились друг в друга в начале 90-х, поэтому мы с Вито были уверены, что фильмы с Итоном Хоуком и Вайноной Райдер – это *про нас*. (А еще фильмы Итона Хоука и Жюли Дельпи. Вообще говоря, все фильмы с Итоном Хоуком.) После окончания колледжа я и Вито смеялись над нашими друзьями, которые сразу после выпускного устроились на работу в агентства и консалтинговые компании. Сами мы собрали рюкзаки и отправились на лето в Европу, а затем провели волшебные осень, зиму и весну, работая и катаясь в Вейле в Колорадо. Там мы снимали комнату у двух братьев, которые много говорили о своих шотландских предках и пытались стать «альпийскими моделями».

«Надо просто гонять по красным трассам и выглядеть

супершикарно», – объяснял младший брат.

После Вейла Вито поступил в Калифорнийский университет Санта-Барбары, а я переехала в Лос-Анджелес, чтобы попытаться писать для телевидения. На практике это значило 80 часов в неделю водить по городу машину, полную оборудования и кофе для сценаристов. Это значило полное отсутствие времени на мои собственные сценарии, а также обилие мужчин-сценаристов, которые замечали, как ты строчишь что-то в углу, и говорили «Оооо, ты что-то пишешь? Как мило!» Это значило проводить обеды, подкидывая им гениальные идеи для сценария, которые они записывали слово в слово, пока ты все больше обнадеживаешься и гордишься собой с каждым «Отличная идея!». А потом: «Когда-нибудь ты станешь великолепной женой продюсера». Это значило бросать шуточки в сценарной и слышать в ответ «Оо, разве она не милашка?» – а потом просьбу повторить свою шуточку, прыгая и размахивая руками или, возможно, сидя на коленях у продюсера. И в итоге это значило всегда-всегда смеяться над своей жизнью.

Как бы то ни было, пока я разбиралась с миром Голливуда, Вито переехал в пахнущую жасмином Санта-Барбару, чтобы серфить, работать на полставки рейнджером в национальном парке и изучать экологию – то есть он стал человеком, который ну никак не смог бы жить в Лос-Анджелесе, где обитают сценаристы. Следующие три года мы мотались туда-сюда сотни километров, чтобы увидеться, и я уже начинала подумывать о смене рода деятельности. Однако, несмотря на все усилия, у меня не получалось придумать никакого другого занятия для себя, я не могла составить новый план на жизнь даже при всем желании.

В результате мы с Вито в 20 лет стали планировать свою пенсию. Правда. Не было варианта, при котором мы могли бы провести следующие 30 лет своей жизни вместе так, как хотели. Поэтому мы просто пропустили данную часть и сошлись на том, что где-нибудь в 2035 году мы оба уйдем на пенсию и будем жить на авокадовой ферме в краю вина.

Но игнорировать реальность слишком долго невозможно, и тогда наши отношения, как сказал Вито, «превратились в разговоры об отношениях». В 24 года мы пошли к семейному психологу.

– Я просто не вижу себя человеком, который живет в Лос-Анджелесе. Кроме того, меня просто убивает то, сколько бензина мы сжигаем, гоняя туда и обратно каждую неделю, – восклицал мой измученный защитник окружающей среды.

– Мы что, *серьезно* будем добавлять топливо к списку наших проблем?! – восклицала я.

– Я просто говорю, это правда меня заботит.

Психолог взяла паузу. «Итак... вы будете проводить три ночи в неделю вместе, а Кристин будет жить в Санта-Барбаре три весенних месяца, – сказала она, пытаясь нарисовать перед нами абсурдную картину. – Для некоторых такой вариант подошел бы. Как считаете, вашей «проблеме» он поможет?»

Мы смеялись над ее словами. Но годы спустя я осознала, что это, пожалуй, самое правильное, что мне когда-либо говорил психолог.

Полностью недоступный Вито, все шесть лет говорящий мне, что он хочет быть со мной, – вот что мне подходило. Проще простого было оставаться полностью уверенной в нем. Позже от многих доступных мужчин я узнаю, как на самом деле провел те шесть лет Вито.

Но я долгое время ничего не знала. В результате я написала данную книгу.

Наши проблемы в конце концов заставили нас расстаться. Мы поплакали, обнялись и поклялись любить друг друга вечно. Он посадил меня на поезд до Лос-Анджелеса, и всю дорогу я проревела, зная, что потеряла Того Самого и что никто никогда больше не поймет и не полюбит меня так, как он. Я надеялась, что он едет по дороге вслед за поездом на машине и будет ждать меня вечером на вокзале. Но когда я сошла с поезда, на станции никого не было.

Через пару месяцев родилась идея девичьей поездки.

Мы с Хоуп встретились в восьмом классе, в первый же день занятий, мы обе были новенькими в школе и прибились друг к другу в поисках тепла среди прохладных отношений средней школы. Мы остались друзьями, когда я отправилась в Северо-Западный университет, чтобы ходить на регби и поднабрать лишние килограммы, злоупотребляя пивом и пиццей, а она поступила в Орегонский университет, чтобы гонять на мотоцикле под дождем и исхудать из-за наркотиков. К концу колледжа рядом мы смотрелись так, будто я ее съела. Хоуп всегда умудрялась делать сотню дел одновременно, поэтому она отучилась семестр в Эквадоре и выпустилась с двумя степенями – по бизнесу и по испанской литературе, получив два высших образования за четыре года. К 26 годам она выросла в любящую приключения, спортивную, вечно жизнерадостную женщину, которая много работала и много кутила. Поэтому, когда она пригласила меня составить ей компанию в командировке в Амстердам, чтобы повеселиться без парней (в чем я очень

нуждалась), было несложно сказать «да».

После четырех лет работы ассистентом на разных ТВ-шоу мне только предложили первую работу сценариста на «Шоу 70-х», которое должно было стартовать в следующем июне. То есть в моей жизни случилось чудо, означавшее, что на горизонте замаячила дата, когда я наконец-то начну выплачивать долги по кредитам. (Четыре года зарплаты ассистента завели меня в долги из-за такой роскоши, как носки и еда.) Поэтому я купила билет на самолет – жди меня, веселье для девочек! А затем Хоуп пригласила своего парня поехать с нами.

«Ты же не против, правда?»

Я вообще-то была против. Чувствуя, что я буду пятым колесом, я постаралась отмазаться, когда бойфренд Хоуп решил все исправить, пригласив своего лучшего друга.

«Господи, только не Майк!» – протестовали мы обе.

Но очень милый Майк, вылетевший из университета и стоящий на учете в полиции наркоман, с голубыми волосами, розовой кожей и глазами грызуна, был *в деле*.

«Ооо, звучит так мило, – говорили мне друзья Майка понимающе. – Майк, как мне кажется, точно сможет помочь тебе забыть о разрыве!»

Я отвечала коротким «мм», пока Хоуп извиняющимся взглядом смотрела на меня поверх своего алкогольного напитка.

Мы начали поездку в Париже, где Майк сопровождал наш поход по культурным достопримечательностям города фееричными комментариями вроде:

о соборе Нотр-Дам – «О, так вот в честь какого места называли школу!»

о Лувре – «А че такое Лувр?»

о европейских скорых – «Они такие, другие!»

Нас всех поселили в одну комнату в древнем разваливающемся отеле рядом с небольшим парком на Сене, прямо напротив собора Парижской Богоматери. Примерно за \$30 за ночь, с видом на собор, это был самый отстойный отель в самом лучшем месте в мире, и я останавливалась в нем за четыре года до этого во время нашей постуниверситетской поездки с Вито. Место просто сочилось воспоминаниями о моей первой поездке в Европу с моей первой любовью, так что настроение было не то чтобы *en rose*^[2].

Из-за моего крайне мрачного вида и того факта, что в последние шесть лет я не целовала никого, кроме своего бывшего, в головах моих компаньонов зародилась идея об «очищающей

рецепторы встряске».

– Секс-сорбет! – пояснила Хоуп.

– А че такое сорбет? – спросил Майк.

От мысли об этом я чувствовала себя так, что мы снова и снова расстаемся с Вито, но в кино секс-сорбеты всегда помогают героям. В итоге я решила на ночь все-таки отпустить себя, и мы отправились в город, чтобы повеселиться.

Мы нашли много выпивки. И еще огромного, горячего австралийского бармена, который пригласил нас в квартиру к своему другу для продолжения банкета. Все складывалось очень даже ничего для меня и бармена, учитывая, что я пила со скоростью, характерной только для тех, кто пытается флиртовать после шести лет перерыва... Далее я ничего не помню, кроме того, как мы возвращаемся утром в нашу крошечную комнатуху на Сене.

«Бармен помог дотащить тебя вниз с четвертого этажа, – рассказала мне Хоуп. – Он был очень мил!»

Итак, мои рецепторы все еще не были очищены. На самом деле они скорее ощущали вкус вина и желчи. Однако наша поездка только начиналась.

После нескольких дней с Хоуп и мальчишками я решила провести еще какое-то время в Париже и отправила их в Амстердам без меня.

Мне нужна была передышка от Майка, и, кроме того, я хотела стать девчонкой, которая бродит по Парижу одна.

Видите ли, годами наши с Вито диалоги о путешествиях складывались так:

– Я хочу поехать на Гавайи на весенних каникулах, – говорил он.

– Мне на этой неделе нужно будет работать, – отвечала я.

– Ладно, я тогда поеду один, – решал он.

И ехал.

Сегодня Кристин образца 2013 года посчитала бы это очень верным решением. Кристин-2013 сделала бы то же самое и была бы в восторге от того, что рядом с ней мужчина, который может отправиться в путешествие один так же, как и она может тоже. Но, боже мой, Кристин-1998 чувствовала себя совершенно по-другому. Мне совершенно не хотелось никуда уезжать без Вито. Мне требовалось быть с ним каждую минуту. Стремясь поскорее его увидеть, я мчалась в Санта-Барбару с максимально возможной скоростью, не останавливаясь, чтобы сходить в туалет или

охладить машину. Вито же больше походил на меня сегодняшнюю: радовался, когда у меня получалось поехать с ним, но любил и одинокие приключения.

Его стиль жизни сводил меня с ума.

Поэтому мне хотелось превратиться в девчонку, которая может и одна повеселиться в Париже. Мне было немного страшно, но я помнила урок, который преподавала мне моя мама в бассейне на Гавайях, когда мне было семь. Я была застенчивой маленькой девочкой, единственным ребенком в семье, поэтому на каникулах обычно играла одна, боясь подойти к группам счастливых ребятшек и познакомиться. В конце концов в одну из поездок мама спросила меня, что бы я выбрала – каникулы без друзей или *один страшный момент*. Я собрала в кулак всю свою смелость и поплыла через бассейн к детям, где мне пришлось пережить этот страшный момент – и у меня появились друзья на все каникулы. С тех пор ради новых возможностей я всегда выбирала один страшный момент.

Я стала девочкой, которая знает, как сделать глубокий вдох, подобрать соплю и войти в любую комнату.

Поэтому я сделала глубокий вдох, посадила трех своих компаньонов на поезд до Амстердама и отправилась впервые в жизни гулять одна по незнакомому городу.

Но не все получилось гладко.

Я постоянно садилась не на те поезда в метро и обнаруживала себя в кафе без книги. (Практически невозможно нормально поесть в одиночестве и без книги. Попробуйте. Это просто ужасно.) В Париже практически нет мест, где женщина защищена от нежелательных приставаний французов. На улице меня постоянно преследовали какие-то придурки, однажды в 10 утра, когда я гуляла по парку, ко мне пристал мужик, до ушей завернутый в шарф, с вопросом, не хочу ли я стать его любовницей. Я нервничала, и мне было одиноко, и я писала Вито открытки из кафе, где мы сидели вместе, в ярости из-за того, что я нервничаю и мне одиноко. Вито бы отлично провел в Париже пару дней. Нужно было как-то менять ситуацию.

Видимо, поэтому-то я в один прекрасный момент и обнаружила себя на пути в бар, где работал симпатичный австралиец. *Боже мой, я просто гуляла – и тут твой бар! Париж – такой маленький город!* Австралиец был очень мил, смеялся над моим вчерашним состоянием и наливал мне пиво. А затем еще одно. И еще. Мне было неловко, но я просто продолжала сидеть, чувствуя, что мне нужна победа, а подвернется ли мне более

подходящий случай, я не знала.

В конце вечера бармен закрыл заведение и посадил меня в такси. Такие дела.

Итак, пережив полный провал, но гордясь собой за сделанную попытку, я села на поезд до Амстердама.

Оказалось, что, хотя Майк и не идеальный напарник для культурной поездки в Париж, в Амстердаме он просто находка. Вы знаете, как прекрасно наблюдать за человеком в естественной для него среде? Леброн Джеймс бежит с мячом, Паваротти поет, Райан Гослинг дышит? «Майк в Париже превратился в «Майка в Амстердаме» словно тюлень, который, хлопаясь и барахтаясь на песочном берегу, пытается добраться до воды – и вот, наконец, он в море – грациозен и великолепен, легко выпрыгивает и ныряет.

Мы примерно 30 секунд тусовались в первом нашем амстердамском баре, когда Майк показал на кого-то у меня за спиной и сказал: «Этот чувак».

Майк стал выше, что ли, чем в Париже? – размышляла я. Он по прямой продрался через сотню человек к худому, совершенно обычно выглядящему пареньку лет двадцати, которого, как выяснилось позже, звали Питер. Он дал нам салфетку, где перечислялись все бары и кафе, где его можно было разыскать в разное время дня. С ним была его подруга, черная проститутка по имени Виктория, в ультракоротком платье, совершенно не оставлявшем места для фантазии. Несколько дней спустя мы наблюдали, как эта девица взобралась на стол в клубе, засунула свои пальцы в самое сокровенное и... достала оттуда руку, украшенную драгоценностями. Мне кажется, что случилось сие действие часов в восемь утра, в четверг.

Однако мы отвлеклись от Питера. После короткого разговора он вручил Майку небольшой пакетик, который сумел занять мысли нашего друга на всю следующую неделю. Мы же наблюдали за реакциями Майка, не зная, стоит ли нам последовать его сомнительному примеру.

Признаюсь, что в данном вопросе я была не сильна.

Когда-то отец дал мне один из лучших своих советов, который заключался всего в одном слове – *подожди*. Он не просил меня воздерживаться от запретных подростковых «развлечений», иначе, я уверена, мне захотелось бы немедленно все попробовать. Отец лишь просил меня немного подождать, посмотреть на реакции моих друзей и понять, проанализировав их ошибки, что допустимо делать, а что – нет.

Бессознательно я приняла этот совет близко к сердцу относительно и многих других аспектов своей жизни, например, относительно детей и брака. *Просто подожди.* В компаниях я выпивала, но в отличие от всех своих друзей никаких экспериментов с определенными веществами не проводила. К тому же у меня был парень. Мы с Вито готовили ужин, ходили по фермерским рынкам, а когда нас накрывало безумие – делали фондю. Мы ездили в Амстердам на тех летних европейских каникулах, но по большей части налегали на голландские блинчики, которые выдают в такой приятной фольге. Иногда мы, конечно, позволяли себе немного расслабиться во время, например, прогулок на мопедах вдоль старинных замков. Или когда мы сидели и болтали ногами в том, что мы считали Северным морем (нет, это было не оно), напевая песню (*Sittin' on*) *The Dock of the Bay*^[3] чаще, чем это способны выдержать трезвые. Мы совершенно не собирались опускаться на темное дно Амстердама.

А теперь это самое дно смотрело на меня глазами моего нового приятеля – голландца Питера.

Хоуп, ее молодой человек, голубоволосый Майк и я планировали остаться в Амстердаме дня на три, а потом отправиться в поля Голландии – в буквальном смысле, мы хотели взглянуть на поразительные разноцветные тюльпанные поля на пути в Гаагу, где собирались немного больше узнать о международном суде. Вместо этого мы застряли в Амстердаме на долгую темную неделю, за которую мы видели солнце примерно 45 минут в день, обычно поздним утром, по дороге от задней двери клуба до нашей комнатухи с темными шторами. Мамочки везли своих детей в школы по тем же мостам Амстердама, по которым мы в это время тащились домой на нетвердых ногах, истощенные и еще очень далекие от того, чтобы заснуть.

Хочу сразу прояснить – несмотря на наши гулянки, я все еще находилась в состоянии глубокой беспросветной боли разбитого сердца. Даже Майка раздражало то, как я стенала о потере своей первой любви. А ведь он все время пребывал в измененных состояниях сознания, поэтому вывести его из себя было не так-то просто. Но даже Майк утомлялся от того, как часто мне хотелось обсудить, правильно ли я поступила за несколько недель до того, отклонив первое в жизни предложение руки и сердца.

Предложение поступило через шесть недель после нашего расставания с Вито и через неделю после того, как я проверила его голосовую почту (ну да, знаю) и услышала сообщение от девчонки-первокурсницы, с которой он, как выяснилось, недавно начал спать. Я почувствовала себя хуже, чем когда бы то ни было

в своей жизни, но тут на мое крыльцо появился Вито с цветами и предложил выйти за него замуж.

Несколькими годами ранее, ударившись в панику из-за обилия одетых в бикини абитуриенток университета Санта-Барбары, с которыми мой парень проводил время, я не выдержала и прочитала дневник Вито (знаю, знаю). Там он писал, что через два года, после защиты магистерской диссертации, он сделает мне предложение. Отличные новости, правда? И никаких историй о дефлорации девчонок на серфах! Я, правда, посмотрела на это под другим углом.

Однако, несмотря на свою отчаянную любовь к нему, я запаниковала.

Для меня брак был концом, а не началом сказки. Камнем и веревкой на шее. Поражением, решением бросить интересную жизнь ради жизни, как у всех остальных. Скорее «долго», чем «счастливо»

Почему я так думала? Ну... вернусь к этому позже.

Прочитав дневник Вито, я исполнилась решимости намекать ему почаще, что брак – это не для меня. Я говорила ему, как хочу провести с ним всю жизнь, поскольку жизнь без него для меня равноценна потере руки или ноги. Я сказала ему, что когдааааааааааааа-нибудь захочу иметь детей, но брак создан для *других* людей, определенно. Для обычных людей. Для тех, которые выкладывают кругленькие суммы денег за футболки, когда во всем мире голодают дети, или для тех, которые волнуются о том, подойдет ли нарисованная ими картина к обивке дивана. Для людей, стремящихся поставить штамп закона на то, чем они и так обладают.

«Зачем людям штамп в паспорте – чтобы заверить то, что у нас уже и так есть?» – в конце концов стал повторять и Вито.

Поэтому когда он сделал предложение через шесть недель после разрыва, я знала, что он на самом деле не хочет жениться на мне и жить в Лос-Анджелесе. У него всего лишь появилось желание запрыгнуть в свою машину, быстро гнать по шоссе и приехать ко мне – как в конце какой-нибудь романтической комедии, – чтобы облегчить нашу боль. (И затем спокойно спать со своей свеженькой студенткой.) Но наши чувства друг к другу никогда не были проблемой – мешало лишь то, что мы хотели прожить свои жизни по-разному. Поэтому я сказала «нет» – и он не выглядел удивленным или хоть капельку расстроенным.

«Считай это постоянно открытым предложением!» – сказал радостно Вито по пути в машину.

И уехал обратно в Санта-Барбару – вернулся к 19-летней

девчонке, с которой начал встречаться через пять минут после того, как мы расстались. Я же тем временем провела несколько месяцев метафорически и буквально в позе зародыша, задаваясь вопросом, которым, я уверена, задаются многие бывшие девушки походников: смогу ли я еще когда-нибудь воспользоваться палаткой, которую он мне подарил?

Расставание с Вито меня *на самом деле* расстраивало. Именно поэтому однажды вечером в Амстердаме Майк дал мне таблетку.

Ну, это, пожалуй, не совсем правда. Майк дал мне таблетку, поскольку мы четверо больше не могли выносить друг друга. Хоуп злилась на своего бойфренда, потому что он отправился на стриптиз без нее. (Подсказкой мне стали десять царапин от ногтей на его шее. Парней, естественно, после этого выгнали из комнаты Хоуп.) Майк злился на меня, поскольку бойфренд Хоуп сболтнул ему, что я решила остаться в Париже подольше, устав от его тупых вопросов. Бойфренд Хоуп точил на меня зуб, считая, что я проявляю снобизм по отношению к его другу. Я злилась на Хоуп за то, что она превратила наш прекрасный девичник в поездку слез и ссор, пригласив далеко не самых лучших парней. А нам ведь нужно было еще неделю там жить.

«Нам нужен химический мост обратно к дружбе», – подвел итог Майк.

Наверное, он был прав. Мы все переглянулись, подумав о том, насколько сильно мы не хотим провести следующую неделю вместе, и обратились к мешочку с таблетками.

Через несколько месяцев Майк признался, что нашел тот мешочек на полу самого большого кофешопа в Амстердаме, месте, которое возглавляет список всех студентов под названием «*А давайте поедem в Евротур!*». Поэтому он не был абсолютно уверен в том, что внутри пакетика не находился, собственно, какой-нибудь яд. Что, кстати, совсем не смешно.

Но это не был яд. Мы снова любили друг друга! Я танцевала с парнем Хоуп под *Bésame Mucho*, наши тела слились в идеальном меренге^[4], который я вспоминаю до сих пор. Я вдруг неожиданно прозрела и увидела, какой Майк душка – душистый душка, и больше не осуждала его. С Хоуп же мы плакали друг у друга на плече, радуясь нашей многолетней дружбе. И в каком-то из баров Амстердама мы встретили Фиону, 20-летнюю рыхлую британскую девчонку на костылях, которая хотела *замутить* со мной.

Я, понимаете ли, выросла на пару лет раньше поколения девчонок, которые целуют других девчонок, и им это нравится.

Честно говоря, перспектива попробовать лесбийский опыт с

британской девчонкой-калекой в Амстердаме выглядела весьма заманчиво. Раньше у меня не было никакого опыта с девушками, но в тот вечер Фиона (как и все остальные) получила порцию настоящей любви Кристин – и нацелилась на меня.

Мы сидели рядом довольно долго, разговаривая на очень личные темы, как могут разговаривать только два человека под кайфом, когда я поняла, что *эта женщина со мной флиртует!* А я... флиртвала в ответ? Взглянув на нашу близкую беседу как будто со стороны, я спрашивала себя, хватит ли у меня смелости сделать *нечто новое и шокирующее* на глазах у людей, которые привезут эту историю домой.

В итоге против Фионы действовали ее болтовня и излишняя открытость. Она рассказала, что в ее 20 лет у нее было более 30 сексуальных партнеров. К своим 26 годам я дошла до числа три, и прямо у нее над головой я видела короткий мультик про половые инфекции, которые словно маленькие сердечки вылетают из головы влюбленной мульташки. И пока я размышляла, что проколотый язык Фионы может очень неплохо разнообразить мой единственный лесбийский опыт (лесбийский секс ведь так языкоцентричен, и все такое), я заметила, что она и правда выглядела очень нездоровой. И этот потный, липкий блеск на ее лице, который я называю «наркотический пот»... ее вид не предвещал ничего хорошего. А еще были костыли и сломанная лодыжка, про которую она не могла вспомнить, где ее сломала, что как-то не очень вписывалось в мой обнаженный сценарий. Кроме того, на всю оставшуюся жизнь мне придется смириться с тем, что именно *Майк* среди всех людей сохранит эту абсурдную историю обо мне. Таким образом, на исходе ночи я, как и многие другие до меня, решила, что Фиона – не тот человек, с которым мне нужно сходиться.

И Майк переспал с ней вместо меня.

Я же наконец встала на ноги после недели на темной стороне и вытащила всех из кроватей часа в три дня, чтобы устроить хоть небольшую обзорную экскурсию. Мы сходили в дом-музей Анны Франк, поели блинчиков (сладких). Сходили в музей Ван Гога, поели блинчиков (острых). И в итоге я запихнула всех в поезд, и мы поехали смотреть на поля тюльпанов.

Мы пили растворимый кофе и смотрели из окон поезда на фермерскую Голландию – казалось, что ее раскрасил гигантский воспитанник детского сада. Километры красного рядом с километрами зеленого, затем километры фиолетового и километры желтого.

Голубые волосы Майка во всем этом окружении делали его похожим на героя фильма *«Чарли и шоколадная фабрика»*. Доброта, вызванная таблеткой, пока еще не выветрилась из меня, поэтому я не бесилась, когда Майк задавал свои тупые вопросы. Голова Хоуп лежала на плече ее бойфренда, все было прощено. Через два года они поженятся, через пять разведутся... потому ее парень так и не сможет отказаться от рейвов и запрещенных веществ.

Я тогда ехала домой с ощущением, что со мной случилось настоящее приключение – только со мной, без парня. Я поняла, что билет на самолет может поднять настроение и что я все-таки была девчонкой, которая может зависнуть одна в Париже. Девчонкой, которая знает парня по имени Голландец Питер и которая могла бы переспать с британской калеккой. И все это заставило меня почувствовать себя чуть лучше после окончания моей жизни, в которой был Вито. Наступала новая эпоха, и ей следовало стать столь же яркой, как голландские поля тюльпанов.

Через два месяца я начала встречаться с Тревором, который помог мне пережить разрыв с Вито и чье сердце я разбила два года спустя. Дело в том, что в свои 29 лет я осознала: впервые в жизни я отчаянно нуждаюсь в одиночестве. Но тогда в поезде светило солнце, и мы были четырьмя друзьями, путешествующими по весенней Голландии. Я так и не попробовала свой заграничный секс-сорбет и не поцеловала женщину, но я выбралась из позы эмбриона и совершила поездку за океан. И она мне понравилась.

Глава 2

В России занимаются любовью, а не войной

Международный аэропорт Лос-Анджелеса -> Аэропорт Шереметьево, Москва

Отправление: 7 мая, 2002

Я использую 11 сентября, чтобы рационализировать измену. Я не горжусь этим, но важно, чтобы вы знали. И я бы хотела, чтобы вы прочитали изложенную ниже историю через призму 11 сентября. Помните то время? Мы все были чуть больше благодарны за жизнь, чуть менее уверены в будущем? Так ведь? Помните?

Да, я знаю, это не слишком красиво. Но, к сожалению, мой первый по-настоящему удачный курортный роман оказался моей первой (и единственной) изменой. Он случился во время моей поездки в Россию, когда я состояла в отношениях с Тревором – Тревор, приношу тебе свои искренние извинения. Мы с Тревором были друзьями годами, пока я встречалась с Вито, а затем, через шесть месяцев после того, как мы с Вито разошлись, Тревор пригласил меня на свидание. Он был жизнерадостным грубияном, который ненавидел большинство людей, поэтому я приняла то приглашение как комплимент. Спустя два года мы жили вместе, и он действительно хотел жениться. Я же, как обычно, – нет.

Мне исполнилось почти 29, сериал *«Секс в большом городе»* находился на пике своей популярности, и я ни черта в нем не понимала. Я никогда не была одинока, будучи взрослой. Я не могла с уверенностью Кэрри рассуждать о разнице между двадцати- и тридцатилетними мужчинами, и у меня не получилось бы развеселить всех за ужином историей о том, какие глупости совершала в поисках любви. У меня никогда не случалось плохих свиданий или хороших свиданий. Если честно, я вообще не ходила на свидания, потому что последние 10 лет жизни я провела бок о бок с мужчинами, с которыми до романтических отношений длительное время дружила. В обоих случаях мы как-то ночью напились, поцеловались, сказали «я люблю тебя» и затем провели вместе несколько лет.

Поэтому я начала задаваться вопросом, а будут ли у меня вообще когда-нибудь такие истории из жизни одинокой девушки, как в сериале. Казалось, что я пропускаю некий очень важный жизненный опыт, вроде как увидеть Париж или завести ребенка,

упускаю возможность занять воспоминания, которые согреют меня, когда я буду спать в своей старушечьей постели.

Тревор был симпатичным, веселым и немного странным – как мне нравится. Но кроме того, он мечтал писать комедии и поэтому, как и все подобные писатели, постоянно сидел без работы. В месяц, когда мы начали встречаться, я перестала просто мечтать и принялась за дело, получив свою первую должность сценариста на «Шоу 70-х», и поэтому невостребованность Трево́ра усугубилась депрессией, когда он смотрел, как я каждое утро стала уходить на работу своей мечты. В итоге мы оба оказались в очень тяжелой ситуации. Я любила его, и он переехал ко мне, когда закончился срок аренды его квартиры, но я не планировала выходить за него замуж. Я не думала, что состоять в отношениях с человеком, за которого ты не собираешься замуж, – это проблема в основном потому, что я реально никогда не хотела *выйти замуж*.

Почему же я так думала? Практически все говорят, что наши представления об отношениях основываются на браке наших родителей. Не знаю, все ли это объясняет, но вот история моих родителей, и она определенно оказала на меня влияние.

Мои родители встретились, будучи молодыми загорелыми светловолосыми спасателями в одном и том же бассейне на юге Калифорнии, в 1967 году. Посмотрите фильм «Гиджет», и вы поймете, о чем идет речь. Они быстро поженились, очень молодыми, им было 20 и 24, и я выросла, окруженная их любовью – ко мне и друг к другу. Они вместе принимали душ, танцевали на кухне, запирали дверь спальни по утрам субботы.

Но спустя 18 лет они стали совершенно разными людьми. 19-летняя спасательница, на которой женился мой отец, превратилась в корпоративного юриста-трудоголика, для которой мир расширялся с каждым годом. Молодой красивый морской офицер, возивший свою молодую невесту в Ньюпорт и Неаполь, стал полицейским, работающим с малолетними преступниками в режиме с 9.00 до 17.00, что считалось в нашем доме неполной занятостью. Отец оказался жизнерадостным домоседом, чувствующим себя наиболее счастливым, сидя на диване со мной, мамой и бутылкой вина.

Он был недоволен помощницей по дому, которую наняла моя мать, чтобы не проводить свободные часы, оттирая полы. Она возмущалась тем, что вынуждена работать и зарабатывать деньги для семьи, и надеялась хотя бы иметь возможность посмотреть мир. А он настаивал на том, чтобы каждый год отправляться на Мауи, где мы могли бы жевать бутерброды и плавать в бассейнах рядом с пляжем. Она дарила ему на дни рождения сертификаты

на уроки полетов, потому что молодым парнем он мечтал стать пилотом, а он чувствовал, что она критикует его за то, что он недостаточно хорош для нее. Она хотела, чтобы он имел какую-то жизнь кроме нас, он хотел, чтобы она больше жила для нас.

Все разрушилось.

Вот какие уроки относительно семейной жизни я усвоила, основываясь на браке своих родителей:

1) Рано жениться означает делать ставку в игре, правил которой ты не знаешь. Ты не в курсе, кем вы оба станете. Если вы женитесь до того, как полностью повзрослеете, вы понятия не имеете, подойдет ли вам этот человек позже.

2) Брак – это границы. Он ограничивает вашу свободу, вашу возможность двигаться за своей мечтой. Если вы совершите ошибку и изменитесь, будучи в браке, ваша семейная жизнь закончится

3) Не важно, насколько влюбленными вы начинаете ваши отношения, неважно, как много вы танцуете на кухне и как часто закрываете дверь в спальню, ваша любовь умрет.

Поэтому, когда люди вроде Вито и Тревора просили меня выйти за них, я отказывалась.

Моя лучшая подруга, Саша, была не на шутку поражена тем, что я провожу «свои лучшие годы», как она говорила, с человеком, за которого не собираюсь выйти замуж. Сегодня мир у твоих ног, говорила она, но так будет не всегда. Мне такие формулировки казались смешными. В будущем я хотела бы иметь детей, поэтому подразумевала, что *когда-нибудь* выйду замуж. Но не сейчас. Когда я была ребенком, я говорила маме, что заведу детей как можно позже. Мужчины женятся и обзаводятся потомством в 30 и в 40 лет, и я могу сделать так же.

Однако десятью годами позже я заметила кое-что важное: *немолодые мужчины обычно женились не на женщинах, которым было по 30 и 40.* Десять лет спустя я обратила внимание на то, что мужчины моего возраста встречаются с женщинами намного младше себя, потому что *у этих женщин еще есть время ходить на свидания и наслаждаться жизнью, прежде чем они захотят детей.* Так или иначе, несмотря на слова моих друзей, пытавшихся переубедить меня, я была уверена, что брак мне не нужен. Когда мне было чуть больше двадцати и мужчины постарше приглашали меня на свидания, мне они казались отталкивающими и старыми. Я как-то не обращала внимания на то, что я была чуть ли не единственной известной мне женщиной двадцати с лишним лет, которая находила успешных, тридцати с лишним лет мужчин непривлекательными.

Как бы то ни было, так я и жила – с депрессивным безработным бойфрендом, которого я любила, но за которого не собиралась выходить замуж, когда Саша пригласила меня в путешествие по России. Сама она жила на Восточном побережье, поэтому мы несколько лет каждый год летали друг к другу повидаться. Идея поездки в Россию появилась, потому что Саша родилась в Москве и ее родители переехали в США, когда ей было три года. Я встретила ее в пятом классе и, взглянув на эту крошечную девчонку со стрижкой под горшок, которой ее наградил экономный отец, подумала – *это самый симпатичный мальчик в школе.*

Но сейчас Саша превратилась в красивую 29-летнюю с дорогой стрижкой женщину, которая провела последние два года в постелях с королями индустрий и детьми мировых лидеров в юридической школе Йеля. Ничто не успокаивало Сашу так, как поход в магазин Neiman Marcus, потому что он, пожалуй, олицетворял собой полную противоположность запаху кабачков из дома ее детства, который отпечатался в ее памяти. Она рассказала мне все о дорогих туфлях, когда еще ни одна из нас не могла их себе позволить, и мы купили одну пару Manolo Blahnik на двоих – и возили их туда-сюда из Лос-Анджелеса в Нью-Хэвн по особым событиям.

Мама Саши предложила отправиться в Россию впервые с их приезда в США. Я уцепилась за возможность посетить эту страну с русскими (следуя своему принципу), и мы отправились в путь.

В самолете Саша сидела рядом с пузатым мужчиной средних лет из Финикса по имени Томми. Он летел в Россию, чтобы забрать оттуда выписанную по почте беременную невесту. Томми показывал фотографии. Ей было 18, и она была потрясающе красива. Он встречался с ней за несколько недель до этого, когда, списавшись по почте с несколькими женщинами, отправился в Россию на смотрины. Выбрав ту, что ему понравилась, Томми провел с ней пару недель. Она забеременела, и теперь он собирался забрать ее с собой в новую жизнь, где она также стала бы мамой для двух толстеньких детей Томми от первого брака, поселилась бы в типовом доме на одну семью и получила бы новенький красный «Бьюик». У Томми, кстати, имелись при себе фотографии и машины, и толстых детей, и типового дома.

– Ты говоришь по-русски? – спросила его Саша.

– Нет, я считаю, что она должна выучить английский, – ответил Томми, – ведь все, чего она хочет, – это стать американкой».

Саша сжала руку матери.

Несколько недель мы «практиковали русский». Не то чтобы

мы прямо говорили на русском, но мы говорили на английском на русский манер – очень театрально и с глубоким чувством обреченности. Когда русские встречаются, они говорят не «Рад встрече», а «Сколько лет, сколько зим!» Почему хотя бы не весна или лето? В России много мрачного и драматичного.

Саша научила меня несколькими фразами на русском, которые не давали мне покоя следующие три недели. Я почти без акцента могла сказать «Я невеста на выданье». Еще «Возьми меня под свое крылышко» и «Мы – американские красотки». Когда же я не могла употребить подобные фразы, то становилась просто миленькой улыбающейся блондинкой, кивающей, пока Саша болтала. Я улыбалась, кивала, улыбалась, кивала, затем ко мне оборачивалась Саша и говорила: «Кристин, скажи что-нибудь!»

«Я невеста на выданье!»

И у нас появлялись новые русские друзья.

Я попросила маму Саши научить меня говорить «Have a nice day» по-русски, но она только нахмурилась и ответила: «Мы так не говорим».

Та поездка стала смесью тура по историческим местам России с прогулкой по закоулкам памяти Сашиной матери. Мы встретились с той Сашей, в честь которой назвали мою Сашу, ужинали с огромным количеством старинных друзей Сашиных родителей и их семьями. Никто не говорил по-английски, Саша с мамой тоже говорили по-русски, так что на всех этих ужинах я просто молча сидела над миской с едой, в которой обязательно, помимо прочего, присутствовали яйца и майонез. У русских это называется «салат».

Вообще-то сидеть и молчать на ужинах с друзьями я не привыкла. Дома на вечеринках я выкладываюсь по полной. Я не только развлекаю гостей, что считаю священной обязанностью хозяйки, но также стараюсь все время поддерживать разговор, обращать внимание на людей, которые молчат, задавать вопросы, которые втянут их в беседу, и заполнять неловкие паузы. Возможно, стремление сделать всех счастливыми – просто часть моей природы, а может быть, его корни растут из детства, проведенного в разваливающейся семье, чье единство по силам удержать только ребенку. Как бы то ни было, я не жалеюсь, поскольку именно этот навык сделал меня успешным сценаристом.

Сценаристы сериалов часто пишут все вместе, сидя за большим столом и болтая весь день напролет. Иногда, на некоторых проектах, ты буквально ни на минуту не можешь остаться один на один с компьютером и просто писать. И за

такими рабочими столами я работаю не менее напряженно, чем на ужине с друзьями. И я никогда не придавала этому значения, пока не оказалась в России, где никак не могла участвовать в вечеринке. Мне приходилось просто сидеть там, что поначалу было мучительно. Чувствуешь себя не в своей тарелке, балластом на крошечной спасательной шлюпке, дрейфующей в океане непостижимых для меня бесед.

Незадолго до моей поездки на мастер-классе по медитации наш гуру задал вопрос, над которым мы должны были подумать.

«Без мыслей и слов – кто я?»

Труп. Именно такой ответ появился в моей голове вместе с чувством паники. Без мыслей, слов, речи... это *смерть*. Моя карьера и вся моя жизнь состояли из миллионов слов каждый день, и без них я превратилась бы в черную дыру. После практики мы обсудили этот вопрос с подругой, и ее ответ был абсолютно противоположным моему. Ее идея отсутствия слов и мыслей приводила в состояние покоя и умиротворения.

Для меня это значило *конец*.

Но в той поездке по России я научилась обходиться без слов. Я смогла молча улыбаться людям, просить передать хлеб и излучать дружелюбие. Я была не только словами. Я нормально себя чувствовала и без них. Перемены произошли со мной, когда я наконец доела салат с майонезом и *расслабилась*. Я расслабилась так, как никогда ранее ни на одной вечеринке в жизни. Это мое лучшее впечатление о поездке в Россию.

Кроме Олега.

Мой русский любовник был барменом. Вообще говоря, бармены красной нитью проходят через всю мою историю. В конце концов, в свои 30 я приняла решение – больше не встречаться с людьми, которые подают еду или напитки в Соединенных Штатах (за исключением Гавайев и Аляски). Пожалуйста, не держите зла, бармены и официанты США, если бы я жила в другой стране, я была бы не прочь встретиться с вами. Но я живу в Лос-Анджелесе, поэтому там, встречаясь с официантом или барменом, ты *на самом деле* встречаешься с актером, моделью или музыкантом, что является тотально саморазрушительной практикой.

Но данное правило не имеет никакой силы в путешествиях. Особенно когда ты путешествуешь в одиночку и поговорить, кроме как с людьми, которые тебя обслуживают, больше и не с кем. Что возвращает нас к Олегу и его острым утонченно русским чертам лица, его непослушным блестящим черным волосам, его глубоким пытливым русским глазам. Я встретила с ним

однажды вечером, когда мы с Сашей пришли в его бар, чтобы выпить, где я и заказала (с ужасным акцентом) «водку с тоником». Взяв напитки, мы сели за столик. Но я и Олег не могли перестать поглядывать друг на друга.

– Я люблю его, – это все, что я смогла сказать Саше. Слово «любовь», кстати говоря, гораздо легче использовать в чужой стране.

– Ты хочешь, чтобы я с ним поговорила? – спросила она меня.

Нет, я стеснялась. Кроме того, у меня был парень. Саша выглядела раздраженной. С тех пор как я объяснила ей, что не собираюсь за Тренора замуж, она требовала, чтобы я порвала с ним. И тут я снова взглянула на Олега...

Ладно... может, у него есть отличная идея, куда мы могли бы еще сходить? Возможно, где-то недалеко проходило прекрасное культурное мероприятие и он о нем знал. Она могла бы спросить его об этом.

Мы встали и направились напрямиком к красавчику бармену. Саша начала болтать с ним, пока я занималась привычным «кивай, улыбайся», а Олег смотрел на меня своими потрясающими глазами.

Спустя пару минут Саша обернулась ко мне: «Это Олег. Я сказала, что он тебе понравился. Ты ему тоже понравилась. Завтра вечером у вас свидание. Не отказывайся, поскольку за Тренора ты все равно замуж не собираешься, а значит, однажды ты снова останешься одна, из чего следует, что ты будешь полной дурой, если не проведешь время с русским в России».

Возможно, Саша была права.

Я вспыхнула, Олег протянул мне руку:

«Привет, Кристиночка. Сколько лет, сколько зим».

Господи боже.

Саша позвонила Олегу, как и обещала, на следующий день и договорилась с ним о месте нашего свидания. Он попросил ее передать мне трубку.

– Привет? – попыталась я.

– Хеллоу, Кристиночка, – сладко промурчал Олег.

Я хихикнула:

– Хеллоу, Олег!

Долгая пауза, и его вопрос, преисполненный надежды:

– *Тунайт?*

Олег выучил английское слово! Я люблю его. Он такой умный.

– Да, тунайт!

Еще одна долгая пауза:

– Кристиночка.
Еще одно хихиканье:
– Олег.
Господи боже.

Мы с Сашей поймали машину до бара, где договорились встретиться. Мне это показалось довольно опасным приключением. В стране был недостаток такси, поэтому ты просто выходишь на дорогу, поднимаешь руку, кто-нибудь останавливается, спрашивает, куда тебе надо поехать, и называет цену.

И таким образом, двум американским девчонкам пришлось выйти на дорогу и начать голосовать. В результате останавливались разные машины, в том числе побитые, с одним или двумя пугающими угрюмыми мужчинами в черных кожаных куртках, которые опускали стекло и спрашивали: «Куда едем?» Американки обсуждали, эти мужчины на самом деле опасны или только выглядят опасно, как большинство русских? Мы взяли за правило, что садимся только в машину, где сидит только один водитель, рассудив, что с одним стокилограммовым русским похитителем мы, возможно, и справимся, а вот уже с двумя – нет. На самом деле реальность оказалась совсем не страшной. Внешность обманчива, и мне очень повезло, что я была рядом с человеком, который говорил по-русски. До того как Саша открывала рот, практически все в России смотрели на нас очень хмуро.

Вечером моего большого свидания мы поймали машину до шумного темного клуба, который Олег выбрал местом встречи. Я провела день, говоря себе, что встретиться с парнем – не значит сразу переспать с ним, мы просто заводим местных друзей!

Олег пришел через несколько минут после того, как мы заказали водку с тоником, и три раза поцеловал меня в щеки, по-русски. Что важно понимать об этом обычае – после поцелуя в одну щеку, ваши носы и губы скользят друг по другу к другой щеке, а затем вы проделываете данный путь *еще раз* к первой щеке. Чем медленнее происходит движение от щеки к щеке, тем серьезнее приветствие. По-моему, это отличный способ растопить тяжелые, полные снега и темноты зимние будни.

Движения Олега были очень медленными.

Олег узнал друга в баре – Мишу, сексуального и агрессивно выглядящего татуировщика лет тридцати. Саша немедленно решила, что должна поближе рассмотреть Мишины татуировки.

Поэтому мой переводчик бросил нас с Олегом знакомиться.

Олег наклонился ко мне и громко проорал в ухо: «I speak small of English!»^[5]

«Фантастика! – прокричала я в ответ. – I'm kind of a talker, and the thought of what we were going to do if we couldn't communicate was sort of terrifying! So, are you from Moscow? How do you know Misha?»^[6]

Олег, запаниковав, смотрел на меня одну, две-три секунды... а затем просто взял и поцеловал меня.

Он словно дотронулся губами до самой моей души. Люди с драматичным взглядом на мир умеют обалденно целоваться. Во всяком случае, мы с Сашей пришли к такому выводу, основываясь на своем опыте. Позже я узнала, что то же самое можно сказать об израильтянах, которые похожи на русских своим отношением к миру. Наши наблюдения о взаимосвязи драматичного взгляда на мир и способности к поцелуям можно распространить и на американцев, если они достаточно чувствительны и несчастливы.

Я считаю, что моя опытная выборка достаточно репрезентативна. Моя мать считает, что она слишком уж огромная.

Но вернемся к свиданию. Хотя Саша могла по-настоящему общаться со своим новым другом, через некоторое время они тоже перешли к поцелуям в другом конце бара. Вечер быстро набирал обороты и превращался в воплощение стереотипа о России – было много водки, много шампанского и танцев под смесь плохого техно со странными американскими песнями, которые почему-то очень нравились русским. К примеру, песня «Mambo No. 5» пользовалась большим успехом.

(Кстати, о русских женщинах. В 18 лет они выглядят как богини. У всех девчонок в том клубе были ноги от ушей и модельные скулы, пухлые губки и огромные выразительные глаза. Но, что очень грустно, многие женщины в России старше сорока похожи на крошечных, испещренных морщинами древних гномов. Эта холодная, нередко полная водки и сигарет жизнь тяжела, и она проходится по лицам женщин подобно танку. А поскольку Саша в свои 40 лет выглядит просто фантастически, я с уверенностью утверждаю, что такие изменения не связаны с генами.)

Как бы то ни было, после того как мы натанцевались, Миша предложил нам перебраться к нему в квартиру. Саша к тому моменту уже достаточно выпила и поэтому полагала, будто Миша достаточно трезв, чтобы набить ей ее первое тату.

Мы набились в такси с бутылками водки и шампанского и ехали очень, очень долго. Выяснилось, что Миша живет со своими

родителями в квартирке на самой окраине Москвы. Олег, кстати, тоже.

Почти никто в России не живет меньше, чем с двумя-тремя поколениями в одной квартире, и почти у всех есть дача – такой летний дом. Мы поражались тому, как столь бедные люди (часто кандидаты наук), которым иногда приходилось жить в комнате, полной народу, могли позволить себе содержать летние дома, пока не увидели сами эти домики – крошечные деревянные сарайчики вдоль шоссе. Это и есть дачи. Наверное, когда проведешь русскую зиму с многочисленными родственниками в одной комнате, спокойная одинокая неделя в сарае рядом с шоссе покажется райским отпуском.

Наконец мы добрались до Мишиного дома, после чего, крадучись и перешептываясь, прошли в Мишину спальню (рядом спали его родители). Но представшая перед нами комната оказалась слишком маленькой для четырех человек, стремящихся к уединению, поэтому Миша забрал с собой Сашу на 20-минутный вояж в ванную, оставив нам с Олегом свой диван.

Весь предыдущий день я провела, размышляя о том, как буду изменять своему бойфренду. Я фантазировала об Олеге. В моих мечтах он учил меня произносить названия всех частей тела на русском, целуя каждую из них и говоря название, а я бы старалась повторять. Затем я бы проделывала то же самое с ним на английском. Меня очень захватила эта фантазия.

И вот день спустя я лежу на диване со своим русским. Мне было 28 лет, и за последние восемь лет я спала только с двумя людьми. С того раза, когда я была с кем-то впервые, прошло немало времени, да и случалось со мной такое всего несколько раз. Мы с Олегом могли общаться друг с другом только при помощи глаз и тел. И у нас это получалось очень хорошо. Все было просто сказочно, когда Олег перестал заниматься кое-чем невероятно восхитительным, поцеловал меня в нос и сказал «Нос».

Нос. По-русски. ОН ДЕЛАЛ ЭТО! Восхищенная, я повторила «нос», поцеловала его в нос и произнесла «ноуз». Олег повторил, мой чудесный ученик. Следующими были уши. Пальцы. Локоть. Места, которые не принято называть.

Сумасшествие, не правда ли?

Похоже, но нет. В конце концов, пройдя через множество интернациональных романов, я поняла – подобное происходит каждый раз, когда ты занимаешься любовью с носителем другого

языка. Всегда. Каждый раз. Безумие, но моя фантазия просто родилась из естественного поведения двух человек, которые не могут общаться и все же находятся в одной и той же комнате обнаженными.

Саша и Миша вернулись, помятые, но довольные, за вторым безумным номером нашей вечерней программы – татуировкой. Моя великолепная подруга – выпускница Лиги плюща^[7], идеальное воплощение американской мечты, спасенная от будущего злобно выглядящей, преждевременно постаревшей женщины, эта молодая многообещающая женщина стянула штаны, запрыгнула на стул и прокричала своему приятелю: «Можешь делать, что хочешь!»

Возможно, вам кажется, что наступил тот самый момент, когда верной подруге Саши неплохо было бы вмешаться. Но я была топлес, Олег лежал на мне, и мне показалось, что мое вмешательство может показаться нетактичным. Так что, вместо того чтобы остановить ее, я глотнула из бутылки шампанского и проорала: «Как классно, подруга!»

– Ты себе тоже сделаешь? – спросила Саша, пока Миша собирал на полу иголки.

– Черт меня дери, но нет!

Но Саша тем не менее позволила Мише делать все, что ему вздумается. В итоге она получила огромный бесформенный (Миша был настолько пьян) знак бесконечности. Он протянулся вдоль всего низа спины.

И пока моя подруга набивала себе татушку, мы с Олегом воспользовались ее услугами, чтобы узнать друг друга поближе.

Саша, выясни, где он родился.

Саша, как сказать: «Твоя кожа сводит меня с ума?»

Лежа на том диване, мы с Олегом поняли, что мы просто без ума друг от друга. И что нам суждено было встретиться. Во-первых, мы родились с разницей в три недели. *С ума сойти, да?!* Во-вторых, мы оба выросли во времена холодной войны, опасаясь, что в любой момент на тебя может свалиться бомба... Еще раз повторюсь, на тот момент прошло всего несколько месяцев после 11 сентября. Мир был испуган. Поэтому казалось естественным превратить акт любви в России (пока мой парень спал в нашей кровати в Лос-Анджелесе) в международный миротворческий акт. Я буквально воплощала посыл *make love, not war*. Любовь спасет нашу планету.

Именно поэтому для меня 11 сентября связано с изменой.

Но я хотя бы тату не сделала.

На следующий день Олег проводил меня до такси в аэропорт.

Мы крепко обнялись. Я спела ему Leaving on a Jet Plane^[8] и не чувствовала никакого смущения. Он знал несколько слов из песни.

«I don't know when I'll be back again. Oh, babe, I hate to go».

Он взял мое лицо в руки, заглянул в самую душу и поцеловал меня.

Москва, аэропорт Шереметьево -> Париж, аэропорт Шарль де Голль

Отправление: 30 мая, 2002

Я улетаю из Москвы в Париж, чтобы встретиться с матерью, отчимом и его детьми, собираюсь провести с ними пару недель на юге Франции. В соборе Парижской Богоматери я поставила две свечи – одну за Олега и одну за Тренора, чувствуя в себе достаточно любви для них обоих. Пока мое разъяренное семейство рассекало по Провансу, набившись влятером в машине для двоих, я пользовалась своей новообретенной способностью сидеть тихо, спокойно смотря в окно на лавандовые поля.

Саша поменяла билет и осталась с Мишей еще на пару дней. Я звонила ей из Франции, и она восхищенно кричала в трубку:

«Я в Парке Горького ем хот-доги! Олег по тебе скучает! Мы должны помочь им переехать в Америку! Я постараюсь помочь им с визами, Кристин! Мы ИЗМЕНИМ ИХ ЖИЗНИ!»

Она не шутила, а я не смеялась. Я соглашалась, и плакала, и просила передать Олегу, что я тоже скучаю. Она отдавала ему трубку, и мы обменивались единственными доступными нам словами:

– Олег?

– *Кристиночка.*

– Олег.

– *Кристиночка.*

В конце концов я заплатила \$150, чтобы на сутки раньше уехать от своей семьи, а Саша заплатила столько же, чтобы остаться с Мишей еще на несколько дней.

Вернувшись домой, мы выяснили, что Саша каким-то образом не подцепила ВИЧ. Я же спрятала свой дневник и фотографии Олега в коробке, в гараже Сашиного отца, и, съедая вином, порвала с Тревором. И вот мне 29 лет, и я впервые отправляюсь на настоящее взрослое свидание.

До поездки в Россию я была уверена, что уже полностью сформировалась. Я думала, что никогда не изменюсь. Но выяснилось, что какая-то часть меня по-прежнему очень юна. Эта часть вела себя тише, не судила строго и оказалась гораздо более

дикой, чем остальная я. Следующие десять лет я провела, сосредоточившись на этой другой себе, на той части меня, которая лежала на диване в России и ужинала в Москве. Хотя описываемые события случились не в самое подходящее с моральной точки зрения время, у меня появилась первая собственная история в стиле «Секса в большом городе». Так я стала тем, кто я есть. Девчонкой, которая никогда не теряет запал. Девчонкой, которой ее забавная депрессивная подруга сказала: «Ты веселишься больше, чем все, кого я знаю». Девчонкой, которая набирает больше всех голосов, когда на вечеринках мы играем в игру «Выбери, с кем бы ты поменялся жизнью».

Девчонкой, которая очень боялась потерять запал.

Глава 3

Плюс на плюс дает минус

Международный аэропорт Лос-Анджелеса -> Лондонский аэропорт Хитроу -> Аэропорт Парижа – Шарль де Голль
Отправление: 26 декабря, 2004

Вы когда-нибудь влюблялись в человека, которого никогда не видели? Я да. Поэтому я и отправилась в Париж – повидать его.

Наверное, стоит объяснить, в чем дело.

После моего разрыва с Тревором нужно было бороться с моей естественной склонностью погрузиться в следующие длительные отношения. Я отправилась в еще одно девчоночье путешествие с Сашей – в Китай и Тибет, где меня поразили горы, монахи и глиняные воины, но мужчины там слишком низкорослы и безволосы. Затем мы поехали в Испанию, где я связалась с барселонцем, который, как выяснилось, носил такие же черные трусы, как у меня, и который обязательно хотел знать, как я отношусь «к некоторым странностям». Я почти уже влипла в отношения, когда отмечала Новый год в канадских горах с хорошим другом. Ранее он годами по-пьяни говорил совершенно неприемлемые вещи и выражал надежды типа *если бы только мы оба были одиноки*. Он говорил, что постоянно думает о том, каково это – быть с кем-то вроде меня, с женщиной, с которой можно разговаривать (в отличие от привычных ему молодых официанток). И вот мы наконец оба одинокие, целуемся на танцполе в Канаде, но затем мой друг внезапно исчезает, когда мы добираемся до отеля. Позже он объяснил: «У нас действительно могло бы получиться, если б ты не была такой успешной».

(Я уже упоминала, что быть работающей женщиной-писателем в Лос-Анджелесе просто ужасно, когда дело доходит до знакомства? Я бы не хотела употреблять слова вроде «зануда» ко всем без исключения, но давайте скажем так: Шерил Сэндберг^[9] многое знает о привлекательности успешных женщин. Кроме того, Нелл Шовелл, соавтор книги «Не бойся действовать. Женщина, работа и воля к лидерству», была автором успешных женских комедий).

Как бы то ни было, я была благодарна своему приятелю за то, что он не дал мне свернуть с пути. Природа звала меня на поиски

любви, но мне хотелось насладиться первым глотком одиночества после всех прошлых лет. Поэтому я продолжала рыскать по городу в поисках «одинокого парня, которого пугают серьезные отношения». И так как довольно много женщин, разменявших третий десяток, паниковали насчет замужества и срочно искали пару, несколько парней в Лос-Анджелесе с удовольствием приняли мой призыв. Если вы ищете волшебное заклинание, которое превратит вас во флейтиста-крысолова для мужчин, вот оно. Поэтому я провела год, водя за собой «крыс» по городу, а затем встретила Бена.

У Бена было то, что стало моей личной флейтой, – эпичная, невероятно приукрашенная история нашей встречи. Настолько масштабная и романтическая, что звучала именно так, как мне казалось, должна была бы звучать моя версия «Как я встретил вашу маму».

История началась следующим образом: однажды на вечеринке в честь дня рождения друга, как раз когда я уже начинала скучать от своей одинокой жизни, я увидела девчонку, посетившую мою рождественскую вечеринку годом ранее, сразу после моего разрыва с Тревором. Когда она поняла, что я и устраивала ту вечеринку, то очень удивилась. Так совпало, что на этой неделе она как раз ужинала со своим приятелем Беном, встречавшимся, к своему несчастью, с девушками, которые ему не нравились. Он жаловался, что все они даже рядом не стояли с той, которую он встретил на рождественской вечеринке почти год назад... СО МНОЙ! Его на ту вечеринку привел общий друг, и хотя я даже не помнила, что знакочилась с Беном, он был поражен. Бен не набрался смелости пригласить меня на свидание, но вот уже год с тех пор обсуждал с коллегами своих девушек и всегда говорил, что никто не сравнится «с Кристин Ньюман».

Кому бы такое не понравилось?

Но важно помнить, что дело происходило в Лос-Анджелесе. И выглядела я как 30-летний писатель. Не как 20-летняя модель, актриса или длинноногая певичка, влюбляющие тревожно высокий процент жителей города. Лос-Анджелес ужасно несправедлив к обычным женщинам с хорошей работой. Поэтому стать чьим-то стандартом качества в его малиннике – действительно неожиданное событие.

Как бы то ни было, но историю с Беном было бы здорово слушать и рассказывать и десятки лет спустя, особенно на встречах класса или беседуя с 20-летними актрисами. Неудивительно, что я позволила этой девчонке свести нас, и выяснилось, что Бен – веселый, умный, невероятно чувствительный парень с голосом мечты. Он родился в

артистической семье Восточного побережья, владевшей авокадовым ранчо в Калифорнии. (Авокадовое ранчо! С видом на океан!) Он рассказывал невероятно занимательные истории о членах своей семьи как настоящий писатель. Мы перебрасывались остротами по электронной почте. Он великолепно целовался и ничуть не хуже играл на гитаре. Таким образом, меня стали посещать мысли, что, возможно, год одиночества – достаточный срок. И я так считала несколько месяцев.

А потом началось... Почему он меня так раздражает? Я люблю его? Действительно ли я готова к тому, что он мой единственный? Разве не должна я быть увереннее?

Я была уверена с Вито. Я не была уверена с Тревором и разбила ему сердце. Я не хочу больше разбивать ничье сердце. Я ему действительно нравлюсь. А он мне? Может, я все же еще не готова? Почему он так медленно водит? Поворот налево не должен заставлять его так нервничать.

В один прекрасный день, проведя несколько месяцев в этих отношениях, я решила, что недостаточно счастлива, и порвала с ним. Через неделю мы сошлись снова благодаря особой способности Бена погружаться в мою невротическую душу и уговаривать меня отойти от края обрыва. Но за ту неделю между расставанием и возвращением я успела съездить покататься в горы с друзьями и тогда-то услышала первый раз о мужчине, который и привел к моим заморским приключениям в Париже и Лондоне. Мужчина, которого я буду называть Феррис Бьюллер^[10].

Все началось с обычного после расставания разговора за начос и горячим шоколадом с одним из моих друзей, тоже сценаристом: «Знаешь, с кем тебе стоит встретиться, Кристин? С парнем с моей работы – Феррисом Бьюллером».

Жена моего друга сделала большие глаза и стала решительно кивать – да, точно. Они сказали, что их знакомый – будто реальный Феррис Бьюллер, но на 20 лет старше. Звучало многообещающе, потому что Феррис Бьюллер был моим Идеальным Мужчиной со старшей школы – харизматичный и веселый, его любили все – от модных банкиров до школьных секретарш, он обожал приключения и встречал их с неизменным оптимизмом. Я встречалась и с другим воплощением Ферриса в реальной жизни в старших классах и колледже, но в конце концов он стал профессиональным спасателем, что было уже как-то не особо заманчиво после тридцати. Поэтому, когда я услышала о возмужавшем Феррисе, с успешной карьерой, которая не требовала плавок в качестве дресс-кода, я была очарована.

Друзья говорили, что Феррис *совсем как я* – комедийный сценарист, полный энергии и обожающий путешествия, вечеринки и общение. Он занимался организацией поездок в отдаленные уголки мира и жадно стремился наполнить жизнь моментами, похожими на сцену из фильма. Совсем как я. Он даже жил в доме, расположенном недалеко от моего. И еще одно – он обожал делать то, к чему его обязывает место.

Все были уверены, что мы с Феррисом будем лучшей парой, какую только можно представить. Но, как часто бывает в комнате, полной комедийных писателей, скоро эта тема обернулась постоянными подколками. Когда я несла сноуборд, кто-нибудь говорил «О, Кристин, если бы Феррис был здесь, он бы *определенно* понес его за тебя». Я ворчала: «Да ладно?», «Да, знаю, он такой внимательный».

За ланчем: «О, Феррис лучше всех заказывает еду. Он бы *определенно* заказал и тебе обед, если был бы здесь». Далее следовал мой ответ: «Знаю, его манеры и вкус просто безупречны. Я так его люблю».

Скоро я уже играла в воображаемые отношения. «Ребята, как думаете, Феррис и правда любит меня или только вроде как любит меня?» «Ты что, шутишь?! Он не переставая говорит о тебе!» На второй день отношения ждала полоса неудач: «Мне кажется, Феррис смотрит на меня не так, как раньше, ребята». «Нет, Кристин, что ты! Он очарователен! Все великолепно!»

Получалось довольно весело, и на этом празднике жизни, где присутствовали две супружеские пары и одиночка, спящая в холодной кровати, наша игра *определенно* поднимала мне настроение. Легенда о «бойфренде Кристин, Феррисе» занимала у нас в разговорах столько места, что мне казалось, будто я действительно не одинока. Я была там *со своим парнем, Феррисом*.

Что, конечно, звучит немного безумно.

Но мысленно проводя с кем-то столько времени, пусть это только и игра твоего воображения, ты начинаешь влюбляться в придуманный образ. Я пережила такое же странное ощущение однажды, когда пыталась набраться смелости и попросить друга по работе написать вместе со мной сценарий к фильму. Этот человек был невероятно талантлив, и я волновалась, что он откажет, потому что ему не нравилась сама идея или потому что я окажусь недостаточно крутым партнером для него. Я постоянно прокручивала наш разговор в голове. Я мысленно практиковалась, трусила и снова практиковалась. Похоже на то, когда ты хочешь пригласить кого-нибудь на свидание. И тогда произошло это странное явление: мои мысленные диалоги на данную тему стали обретать сексуальный оттенок. Я

представляла себе, как мы пишем рядом, поздний вечер, мы оба склонились над клавиатурой, лицом к лицу, он обнимает меня за талию и...

Очевидно, мозг можно обманом заставить влюбиться. Поэтому, даже когда я вернулась из поездки с друзьями и сошлась с Беном, я все еще думала в своей глупой голове: *а ты уверена, что нужно возвращаться к Бену? Или нужно попробовать пообщаться с Феррисом?*

Тогда-то Саша и Хоуп осуществили интервенцию. «Феррис тебя не знает». – «Ты его не знаешь». – «Это все не настоящему». – «Нет никакой схватки Ферриса с Беном, потому что Феррис – ненастоящий». Ну и все в таком духе. В конце концов я не окончательно слетела с катушек, а значит, смогла засунуть свои фантазии подальше и заставить себя вернуться к Бену. Чтобы несколько месяцев спустя наконец сказать: «Я люблю тебя» по-настоящему. Это было не так просто. Поскольку я уже однажды расходилась с ним, я составила список правил, следуя которым мне следовало увериться, что именно то самое чувство я имею в виду, когда произношу слово на «л» в первый раз:

1. Не следует говорить ничего такого по пьяни.
2. Не следует произносить это в любой гиперромантической ситуации – например, в отпуске или на свадьбе.
3. Нельзя признаваться в любви во время секса.

Проблема заключалась в том, что я чувствовала прилив любви только во время вышеперечисленных ситуаций. Смотри, как Бен играет на гитаре в домике на озере Тахо после выпивки и секса на лодке. Да, конечно, вот же она я! Трезвая во вторник вечером в ресторанчике Baja Fresh? Не уверена. Поэтому я постоянно задавалась вопросом о своих чувствах.

Друзья тоже пытались подкорректировать эти мои правила, вопрошая: а когда люди, по моему мнению, чувствуют в себе силы сказать «я люблю тебя» впервые? В очереди в магазине? Нет, обычно такое признание срывается с языка по пьяни, во время секса или в каком-либо романтическом месте. Что и требовалось доказать: ТРИ ВОЛШЕБНЫХ СЛОВА выскочили из меня однажды ночью, когда мы возвращались с вечеринки одного миллиардера, где мы напились и предались разврату в одном из помещений дома. В итоге я в один момент махнула рукой на все три упомянутые мной правила.

И на следующий день я все еще любила Бена. Однако через день мы пошли в Baja Fresh, и я спросила себя: *Люблю ли?* Тогда я решила составить список плюсов и минусов, что, конечно,

является смертью любой любви – а эти списки занимают примерно 10 % моих дневников. И глубоко в душе я продолжала думать о Феррисе.

Дело в том, что каждый месяц или два кто-нибудь еще из моих друзей приходил ко мне с прекрасной идеей: *я знаю парня, который просто твоя мужская версия! Тебе нужно встретиться с Феррисом Бьюллером!*

Они рассказывали, какие удивительные вещи происходят, когда он рядом. Истории о нем с каждым разом становились все эпичнее. У меня был парень, из-за которого я испытывала внутренний раздрай. С Феррисом же я могла быть цельной и на 100 % уверенной. Поэтому я продолжала думать о нем.

Итак, вот она я во всей красе – пытаюсь забыть о Феррисе на Сашиной свадьбе, состоявшейся летом. Трудно переоценить то впечатление, которое произвело на меня это событие. Саша не только стала еще одной из моих знакомых, кто пошел по пути, мне, как я боялась, уже заказанном; она, кроме того, являлась моим подельником, моей сестрой, моей дикой, веселой, обожающей приключения подругой, научившей и меня жить так же.

И дело было не только в переменах, свершавшихся в Сашиной жизни в те выходные. Ее свадьба представляла собой один из тех эпизодов реальной жизни, которые, покажи их в кино, смотрелись бы банальными и идеальными одновременно. Она вышла замуж в Нью-Йорке и пригласила на торжество еще Хоуп и нашу подругу Энн, чьи родители были моей второй семьей. Энн выросла в тихого организованного юриста, без лишних страстей вышла замуж за своего университетского бойфренда и теперь спокойно вынашивала первого в нашей компании ребенка. Хоуп находилась в депрессии, переживая пик чудовищного развода с парнем, который ездил с нами в Амстердам и отправился смотреть стриптиз без нее. А я приехала туда с Беном... мучительно решая, что же делать дальше. Мы были как четверка из «Секса в большом городе»: одна выходит замуж, другая разводится, третья раздумывает, влюблена ли она, а четвертая ждет ребенка.

В день этой свадьбы Энн родила ребенка, всего в нескольких кварталах от места церемонии, примерно в тот самый момент, когда Саша сказала «да». Что касается Хоуп, то она закатила глаза, слушая их «навсегда», а я плакала над потерей моей одинокой подруги. Не теми эмоциональными, радостными свадебными слезами, которые свидетельствуют о счастье. Огромные тяжелые капли, олицетворение моего искреннего горя, капали из глаз, пока я смотрела, как мой любимый друг начинает другую жизнь. К концу выходных я потеряла свою лучшую

подружку. И когда я вернулась домой, старая паника относительно Бена и моей готовности быть с ним обрушилась на меня с новой силой. И вот, после продолжительных внутренних поисков и огорчений, списков «за и против» я опять рассталась с ним. Потому что... ну... потому что. Так я и поступила. Из-за... того, что такая вот я.

Я долго корила себя. Долго плакала. Долго сомневалась в своем решении. Я сидела во дворе своего дома и жаловалась Саше и ее мужу Джареду.

– Почему ты плачешь, если *сама* рассталась с ним?

– Потому что я разбита! Он великолепен! И Тревор был прекрасен! Я старею, я должна желать остепениться! Но я не хочу! Может, я вообще никогда не захочу! Все остальные хотят этого, а что не так со мной? Возможно, я буду разрушать теперь все свои отношения, потому что сама сломана!

Но они убеждали меня, что все со мной в порядке. Что мы с Тревором просто не подходили друг другу. Сашин муж дал мне расписку, где он ставит 10 000 баксов на то, что в ближайшие пять лет я встречу мужчину, за которого захочу выйти замуж.

– *Пять лет?! –* вопила я.

– Ты сказала, что еще не готова.

– Но я должна быть готова раньше, чем через *пять лет!*

Несколько лет спустя я нашла эту бумажку, но расписка Джареда о его собственном браке закончилась год назад, и я снова расплакалась. Он до сих пор должен мне 10 000 долларов.

И вот в столь грустный момент моей жизни я наконец встретила Ферриса. Он просто вошел в ресторан и сел за мой столик.

В тот раз мы ужинали в большой компании, куда его, не предупредив меня, тоже пригласили. (*Совпадение! Судьба!*) Он опоздал, и я уже уминала салат, когда этот дружелюбный громогласный парень вошел и закричал: «Привет!!!» У него была почти полностью выбрита голова, только в двух местах свисали по две прядки волос – очевидно, он проспорил какое-то пари. Он явно выделялся, но не в сексуальном смысле этого слова. Он был радостным и забавным. Незнакомец сел рядом и протянул мне руку: «Привет! Я Феррис Бьюллер!»

Вот и он.

К тому моменту я уже решила для себя, основываясь на мечтах под названием «Феррис Бьюллер: легенда», что мы предназначены друг для друга. А настоящий Феррис Бьюллер был достаточно симпатичным и донельзя харизматичным типом. Но это особой роли уже не играло.

Потому что благодаря моим друзьям, все эти месяцы говорившим о том, насколько идеально мы подходим друг другу, я влюбилась в него. По-настоящему влюбилась. Настолько, что написала несколько сценариев для крупных телеканалов, описывая его. Не один сценарий. Настолько, что в итоге полетела в Европу, стремясь поцеловать его.

А вот и сама история о той поездке.

Через пару месяцев после моего столкновения с Феррисом он организовывал первую из многих последующих ежегодных поездок на Новый год. В путешествие обычно отправляются от 20 до 60 человек, куда бы Феррис ни сказал им поехать, и там мы сталкиваемся с самыми нелепыми, запоминающимися на всю жизнь приключениями. Об этих костюмированных экскурсиях Ферриса даже писали в *New York Times*. Он возил нас в альпийские шале, домики в Пунта-дель-Эсте, пляжные бунгало в Доминиканской Республике, на бал-маскарад в стиле 20-х годов в Сан-Франциско, Бразилию, Португалию и на Багамы. Однажды за месяц до поездки он и его развеселая правая рука Томас отправили сообщение по электронной почте сотням людей с предложением в четверг вечером с паспортом и тремя сотнями долларов отправиться в трехдневное международное приключение. 60 человек оказались в автобусе, едущем в Мексику.

Та первая поездка была в Париж, где брат Ферриса служил священником в американском кафедральном соборе, расположенном рядом с Елисейскими Полями. Феррис устраивал вечеринку в соборе на Новый год. И хотя меня не пригласили лично, те же друзья, которые первыми рассказали мне о Феррисе, решили, что «куда все, туда и ты». Так что в следующий раз, когда я пересеклась с Феррисом, я рассказала ему, что в это самое время буду, по случайному совпадению, в Лондоне, и он пригласил меня на вечеринку в Париже. Я схватила свою кузину Эмму, она схватила свою ужасную подругу Салли, и мы купили билеты из Лондона в Париж.

Немного о моих попутчиках: кузина Эмма на два года старше меня. В детстве у нее была чудесная прическа, как у Дороти Хэмилл, и я очень хотела походить на нее. В 25 лет она вышла замуж за своего первого университетского возлюбленного, в то время, когда я рассталась со своим первым университетским возлюбленным Вито, и работала на трех работах на горнолыжном курорте почти бесплатно, чтобы иметь возможность кататься.

Мы начинали похоже: длительные отношения с парнями, которых мы обе встретили в 18 лет и обе думали, что никогда уже

с ними не расстанемся. Поэтому то, что случилось с Эммой, оказалось так важно для меня. В то время, когда я расходилась со своей первой любовью, она вышла замуж (нарушив мое правило «не выбирай супруга слишком юной»). Однако через 13 лет Эмма пришла к выводу, что они с супругом стали просто лучшими друзьями, после чего их пара официально распалась.

В 32 года, впервые одинокая, Эмма вернулась к истокам и встретила мужчину, который пробудил в ней то, о чем она раньше даже не подозревала. И она разыскала меня снова. Прямо тогда, когда я рвала с Тревором, становясь одиночкой в 30 – впервые за всю свою взрослую жизнь.

Прямо перед отъездом в Париж Эмма наконец заполнила свои документы о разводе. У нее, как и у меня, имелось совсем мало одиноких друзей, поэтому она решительно вписалась в поездку, обещавшую присутствие десятков одиноких незнакомцев.

Я была уверена, что Эмма легко найдет общий язык со всеми, поскольку она самый легкий человек в мире, всегда готовая двигаться вперед, жизнерадостная и веселая. Что совершенно нельзя сказать об ее подруге Салли.

И прежде чем я попытаюсь объяснить, что было не так с последней, думаю, неплохо было бы поделиться с вами своими соображениями о том, что делает человека хорошим путешественником. Конечно, это моя точка зрения, но если честно, я уверена, что она справедлива для всех. Существует правильный способ путешествовать и неправильный. И если в данной книге и есть что-то полезное, так это то, что мне, возможно, удастся хоть кого-нибудь научить путешествовать правильно. Итак, вкратце вот мой список отличий хорошего путешественника от плохого. Рекомендую воспользоваться им при поиске нового попутчика.

1. Вы открыты. Вы говорите «да», что бы ни появилось у вас на пути, будь то пахнущий гнилью чай с молоком яка или предложение облизать вам пальцы в Албании (а как еще вы избавитесь от вулканического пепла?) Вы говорите «да», потому что это единственный способ полностью прочувствовать место, дать ему изменить вас. Что, на мой взгляд, является знаком отличного путешествия.

2. Помимо посещения списка основных достопримечательностей, вы отправляетесь в места, куда другие туристы не добираются. Если вы побывали только там, где группа из 50 китайцев ходит за говорящей в рупор женщиной, вы все

сделали неправильно.

3. Вы легко относитесь к вопросам ночевки, еды и комфорта. Вы не меняете по три раза комнату; если нужно, поспите в ночном автобусе, можете обходиться без мяса в Индии и без веганских соевых безглютеновых продуктов в Боливии и не будете постоянно об этом ныть.

4. Вы знаете своих попутчиков и не станете противостоять их желаниям/нуждам/расписанию чаще, чем того требуют обстоятельства. Если вы решите, что хотите делать что-то другое, то вы просто скажете им об этом в очень простой форме, чтобы ваши слова не прозвучали как угроза или проверка ваших отношений.

5. Вы способны преодолевать трудности. Разобраться с картой, заказать блюдо в меню на совершенно непонятном вам языке, найти туалет, поезд или замок.

6. Вы знаете, во сколько вам обойдется поездка, и можете ее себе позволить. В противном случае ехать не стоит. И наоборот, если ваши попутчики более стеснены в средствах, вы можете пожертвовать своим комфортом ради того, чтобы быть вместе с ними. P.S. Симпатичные одинокие путешественники практически всегда останавливаются в самых простых местах. Если вы ищете таких людей, то шиковать не стоит.

7. Вы в курсе культурных различий и хотите в них погрузиться. Вы не станете разгуливать в коротеньких шортах в Шаббат возле Стены Плача. А на пляже в Бразилии вы наденете купальник, открывающий вашу попу, Зная тем не менее, какую ее часть уместно демонстрировать.

8. Вы ведете себя прилично, взаимодействуя с местными служащими отеля, проводниками в поезде, гидами и прочим персоналом. Это нужно и для вашей выгоды, и для поддержания репутации американских путешественников за границей, и просто для хорошего настроения. Улыбайтесь, даже столкнувшись с неприятной ситуацией. Данный совет был особенно актуален для американских туристов во времена Джорджа Буша, когда весь мир считал, что мы либо тронутые, либо повернуты на разрушении мира. (История из тех темных времен: как-то в Греции я, возвращаясь к своему столику в кафе, обнаружила, что Эмма разрешила сидящему по соседству симпатичному греку взять со стола мой фотоаппарат. Он направил камеру прямо себе в штаны и сделал снимок. После чего вернул мне его со словами: «Покажите это своему Бушу».)

9. И последнее правило, самое важное для меня: вам следует чаще отдаваться на волю случая и отказываться от запланированного расписания, чтобы пережить нечто

невероятное. Да, вы пропустите чертов водопад, но если вас пригласили в гости к багамской семье на построждественское барбекю, где вы будете танцевать с тремя поколениями местных жителей во дворе старинного дома, оно того стоит. Вы победили. Забудьте про гребаный водопад.

Так вот, Салли не придерживалась ни одного правила из данного списка. Она никогда не ела, не спала и не двигалась одновременно со мной и Эммой. Она патологически не замечала, чего хотят люди вокруг. Она поругалась со всеми, с кем вступала в контакт, в отелях и на вокзалах, в такси и музеях. Мы провели все две недели поездки, постоянно за нее извиняясь.

Мы возлагали большие надежды на наше путешествие, когда приземлились в Лондоне, где должны были провести несколько дней, разогреваясь перед новогодней вечеринкой в Париже. Но большую часть времени мы пытались вытащить Салли из постели. Она никак не могла привыкнуть к смене часовых поясов и постоянно принимала снотворное. Пару раз мы пытались оставить ее выспаться, а сами отправиться кутить, но она обязательно просыпалась и настаивала на том, чтобы пойти с нами – хотя мы уже стояли в дверях одетые. Мы снимали пальто и ждали, пока Салли примет долгую ванну. Так что наш день начинался хорошо за полдень.

Однажды вечером, через пару часов после пробуждения Салли, мы отправились поужинать в Сохо, в один тайский ресторанчик, в котором все рассаживаются за общими длинными столами. Нас посадили с группой из шестерых жителей Маврикия – островного государства в Индийском океане, примерно в 2000 км от берегов Африки. Эта страна приютила потомков эмигрантов из Индии, Африки и Франции. Сидевшие с нами за столом ребята были прекрасным воплощением этого смешения. Им всем было от 20 до 30 лет, и большинство из них работали барристами^[11]. С вами никогда не случалось такого: человек говорит тебе, что он юрист, и сразу становится очень скучно, а когда ты слышишь от него, что он барристер, возникает чувство, будто ты встретила с Колином Фертом?

Одна из девушек в компании пришла туда со своим младшим братом – привлекательным 20-летним, по-декадентски выглядящим юношей, живущим в Нью-Йорке. За ужином мы подружились, и я положила глаз на весьма симпатичного, черноглазого 24-летнего Николаса, который попросил меня сделать с ним фотографию, где он целует меня в щеку. Мне показалось, что это просто отличная идея. После ужина он пригласил нас потанцевать.

Николас предложил отправиться в клуб по соседству, где, по его словам, играл обалденный диджей-бисексуал. Идеальный вариант для нашей компании натуралов и одного гея из Нью-Йорка. Поэтому наша новообразованная группа из девяти человек отправилась в полный радужных огней клуб, с зеркальными полами, потолком и стенами – все его посетители были такими же «би», как члены группы Village People. Но диджей и правда был великолепен, поэтому я ухватила своего барристера и отправилась на танцпол.

Основная прелесть гей-клуба состоит в том, что ты никоим образом не можешь вести себя развратнее всех. Николас был чертовски хорошим танцором, наши тела извивались в одном ритме, совсем близко. На этой плодородной почве очень быстро мы перешли к поцелуям. На вкус он напоминал апельсиново-ванильный леденец, что мне показалось весьма сексуальным. Если честно, я думаю, что подобные развлечения на танцполе – одна из лучших вещей в мире. Конечно, они не для высокоморальных барышень.

У меня со времен колледжа сохранилось больше, чем мне хотелось бы, фотографий, на которых я, на 10 килограмм тяжелее, извиваюсь в руках какого-нибудь американского мальчишки: глаза в кучку, помада размазана по щекам, сосок выскочил из-под платья без бретелек, которое я одолжила у более стройной соседки по комнате...

В общем, не супер. Но в том гей-клубе в Лондоне, среди почти тысячи обжимающихся мужчин я могла спокойно обвиваться вокруг ноги незнакомого парня и все равно выглядеть как одна из дочерей приличного семейства в *«Аббатстве Даунтон»*^[12].

По дороге в уборную мне пришлось пробираться через толпу ласкающих друг друга мужчин. Это напомнило мне времена, когда мы детьми любили ночью купаться в море, кишасщем маленькими рыбками. Мы визжали, пробираясь через стаи крошечных рыбок, скользящих по нашим рукам... Вот идти через тот танцпол было примерно так же, только там встречалось больше локтей и автозагара.

Как бы то ни было, я добралась до женского туалета, на котором висели две таблички: «женский» и «вход только для женщин!!! Не для МУЖЧИН!!!» Я с трудом толкнула дверь, потому что все помещение от стены до стены было забито мужиками.

Но я все же проложила себе путь в туалет, сделала свои дела

под звуки чьего-то соития и даже смогла выбраться обратно за столик к Эмме, Салли и нашим новым друзьям. Николас и Радж, юный нью-йоркский гей, болтали с двумя пожилыми джентльменами; Леони, сестра Раджа, смотрела на них, пораженная.

«Бедный Радж, эти парни его так не оставят. А вон тот ему в отца годится».

Радж что-то шептал этому «отцу» на ушко, улыбаясь. Что бы он ни говорил, пожилой мужчина тоже улыбался.

Леони выглядела смущенной и пристально наблюдала за братом, однако постепенно ее лицо прояснялось. И тогда мы поняли, что она не только не знала об ориентации своего брата (что было столь же заметно, как то, что у него две ноги и две руки), но и что вообще весь этот вечер был устроен с целью помочь ему открыться перед сестрой. Мы устали на компанию с Маврикия.

Леони начала раскачиваться из стороны в сторонку, пытаясь успокоить себя словами вроде «я в океане среди дельфинов, я в океане среди дельфинов», и закинув в себя маргариту, снова стала смотреть на брата и горячего загорелого дедулю рядом с ним.

Мы шепотом обсуждали, как странно, что она не замечала настолько очевидного факта. Я попыталась обратиться к Николасу, но он меня полностью игнорировал, общаясь со своим серебристоволосым приятелем... очень близко. И вдруг я поняла, что и сама не замечала чего-то очевидного.

В ту ночь я спала рядом с Эммой.

Салли же привела домой барристера. Они сняли соседний номер на два часа, которые нам понадобились, чтобы собраться. Мы уже собирались покинуть номер, чтобы ехать на поезде в Париж, когда вернулась Салли – буквально за пять минут до выхода. Поняв, что потеряла в соседней комнате сережку, она позвонила на ресепшн и попросила впустить ее туда. Но номер был записан на имя барристера, который уже ушел.

«Девчонки, как звали того парня?» – спросила она нас раздраженно, все еще виса на телефоне.

Мы не знали, как его зовут, поэтому ей пришлось поорать на ресепшн еще какое-то время: «Да, я не знаю, как его зовут! Вы видели, как мы два часа назад направлялись туда с этим парнем, и я была с ним в номере, так дайте мне зайти!» Очевидно, ее больше волновала сережка, чем собственное достоинство.

Ладно, давайте не будем отвлекаться на мои несексуальные приключения с маврикийскими геями. Я отправилась в Европу,

потому что рассчитывала провести там романтический новогодний вечер с мужчиной своей мечты. Спустя несколько месяцев после знакомства мы с ним пока *еще* не влюбились друг в друга, однако он по-прежнему занимал мои мысли, впрочем, как и надежда найти человека, с которым я захочу того же, что хотят все остальные. Это довольно сильная психологическая нагрузка. И она дала о себе знать, выскочив на пару сантиметров ниже моего глаза в форме огромного, болезненного, похожего на опухоль прыща. Из-за такого «сюрприза» (по общему признанию Эммы и Салли) вполне можно было пропустить выпускной бал, ведь теперь на моем лице красовалось нечто, с чем обычно борются в рекламе средств от угрей.

И вот наш первый вечер в Париже, я аккуратно накладываю на лицо грим, пытаюсь как можно меньше походить на подростка, а затем отправляюсь на организованный Феррисом ужин.

На сегодняшний день я посетила уже почти сотню больших ужинов с Феррисом, и они всегда проходят одинаково. Он всех развлекает, делая так, что каждый участник вечеринки чувствует себя на ней главным гостем. Пока приглашенные болтают, Феррис делает заказ на всех, что получается у него просто великолепно. Столы ломаются от яств, все едят с общих тарелок, а люди, сидевшие за соседними столиками, постепенно перебираются к нам. Более того, сами официанты, управляющие и даже владельцы ресторана в итоге присоединяются к общему веселью, угощают собравшихся вином и умоляют Ферриса пригласить их на его следующую вечеринку. Это магия. И как человек, который обычно несет ответственность за все вечеринки, я чувствую себя и впечатленной, и ужасно не в своей тарелке.

Феррис превосходит меня в моем главном таланте.

Поэтому в тот вечер мы вошли в ресторан в предвкушении того, что же приготовил Феррис. Выяснилось, что он прилетел в Париж из Берлина, где познакомился в аэропорту с невероятной блондинкой. Она, по слухам, могла быть следующей девушкой Бонда, и ей же предсказывали съемки в фильме о Бэтмене. То есть она была именно такой блондинкой. В самолете Феррис летел бизнес-классом, а она в экономе, и в результате он весь полет носил ей шампанское и орешки. В конце концов он выяснил, что красотка со своими подругами-моделями остановится в Париже, всего через два дома от собора его брата! Какая удача! Так что на эту вечеринку Феррис пригласил ее и ее подруг – латвийских моделей. И они завладели всеобщим вниманием. Мне же при данных обстоятельствах совсем не нужно было переживать о своем прыщике... или о чем-либо еще.

«Благодарение господу, что Феррис всегда знает, где

раздобыть красивых женщин», – сказал мне один парень, не имея в виду, что я одна из них.

Но, несмотря на мою заикленность на Феррисе, я, конечно же, заметила, сколько на нашем ужине собралось привлекательных, веселых и одиноких мужчин. Зерна многих моих приключений, случившихся со мной в последующие годы, были посеяны на том вечере. Но тогда я все еще не понимала, что совсем немногие из этих парней были для меня доступны.

Они все были эдакими Питерами Пэнами, и, так как я и сама себе – Питер Пэн, я этого не замечала. Спустя годы многие из них в итоге произносили передо мной речь, которая сводилась к тому, что я «не из тех, с кем можно шутить». Что кого-то вроде меня не будешь целовать, если не хочешь жениться. И данный «комплимент» не раз пугал меня до чертиков.

Тот вечер мы провели просто прекрасно. Мы танцевали, я познакомилась с прекрасными женщинами и флиртowała с очаровательными мужчинами. В то время как большинство моих друзей дома влюблялись в «женатых», здесь веселилась компания из 30-летних одиночек, которые любили свое одиночество. Их карьеры набирали обороты, и они наслаждались недоступными им в 20 лет деньгами и свободой, которую каждый из них защищал словно мать-медведица своего медвежонка. Зайдя в бар, каждый член этой компании сразу же знакомился с множеством людей, и все они танцевали с ночи до самого утра. Мы завладевали вниманием, куда бы ни входили. Я мечтала о Феррисе, но попутно проводила время на самой крутой вечеринке в жизни.

Наступил канун Нового года. Я все еще не «соединилась» с Феррисом и уже начала подумывать, а не слишком ли мы с ним похожи, он же к тому времени так и не сумел очаровать ни одну из приведенных моделей. Поэтому я все еще сохраняла надежду на поцелуй в полночь – под фейерверки, громыхающие в гущей парижской ночи.

Мы с Эммой и Салли пробирались сквозь парижскую ночь в Американский кафедральный собор. Столы внутри помещения ломились от еды, играла музыка, девушки щеголяли в роскошных платьях, а молодые люди в смокингах, бархатных жилетах и нарядах от Givenchy.

На вечеринке присутствовали члены парижской алжирской мафии, которые дали свой номер Феррису «на случай, если произойдет какое-нибудь дерьмо» (никакого дерьма не случилось,

но этот номер открыл нам доступ к множеству крутейших столиков в лучших парижских клубах). Там были парни, руководившие финансовыми делами целых стран, художники из журнала *New Yorker* и молодой англичанин, который проведет следующие восемь лет в Ираке и Афганистане как правая рука Дэвида Петрэуса^[13]. За свой последний месяц жизни в городе Феррис познакомился с десятками парижан, и они тоже пришли на праздник, собравший гостей из США и разных уголков Европы.

Посреди гостиной возвышалась кованая железная лестница, которая уходила высоко наверх, на колокольню собора. Эта лестница походила на Эйфелеву башню и на весь Париж одновременно. Весь вечер люди стремились подняться по ней все выше и выше, достигая в итоге самого верха башни и пытаясь не свалиться за ограждения от выпитого шампанского.

На Феррисе тогда был голубой вельветовый смокинг, который он с тех пор надевает на каждый Новый год. (Я только что написала ему, попросив подтвердить, что он никогда его не стирает. И получила следующий ответ: «Ежегодный костюм коровы на Хэллоуин – вот что требует стирки, но я и его не стираю. А голубой вельветовый смокинг трогать уж точно ни к чему. Так что... нет». Феррис ни разу его не стирал.) Как бы то ни было, но еще чистый смокинг в тот вечер явился перед нами впервые, когда его хозяин вышел поздороваться с нами, вооружившись метровой бутылкой красного вина и бутылкой абсента, которую он привез из Берлина. Феррис налил нам и того и другого. Он выглядел таким довольным из-за того, что я приехала, поцеловал меня в обе щеки, отметил, что я великолепно выгляжу и... затем проделал все то же самое по отношению ко всем остальным гостям. Так и прошел вечер. Я кружила вокруг Ферриса, но он ускользал от меня. Другой приятель чмокнул меня в полночь, когда мы все вместе стояли на верхушке колокольни, глядя под пронизывающим ветром на фейерверки, расцветавшие над Парижем.

Но вечеринка продолжалась.

Парочка ребят так же безуспешно охотилась за мной, как я за Феррисом. (Подобное частенько случается на вечеринках, когда толстые женщины гонятся за мужчинами, которые охотятся за симпатичными моделями – все бегают по кругу, и никто никого не может поймать.)

В шесть утра вечер наконец завершился, потому что брат Ферриса должен был проводить службу в девять. Я стояла перед собором со своими новыми 60 друзьями, в равной степени счастливая и разочарованная. На прощание я обняла Ферриса и пошлепала домой.

Следующее «утро» наступило у меня где-то в час, когда я проснулась и, оставив Эмму и Салли спать дальше, отправилась завтракать в одиночестве. Для этой цели мне посчастливилось найти идеальное кафе, крошечное и теплое. В первый раз за всю мою поездку из-за туч выглянуло солнце, его лучи отражались от окон церкви Святой Марии Магдалины и падали, практически ослепляя, прямо мне на лицо. Эта современная церковь, законченная в 1842 году, была похожа на греческий храм. Она красива, но, на мой взгляд, пытается казаться тем, чем она не является. Я почувствовала, что истощена, ведь мои надежды потерпели крах в этой компании, состоящей из потрясающих людей. После завтрака я вошла в собор, опустилась на колени и поблагодарила Господа. Пусть я не нашла свою истинную любовь, но зато я познакомилась с людьми, которые сделают меня счастливой и без нее. Моя жизнь становилась похожей на ту, какой она и должна была быть.

В конце концов я осознала, что хочу быть с Феррисом не больше, чем он со мной, – мы были слишком похожи. В фильме, кстати, Феррис не встречается с женской версией Ферриса. Он встречается со Слоан, девчушкой, которая в восхищении машет ему вслед, когда он отправляется в плавание, вопрошая: «Как же он это делает?» Я не была такой девчушкой. Мне самой хотелось отправиться в плавание.

Когда Феррис вернулся домой из Парижа, он пригласил к себе в гости огромную толпу друзей на ужин – чтобы предаться воспоминаниям. В числе приглашенных была и я. И когда я вошла в дом, о котором столько мечтала, меня обняли десятки людей. Стать частью этого мира счастливых 30-летних одиночек, которые знают, как прожить свою жизнь смело и играть по-крупному, было намного круче, чем цепляться за ногу гея-барристера.

Бен сделал попытку снова сойтись, и хотя мне очень хотелось быть рядом с этим удивительным мужчиной, что-то глубоко внутри меня кричало, что я еще не готова превратиться в половинку целого. Пришлось бы пропустить слишком много веселья.

Глава 4

Ребенку я предпочла Аргентину

Международный аэропорт Лос-Анджелеса ->
Международный аэропорт Эсейсы, Буэнос-Айрес

Отправление: 15 марта, 2005

Во многих важных смыслах Аргентина стала моей первой любовью. Это первое место, куда я отправилась совсем одна, и я влюбилась в него всей душой. В чем-то моя симпатия объясняется тем, что Аргентина позволила мне посмотреть на себя иначе, как будто я была в летнем лагере и впервые встречалась с человеком, который мной восхищался. Аргентина заставляла меня чувствовать себя как будто освещенной, девчонкой, ради которой снимает камера и играет музыка, девчонкой, способной впервые разбить тебе сердце.

Я оказалась в Аргентине, потому что мои друзья решили, что наличие у меня воображаемых молодых людей, которые меня не любят, требует некоторых... перемен. Поэтому они втайне зарегистрировали меня на сайте знакомств и переписывались от моего имени с несколькими мужчинами, в итоге показав мне самого, на их вкус, лучшего. Я никогда до этого ни с кем не знакомилась через Интернет во многом потому, что мне хотелось сделать свою историю как-я-встретила-вашего-папу более интересной. Саша и Хоуп решили, что это слишком тупо и что кто-то должен позаботиться о романтической стороне моей жизни. И они нашли мне парня, который водил «Фольксваген Жук». Не крутой старенький «Жук», а самый новый.

Депрессивно, не правда ли?

После семи лет работы над «Шоу 70-х» мне осталось дописать один сезон, – и это значило, что грядут мои последние весенние каникулы, которые я проведу в путешествии – через год мне придется искать работу. Но все, с кем я обычно путешествовала, были либо слишком загружены на работе, либо безработны, либо слишком замужем, либо слишком беременны. И вот она – ПУСТОТА.

«Кристин, такая пустота – это хорошо, – сказала мне мать. – Ты всегда бежишь вперед, чтобы наполнить свою жизнь сплошным весельем. Но ничего нового или хорошего не случится, пока не будет свободного места, куда его можно втиснуть. Такие пустоты *необходимы и*

В итоге я провела неделю после года работы, просто *привыкая* к пустоте и пытаюсь прочувствовать это *ничто*... а потом купила билет в один конец до Аргентины.

Вообще моей матери не стоило удивляться ни моим двойственным чувствам относительно того, чтобы осесть где-то, ни моей страсти к путешествиям на юг. Я по обоим пунктам была уже третьим поколением в семье. Моя мать обожала Латинскую Америку, и, как я уже упоминала, одной из причин, по которой они развелись с отцом, было ее стремление жить более полной, сексуальной жизнью, сопряженной с множеством путешествий. Поэтому мои родители разошлись, и когда мне было 15, а ей 38, мы обе отправились на свидания впервые.

«Кто, черт побери, пойдет с ней на свидание?» – удивлялись мы с Сашей, обсуждая мою крошечную, симпатичную, харизматичную и успешную мать, которая если не работала, то каталась на лыжах, погружалась с аквалангом и готовила гурманские блюда. «Надеюсь, она не будет ревновать, когда у меня будет много свиданий, а у нее ни одного, – добавила я, окуная очередную печенюшку Орео в арахисовое масло и запихивая ее в рот на моем пухлом, покрытом прыщиками лице. – Убей меня, если я все еще буду искать парня в тридцать».

Она нормально справлялась. Как героини «Секса в большом городе». У моей матери даже были милые клички для мужчин, с которыми она встречалась: например, «Пончик» (на первом свидании купил ей пончик), «Плащ» (пришел на их первое и последнее свидание в плаще), «Нервный разрыв в аэропорту Каракаса» (понятно из названия). Мужчина, в которого она в итоге влюбилась, был колоритным, выросшим в Америке европейцем, который жил и занимался бизнесом в Мехико... и который разбил ей сердце. Его звали Ласло, но Саша называла его «Обещал все, не дал ничего».

Ласло не желал переезжать в Штаты, а моя мать не хотела заставлять меня и бабушку переезжать в Мексику, и она проиграла его 20-летней инструкторше по аэробике, которая жила на его улице. Но ее любовь к Латинской Америке сохранялась всегда, несмотря ни на что, и это передалось ей от ее матери.

Моя бабушка по матери оставила семейную ферму в Айове и сбежала в Калифорнию, когда ей было 17 лет, и больше никогда не видела свою мать. Она встретила моего дедушку на работе в авиационно-космической компании, но он был согласен жениться на ней только в том случае, если она бросит работу и будет

сидеть дома с детьми. Поскольку моя бабуля родилась тогда, когда родилась (и потому что она уже была беременна моей мамой), она уволилась, родила мою мать и двух ее сестер и каждое утро просыпалась под их звонкие вопли, думая: «Господи, я должна прожить еще один день». Мама рассказывала мне, что каждая уборка в их доме происходила под бабушкины жалобы о том, как ужасно быть домохозяйкой.

В ту минуту, когда все три дочери покинули отчий дом, моя старенькая седая бабушка отправилась в школу при колледже в Комптоне и записалась в программу по обмену, чтобы поехать в Мексику. Через два месяца она умчалась от моего деда, и какая-то мексиканская семья, пригласившая к себе американского студента по обмену, получила мою бабулю. Я до сих пор сочувствую тому 17-летнему мексиканскому пареньку, который наверняка столько успел вообразить об этой большеглазой и половозрелой американской «сестричке».

В общем, женщины моей семьи по материнской линии были путешественницами. Но родственники моего отца были совсем другими. Так же, как моя мама обожала странствовать, мой отец любил наблюдать закат в своем дворе, как и его родители. Мой дед по отцу ездил за границу только во время Второй мировой войны, которую он часто называл «прекрасным приключением», но повторять не спешил. (Он частенько показывал мне фотографии, снятые с носа его корабля, на которых бомбы взрывают великолепные пляжи на южном берегу Тихого океана, и говорил: «Просто посмотри на эти прекрасные пляжи».)

Мать моего отца путешествовала и того меньше. У нее имелись предки во Франции, и она обожала эту страну настолько, насколько возможно, весь ее дом был завешан картинами, изображавшими фрагменты французской жизни. Она украсила дом во французских цветах и коллекционировала тарелочки с нарисованными на них французскими улочками, которые купила в магазине Cracker Barrel. Когда выросли ее дети, они начали кампанию «отправь маму в Париж» и пытались подарить ей поездку на Рождество или день рождения. Но бабушка отказалась. Она не хотела ехать в Париж.

Однажды я спросила ее об этом незадолго до ее смерти. Почему она не хотела поехать в место, которое называет своим любимым? «Я боялась, что оно не оправдает ожиданий», – ответила бабушка.

Итак, вот почему у меня было такое двойственное отношение к путешествиям. К 31 году я сожалела только об одном – я никогда не жила в другой стране. Я решила избежать депрессии и

свиданий, которые устраивали мне друзья через Интернет, и провела этот последний перерыв в работе, притворяясь, будто живу несколько месяцев в другой стране.

Я никого не знала в Буэнос-Айресе и поэтому была слегка в ужасе. Ужас состоял из опасений за собственную безопасность и страха разочароваться. Но я не хотела превратиться в бабулю, которая никогда не ездила в Париж, поэтому мне оставалось только глубоко вздохнуть и отправиться в путь.

У меня имелись номера телефонов нескольких знакомых, живущих в городе. Я сняла квартиру в Палермо, симпатичном райончике недалеко от Центрального парка Буэнос-Айреса, и купила местную сим-карту, а также записалась на ежедневные курсы испанского и занятий танго. Я обзвонила всех друзей своих друзей за первые 24 часа после приземления в Аргентине, и у меня уже были планы на второй вечер.

Иди на хер, пустота!

В первую неделю я познакомилась с группой эмигрантов из США, Англии и Малайзии, а также сходила на свое первое свидание с *porteño* (житель Буэнос-Айреса). Я познакомилась с ним на милонге^[14] в клубе танго, который располагался в стенах Центра армянского сообщества. Виктор был то ли инженером, то ли архитектором (я только неделю ходила на курсы испанского к тому моменту). Перед нашим первым свиданием я спросила Кейт, тихую и немного нелепую американку, жившую в Аргентине уже пять лет, каково это – встречаться с аргентинцем.

– Ну, они думают, что ты пересподишь с ними на первом же свидании, потому что так поступают местные женщины, – ответила она.

– Ха-ха. А что они делают, если ты не спишь с ними? – спросила я.

Кейт покраснела:

– Я не знаю.

Я встретила своего аргентинского любовника на вечеринке на окраине Буэнос-Айреса, в загородном клубе, праздновавшем открытие нового поля для гольфа. Местные девчонки, которые рассказали мне о данном мероприятии, утверждали, что это будет очень «модно» – лучший с их точки зрения комплимент. Среди гостей присутствовали модели, актеры и элита города, – все они смешались этой теплой ночью.

Мечи, модная тусовщица, которая привела меня туда, сказала, что хочет меня кое с кем познакомить. Этот кто-то стал одним из самых важных в моей жизни курортных романов. Отец Хуан.

Мой новый приятель, к сожалению, не был священнослужителем, но на тот момент он только что оставил католическую семинарию, где провел последние четыре года, обучаясь на священника. Так что я про себя называла его отец Хуан, а в лицо уже позднее – «Дульче», сокращенно от *dulce de leche* (карамель), поскольку его кожа по цвету, мягкости и сладости была похожа на аргентинскую карамель.

Отец Хуан сочетал в себе какую-то эфирную и одновременно сексуальную красоту, которые вместе способны вмиг растопить сердца как американских девчонок, так и собственно прихожан. Хуан в качестве священника напоминал бы героя «*Поющих в терновнике*». Меня он называл *Piña*, что по-испански означает «осьминог», потому что, когда он пытался выбраться из кровати, я обхватывала его всеми конечностями, не позволяя уйти.

Позже я узнала, что очень редко люди из социального класса Хуана становятся священниками. Он учился в английской школе, в одном из самых дорогих районов Буэнос-Айреса, а выходные проводил в загородном доме, нью-йоркской квартире, пляжном домике в Пунта-дель-Эсте или на семейном ранчо. Но в 26 лет Хуан решил стать католическим священником и провел четыре года, поедая жидкую кашу в стенах семинарии, чтобы служить Богу.

Вдали от женщин.

В ту ночь тем не менее он являлся всего лишь одним из парней на вечеринке. Мечи представила нас, Хуан поздоровался спокойно и с уважением. И хотя я считаю, что Иисус был просто стремящимся изменить мир этиком, я мысленно возблагодарила его.

Хуан словно светится потусторонним светом – таким, который заставляет тебя поверить в бога. 180 см ростом, широкоплечий, безупречная коричнево-золотая кожа, шелковистые черные волосы и открытая мужская улыбка. Но первое, что замечаешь при встрече с ним, – это необычайная сладость. Она сразу же обезоруживает.

Его друзья танцевали, пили и клеили моделей, пока мы с Хуаном болтали о лошадях. Он любил их так, как только умеют любить дети. Хуан ко многим вещам относился подобным образом. Год спустя я нашла среди его музыкальной коллекции диск – сборник детских песен, купленный им... самому себе. В нем была невероятная простота и искренность, которая со временем, наверное, стала бы скучной. Я так думаю. Сложно сказать, потому что он был до смешного красив, поэтому все, что он говорил и делал, выглядело великолепно.

Хуан очень стеснялся, и я не могла понять, нравлюсь ли ему.

Но уже скоро мы медленно танцевали, а в конце вечера он спросил меня, не хочу ли я вернуться домой.

Перед тем как сесть в его красную машину, мы поцеловались. Поцелуй был совсем такой же, как он – сладкий и сексуальный одновременно. Затем Хуан подбросил меня до дома и спросил, может ли он подняться, на что я, конечно же, согласилась. После чего он сделал то, чего не делает ни один латиноамериканский любовник...

Он не занялся со мной сексом.

Мы обнимались голышом, не поймите меня неправильно. Не было ни одного шанса, что я откажу себе в удовольствии пройтись губами по его удивительной коже. Но до Дела мы так и не дошли. Спустя несколько часов Хуан поднялся, собираясь уйти, а я потянулась за фотоаппаратом.

Когда ты добираешься до вершины Эвереста, ты хочешь, чтобы тому остались доказательства. Я не видела, как он одевается в темноте, поэтому просто направила камеру в его сторону и начала снимать.

Вспышка. Идеально гладкая спина, Хуан встает с кровати.

Вспышка. Он натягивает футболку через голову, видны идеальные мышцы.

Вспышка. Мой любовник, смеясь, закрывает лицо руками.

Вспышка. Он снова на постели, улыбается, и я целую его в ухо.

Следующие два месяца мы с Хуаном периодически виделись. То есть я не переставала его хотеть, а он просто со мной встречался. Я познакомилась кое с кем из его друзей, мы виделись пару раз в неделю. До Дела так и не дошло, но Хуан учил меня словам вроде *mimitos*, что означает легкие ласки. Казалось, что от *mimitos* Хуана можно забеременеть.

Но он продолжал держать меня на расстоянии. Я много о нем думала, об этом сладком, степенном молодом мужчине, который оставил семинарию и теперь снова учился в колледже.

Чтобы не проводить дни, разглядывая те четыре мои фотографии с Хуаном, я усердно, с другими иностранцами посещала занятия по испанскому и училась танцевать танго с миниатюрным учителем танцев, который целую неделю не разрешал мне делать ничего, кроме как ходить по кругу, словно в фильме «*Карате-пацан*». Я отправлялась на ужин в полночь, танцевала в два часа ночи и, как настоящие *porteño*^[15], почти не спала.

И я встретила с множеством других Хуанов.

Меня окружали просто сплошные Хуаны. Был Отец Хуан. Другой Хуан. Однажды, одиноким ве-чером в пиццерии, я обронила салфетку со своим номером в руку кудрявого француза по имени Жан (читай, Французский Хуан). Еще были Скучный Хуан и Новый Хуан. Хуаны приходили и уходили, а мы с моими новыми приятелями рассуждали философски типа: «Хуаном убыло, Хуаном прибудет».

Или: «Он просто был не моим Хуаном».

Международный аэропорт Эсейсы, Буэнос-Айрес -> Аэропорт Сан-Карлос-де-Барилоче

Отправление: 14 мая, 2005

Я оставила Отца Хуана на пару недель в Буэнос-Айресе и уехала, чтобы изучать испанский в курортном городке Сан-Карлос-де-Барилоче, затерянном в горах Северной Патагонии. Покупая билет на самолет, я размышляла о том, что не должна упускать шанс посмотреть страну, потому что жду звонка от горячего «священника», который очень занят изучением маркетинга.

(Однако вот вам вся подноготная: я приглашала Хуана поехать со мной. Он сказал, что не сможет. Кроме того, я заплатила \$200, чтобы отложить отлет на день, поскольку Хуан сказал, что, *может быть*, у него получится съездить со мной на один день в Тигре – небольшой городок в дельте реки, увитый цветами и похожий на фруктовый рынок. Он не смог. И тогда я все-таки уехала).

Итак, одинокая и разочарованная, я отправилась в горы. Моя поездка в Патагонию состоялась поздней осенью, когда, как выяснилось, никто больше туда не ездит. Солнце вставало в девять утра, а садилось в три часа дня. Постоянно шел дождь, грозящий превратиться в снег, а резкий горный ветер мгновенно складывал зонт (который, конечно, только тупая американская девица пыталась использовать).

Я была единственным студентом в своей школе испанского языка. Великолепные Анды, которые, по слухам, окружали меня со всех сторон, были полностью скрыты в тучах. Поэтому первые два дня я провела, часами прогуливаясь вдоль многочисленных шоколадных магазинчиков городка. Под дождем. Пару раз я заставила себя зайти в *parrilla* (барбекю-бар) и съесть стейк. Я прочитала весь путеводитель, где говорилось о том, как прекрасно в этих краях кататься на лыжах и сплавляться по рекам во все остальные времена года.

Эй ты, Пустота! Как ты отыскала меня в такой глуши?

Этот же вопрос я задала своему учителю испанского.

Диего, возможно, и не зацепил бы меня, если бы я попала в более интересный город. Он был высоким, добрым и достаточно милым. Но, что еще важнее, Диего представлял собой единственный источник развлечений в здешних местах. Так что на второй день занятий я спросила, не хочет ли он со мной выпить.

Именно за те две недели с Диего я начала говорить по-испански. Лучшее, что вы можете сделать, изучая язык, – переспать со своим учителем. Я переехала из отеля к нему в комнатку, расположенную в очаровательном деревянном доме, прямо на берегу озера Науэль-Уапи. Лежа на его небольшой кровати, мы смотрели, как с вершин Анд льет дождь. Мой учитель целовал меня в разные части тела, проверяя, знаю ли я, как они называются по-испански. Диего рассказывал, что я даже во сне разговариваю по-испански, а это мне казалось невероятным триумфом. С ним я зубрила спряжения самых важных глаголов вроде *arracanzar* – кончать.

Arracanzo, aracanzas, arracanzamos...

На нашем первом свидании Диего доказал, что уж он-то – настоящий латинский любовник, ничего не желающий откладывать на потом, что было просто великолепно после нерешительного Отца Хуана. На выходные мы ездили вокруг озера, гуляли по национальному парку Лос-Аррайянес, в двух шагах от Чили. Как-то мы провели пару дней, занимаясь приятнейшим из занятий, глядя на Анды, – отчасти чилийские, отчасти аргентинские, – и наблюдали, как чилийский дождь и аргентинское солнце раскрашивали небо международными радугами. Мы были похожи на эти горы.

Диего рассказал мне, что недавно сбросил 80 фунтов. (Он сказал мне цифру в килограммах, так что, возможно, речь шла о 40 или 200 фунтах, я не уверена. Метрическая система – полный отстой. В любом случае, много.) Поэтому попасться на крючок к американской девчонке было для него в новинку. Мы очень медленно разговаривали, часто не понимая друг друга. Диего считал, что я ем слишком много салата и шоколада. Он смотрел на меня так, будто не мог поверить своему счастью. И я чувствовала, будто мне поставили пятерку с плюсом за мои патагонские приключения. Но самый романтичный день в Барилоче я провела в одиночестве.

До того дня приз за «Самый длительный счастливый период в жизни Кристин» все еще принадлежал блистательным двум

неделям, прожитым десятью годами ранее. Они случились в конце моего первого года в колледже, когда я колесила по стране со своей первой любовью, Вито. Мы уже почти шесть лет встречались, наконец-то вдвоем после всей этой истории будут-они-вместе-не-будут-они-вместе-они-что-Росс-и-Рейчел^[16]. Мы ехали на моей машине из Чикаго домой, в Лос-Анджелес, и выбрали самый длинный путь. Это была первая подобная поездка для нас обоих, первый раз в нашей жизни, когда никто не знал, где мы, первый раз, когда мы столь сильно любили друг друга. У нас тогда отсутствовали мобильники и навигаторы, поэтому мы могли ехать куда угодно. Мы вслух читали друг другу книги, высовывали ноги в окно машины и громко пели.

Пару раз мы останавливались на день, чтобы заниматься любовью, иногда прямо напротив гейзеров Йеллоустона или горы Рашмор. Иногда, на пустынных дорогах, мы даже не вылезали из машины, чтобы поразвлечься. По ночам мы садились перед палаткой, пили вино и наслаждались тем, что у нас нет никаких других развлечений, кроме друг друга, и нам полностью этого хватало. И я была по-настоящему, невероятно счастлива.

Но с тех пор я ни разу не переживала столько дней счастья. Я больше не встречала человека, в котором я была бы настолько уверена. Но даже если не брать в расчет мужчину, то все равно ничто и никогда больше не давало мне такого ощущения простоты и легкости. Иногда, ненадолго, меня накрывали моменты умиротворения, но затем моя невротичная, не знающая успокоения душа снова все разрушала, и счастье улетучивалось. Это очень сильно меня расстраивало – больше чем за 10 лет я не могла вернуться в то состояние. Мне казалось, что дело тут в новизне ощущений, а к 31 году остается не так много неиспробованного. И я уже решила, что следующим таким моментом будет рождение ребенка.

Но затем я поехала в Аргентину.

Мне стало ясно, что меня накрыло именно то самое счастье, когда я шла по дороге в первый солнечный день в Барилоче. Диего выполнял какую-то административную работу в школе, поэтому я одна шла от его домика, освещаемая солнечными лучами, и вдруг увидела прямо перед собой покрытые снегом горы – впервые за две недели.

На автобусе я доехала до фуникулера, который забирался высоко в горы. На вершине работал симпатичный ресторанчик, идеально смотрящийся на фоне озера и гор. Я наслаждалась видом... примерно две минуты. Потом озеро и горы исчезли, потому что моя кабинка въехала в крошечный туман. Я засмеялась, сообразив, что и сам ресторанчик сейчас накроет это

облако, и мне пришлось бы ужинать с видом на молочное ничто.

Все же я туда отправилась, и официант сфотографировал меня на белом фоне: вот я сижу в безлюдном ресторане, поедая стейк и смотря в белую, ну что же, *пустоту*. Оплатив обед, я уже возвращалась к фуникулеру, когда облака внезапно расступились.

Я оказалась совершенно одна на вершине горы: только я и голубое небо, сумасшедше прозрачный солнечный свет, серебящееся озеро и нетронутый снег. Я сделала снежного ангела, вспоминая, как родители, и дедушки, и бабушки по обоим линиям учили меня делать самого аккуратного ангела. Разбежалась и плюхнулась в снег – пуффф. Сфотографировав снег, озеро и свой ангельский образ, я продолжила прогулку.

Я бродила там часов пять, совершенно не заботясь о том, куда иду. Усыпанные снегом тропинки сверкали оранжевыми и красными листьями. Я гуляла, гуляла и гуляла, не зная, куда иду, влюбленная в сам факт – я одна на вершине горы, на вершине мира. Два месяца в Аргентине были полны счастья и открытий. У меня появился десяток друзей из самых разных стран, а также два аргентинских любовника. Я освоила испанский, научилась танцевать танго и покупать овощи в аргентинских магазинчиках (что совсем не так просто, как можно подумать). Я узнала, насколько я храбрая. Но, что важнее всего, я почувствовала себя такой же свободной, живой и уверенной в себе, как в той автомобильной поездке по стране. И я пришла к этому сама.

В итоге я набрела на дорогу, нашла автобус до города и провела еще несколько дней в постели Диего – несколько сексуальных и очень теплых дней, но совсем не таких полных и романтических, как та одинокая прогулка.

Моя кузина Эмма решила заехать навестить меня в Барилоче. Я же свалилась с ужасным гриппом. На одну ночь мы заселились в шикарный отель «Льяо Льяо» – старинный дворец прямо на озере, в котором останавливаются президенты, приезжая в Аргентину. Там я с удовольствием плюхнулась в белые простыни. Тем временем дождь за окном превратился в идеально белый снег. Эмма поселилась в отдельной комнате, поэтому я позвала Диего.

Пока он ехал, я позвонила на ресепшн и вызвала врача. Они прислали ко мне милую женщину, которая не знала ни слова по-английски, так что нам пришлось воспользоваться моим хромым испанским. Врач выписала мне антибиотики, и, поскольку я знала, что для меня любой прием антибиотиков заканчивается

молочницей, я попросила ее прописать таблетки, которые этого не допустят. Она очень долго не могла понять, что я имею в виду, но в конце концов сообразила и закричала: «Aaaa! *Infección vaginal ocasionada por hongos!*» Вот как они ее называют. Довольно страшно.

Я с опаской приняла выданные мне таблетки.

Затем приехал Диего, и мы провели вместе последнюю ночь, спрашивая друг друга, верим ли мы в любовь с первого взгляда.

Когда пришло время покидать Патагонию, Диего подвез нас с Эммой до аэропорта и написал мне, когда мы вошли внутрь:

«*Creo que te amo*» – думаю, я люблю тебя.

И поскольку я уже сидела в самолете, я пожала плечами и написала в ответ:

«*Te amo tambien*» – я тоже тебя люблю.

Почему нет? Эти слова намного проще сказать на испанском.

Аэропорт Сан-Карлос-де-Барилоче-> Водопады Игуасу->
Международный аэропорт Эсейсы, Буэнос-Айрес ->
Международный аэропорт Лос-Анджелеса

Отправление: 28 мая, 2005

Прямо из Барилоче мы с Эммой отправились к водопадам Игуасу, расположенным на стыке Бразилии, Парагвая и Аргентины. Это одно из природных чудес света, а постоянный рев падающей воды производит эффект не хуже, чем десять валиумов. Местная легенда гласит, что водопады появились, когда бог захотел жениться на местной красавице, Наипи. Но она любила человека, поэтому вместе со своим смертным возлюбленным решила бежать на каноэ. Бог использовал молнию и обрушил реку прямо перед ними, создав водопады.

Мы провели пару дней, гуляя вокруг них и слушая грохот падающей воды (и любви?). Эмма и я прошли по деревянным подмосткам, протянувшимся вдоль широкой спокойной и тихой реки, которая, как кажется, движется очень медленно... пока внезапно не обрушивается и не превращается в удивительное природное явление. Нам казалось, что эта река похожа на жизнь, которая может течь очень спокойно и размеренно, но никогда не знаешь, возможно, за поворотом нас ожидает нечто, что способно сделать ее столь же величественной.

Мы сидели в баре при отеле, неподалеку от водопада, и разговорились с двумя парнями, которые, как выяснилось, работали на Уолл-стрит. Они спросили о моей профессии, и я ответила, что пишу комедии.

«Хе-хе. Без обид, но ты не очень похожа на комедийного

писателя, – сказал один из наших собеседников. – Ты кажешься слишком сдержанной. Все комедийные писатели, которых я знаю, очень шумные, быстрые и безумные».

Эмма долго смеялась.

Затем мы вернулись в Буэнос-Айрес еще на пару недель, и я несколько раз встретила с Отцом Хуаном. Он пригласил нас на день рождения к двум красивым близнецам, мы общались с его друзьями, все они были один лучше другого. Но никого из них даже сравнить нельзя с Хуаном. Все гости вечеринки обожали его, но он умудрялся держаться немного в стороне от барного безумия. Мы сидели с ним на улице, смотрели на проплывающие мимо лодки, он рассказывал, зачем поступил в семинарию, – в основном из-за смерти отца и сестры. Потом Хуан отвез меня домой, чтобы заняться своими любимыми *mimitos*, а утром я с трудом сдержалась, чтобы снова не схватиться за камеру. Пока я жила в Барилоче, Диего постоянно мне писал вещи вроде «*Tengo una grande problema con vos*».

У меня с тобой большие проблемы.

За день до нашего с Эммой отъезда домой Хуан снова зашел за мной. Мы гуляли в парке рядом с моим домом, фотографировали друг друга на траве, Хуан улыбался, а моя голова лежала у него на плече. Я расплакалась, рассказывая ему, что для меня значит Аргентина, а он обещал, что я вернусь.

Хуан показал мне свой снимок лошади и рассказал историю о мужчине, который на исходе прошлого века проехал на лошади от Буэнос-Айреса до Лос-Анджелеса. Она его вдохновляла... Он считал, что возможно отправиться в такое путешествие, если найти подходящую лошадь и знать, зачем едешь. Наши города были не так уж и далеко.

Женщина, сдававшая мне комнату, зашла за ключами, бросила взгляд на Хуана и подняла брови.

«А у вас действительно получилась *хорошая поездка*», – бросила она.

В самолете я нашла послание от Хуана на обороте фотографии: «Когда мы будем старыми, то с улыбкой вспомним время, которое мы провели вместе совсем молодыми».

Я меняла обратный билет до Лос-Анджелеса трижды, до последнего откладывая свое возвращение, пока не настала пора снова приступить к работе над «*Шоу 70-х*». Войдя в свой дом после стольких месяцев отсутствия, я расплакалась.

Но вернуться к работе, к быстрым и таким живым разговорам было похоже на взрыв. Я все еще оставалась медленной Кристин из Аргентины, и в первый день никак не могла поймать темп, поэтому просто наблюдала, как слова летают туда-сюда по комнате. И... мне было очень весело. Оказалось, что я сильно соскучилась по языковой акробатике, наполняющей мою американскую жизнь.

Вернувшись к своей нормальной скорости жизни, я снова влюбилась – в работу, в коллег и в своих друзей. Я очень любила Аргентину, но она заставила меня ценить дом так, как я раньше не умела. И когда я начинала грустить, что вот я опять сижу в Лос-Анджелесе, а не нахожусь в каком-нибудь экзотическом уголке, я применяла всякие хитрости, чтобы вытащить себя из этого состояния. Например, я начала писать в лобби отелей, потому что там можно представить, что ты в каком-то очень необычном и сексуальном месте.

Я стала гулять по городу, пытаюсь вообразить, будто вижу знакомые улочки в первый раз, как девчонка, которая приехала в очень экзотический город – Лос-Анджелес, Калифорния, США. Это похоже на то, как давно женатые люди представляют себе кого-то другого на месте своего партнера в постели, подогревая таким образом свою сексуальную жизнь. Подобные хитрости вливали в меня глоток новой любви к жизни.

Моя мечта заключалась не в том, чтобы все время находиться вдали от Лос-Анджелеса. Мне лишь хотелось на несколько месяцев уезжать отсюда, а затем еще сильнее влюбляться в него. Я много размышляла о том, станет ли Хуан моим последним романтическим приключением перед встречей с будущим мужем. *Возможно, это было мое последнее сумасшедшее девичье приключение,* – думала я.

Но на самом деле это была лишь первая из трех моих поездок в Аргентину.

Глава 5

Ты не можешь войти en Casa снова [17]

Международный аэропорт Лос-Анджелеса ->
Международный аэропорт Эсейсы, Буэнос-Айрес
Отправление: 9 марта, 2006

Так уж складывалось, что я не могла вернуться в Аргентину достаточно скоро. Поездка очень сильно повлияла на меня: я превратилась в одну из тех женщин, что могут в экзотическом месте самостоятельно снять себе жилье на несколько месяцев, учить язык, заводить десятки друзей и радоваться новым знакомствам. Девять месяцев между поездками в Аргентину большинство историй я начинала со слов: «Ой, а вот в Аргентине...» И так всем надоела, что друзья саркастически вопрошали в ответ: «Чтооооо?? Ты была в Аргентине?? Господи, я и не знал!»

Эта новая женщина, в которую я превратилась, обожала учить всех и вся правилам свиданий, усвоенным ею на пройденном жизненном пути. На вечеринках я рассказывала, что обожаю романы с иностранцами, потому что в отличие от американцев у них нет потребности в остром на язык собеседнике. В странах, где не говорят по-английски, я могу щебетать: «Боже мой, я единственная не могу поддержать разговор... Кто знает, умен или нет твой иностранный знакомый? Да и какая разница? Я определенно не могу ввернуть словцо на немецком, французском или португальском, тогда почему он должен?» Я заметила, что если попадаю в англоговорящую страну, то слишком отвлекаюсь на акцент собеседника и не могу оценить его ум или чувство юмора. Кроме того, загадочным образом акцент делает мужчин старше, и это приводит к очень быстрому попаданию в теплую одинокую постель слишком молодого поклонника, что дома для меня просто табу.

Чаще всего человек, которому я выкладываю такие соображения на очередной вечеринке, бросал на меня взгляд поверх своего алкогольного напитка и говорил что-то вроде: «А ты хорошо выглядишь последнее время». И, безусловно, был прав. Эта новая, необъяснимо раздражающая женщина стала настоящим несчастьем для удивительно милого мужчины по имени Мэтт, с которым я начала встречаться сразу по возвращении. Я хотела попробовать что-то новое, делать то, что

уже не смогу позволить себе позже. И кроме того, я хотела найти любовь. Поэтому, вернувшись из Аргентины, я решила отправиться в онлайн-поиски и нашла Мэтта.

Я влюбилась в него прямо на нашем первом шестичасовом свидании, когда мы говорили и говорили, а время летело незаметно. Но спустя несколько месяцев отношений, после того как Мэтт подобрал кошку, которая покорила даже меня, хотя не была приучена к лотку, и после того как я познакомилась с большой, идеальной семьей моего нового друга и свозила его впервые покататься на сноубордах (где он сломал запястье на первом же спуске) – после всего этого произошли две вещи. Во-первых, меня снова накрыли сомнения. *А он точно тот единственный, а он не слишком сильно меня раздражает, люблю ли я его до конца, зачем он рассказывает мне сплетни о режиссере, когда я пытаюсь посмотреть фильм, не пришло ли время составить список плюсов и минусов, а встречу ли я когда-нибудь еще кого-то бла бла бла.*

Но кроме привычных уже сомнений, случилась еще одна вещь – наступила весна. Подходило время конца моей работы, и я могла купить билет на самолет и вернуться в Аргентину.

Все во мне восставало против идеи везти с собой бойфренда. Аргентина была *моей личной страной*. Перспектива отправляться с парнем в такое удивительное место печалила меня до невозможности. Не потому что я собиралась отрываться с симпатичными незнакомцами, и дело было даже не в Отце Хуане. Мне хотелось поехать именно *одной*. Я даже отказалась от очередного приглашения Ферриса встречать Новый год, потому что праздник собирались отмечать в Аргентине. То, как Феррис подомнет это место под себя, сводило меня с ума. Оно было *моим*. Мой внутренний ребенок никогда не вел себя ужаснее, я ни с кем не хотела делить Аргентину.

Поэтому, мучаясь так же, как и обычно при расставании с хорошим человеком, я порвала с Мэттом. *«Я просто несчастлива, дело не в тебе, что-то не так со мной, я просто ищу какого-то особого чувства и не чувствую его, сделать ничего нельзя...»*

«Знаешь, Кристин, если «счастье» – твоя цель, то ты скорее всего никогда не будешь счастлива, – часто повторял мне отец после бутылки вина. – Желать чего-то достижимого – вот что делает тебя счастливой».

«Может быть, проблема не в молодых людях? – спрашивала меня мать в двадцатый или тридцатый раз. – Этот последний мне и вправду нравился».

Как бы то ни было, я снова была одинока и купила билет до

Буэнос-Айреса. Я сохранила связь с Отцом Хуаном, который писал мне восхитительные письма, всегда используя слова, которым мы учили друг друга в постели:

От кого: Хуан
Кому: Кристин
RE: Te extraño!

Я буду помнить о тебе, как о чудесной американке, которая завоевала «los suaves mimitos» Аргентины... Хорошее всегда заканчивается, но ведь его можно и продолжить... осталось еще полсотни *мимитос*... для нашей следующей встречи!!! Мы продолжим прикасаться друг к другу... это будут не просто *мимитос*, это будет больше... да да да... Jajajaja! Beso grande!!!!!!

Классно, правда? В предыдущем опыте переписки с иностранным мужчиной я уже привыкла к тому, что они используют многоточия и восклицательные знаки как 13-летние американские девчонки, так что я не судила Хуана строго. А как вам это «Jajajaja»? Хахахаха, вот что он имел в виду. Хуан много месяцев продолжал присылать мне подобные письма. Но когда я написала, что приеду снова, его тон резко изменился.

RE: возвращается громкая американская девчонка

Отлично, ты знаешь, что чего бы ты ни захотела, я попробую это сделать, просто предупреди меня!!!!!!

Хм. Вы тоже обратили внимание на то, что никакие *мимитос* больше не упоминаются? И «бесо grande» больше нет. Я вот обратила. «*Но он поставил столько восклицательных знаков, наверняка он рад увидеть меня снова*», – сказала я себе. Его письмо кажется жестким, потому что это электронная почта. Конечно же, я продолжала переписываться и со своим патагонским парнем Диего, чьи чувства всегда были для меня яснее:

RE: BURRA

Я скучаю по тебе каждый день... Правда в том, что ты всегда будешь в моем сердце. Надеюсь, у тебя все хорошо и что ты думаешь обо мне, как и я о тебе. Надеюсь, ты сможешь приехать ко мне еще раз, и вместе мы займемся прекрасными вещами. Напиши мне, Бурра! Я люблю тебя!!!!!!!!!! Напиши мне!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Диего я не сказала, что возвращаюсь в Аргентину.

Чувствуете закономерность?

В итоге после всех этих воплей о том, что я еду в Аргентину одна, я пригласила Хоуп и Сашу поехать со мной. Мне хотелось показать им свои любимые места, как дети стремятся показать то, что больше уже не могут прятать. Но мои подруги собирались присоединиться ко мне только на первую половину путешествия, а значит, мне все-таки оставалось время для романтики в одиночестве. Я с волнением планировала свое Возвращение в страну грез. Что, конечно, очень опасно.

План был следующим: Саша, Хоуп и я собирались снять квартирку в Палермо, где я жила в прошлый раз. Все мои аргентинские друзья должны были очень обрадоваться моему возвращению. Отец Хуан пришел бы к нам, взял мое лицо в руки и поцеловал меня. Мои подруги увидели бы, в чем, собственно, все дело, а я устрою им такой чудесный отдых, что они тоже откроют что-то волшебное и новое в себе, влюбятся в Аргентину, будут радоваться, и мы все сблизимся. Затем они отправятся домой, а я поеду к Огненной Земле, в четырехдневное морское путешествие вокруг мыса Горн, сквозь ледники и колонии пингвинов, я буду всего в паре сотен миль от Антарктиды и в итоге доберусь до города Пунта-Аренас в Чили. Я превращусь в одинокую женщину, размышляющую о великом на самом краю света. Я стану любоваться на спокойствие покрытого ледниками океана, мелькая, возможно, на фотографиях других туристов, а они будут думать про себя, что за красота – Женщина и лед. Затем я отправлюсь в южноамериканскую версию Йосемити, Торрес-дель-Пайне, на несколько дней диких приключений в красивых хостелах. Отец Хуан будет по мне скучать, и в самом конце путешествия я вернусь в Буэнос-Айрес еще на неделю, где снова на несколько невероятно счастливых дней погружусь в любовь, потом будет грустное расставание и полет домой, который я проведу, попивая вино и сладко оплакивая невозможность нашей любви.

Ничего подобного, конечно же, не случилось.

Проблемы начались даже до того, как мы покинули Лос-Анджелес. Мы с Сашей ни разу не ездили в девичье путешествие после того, как она вышла замуж, и я не могла дожждаться, когда же смогу провести время со своей подругой. Но вдруг, за неделю до отъезда, выяснилось, что ее добрый, надежный, ответственный муж ей нагло врал: он уже восемь лет сидел на сильных обезболивающих, и теперь ему срочно требовалось ложиться в центр реабилитации для наркоманов. Чтобы вы понимали, мы

говорим о много работавшем успешном мужчине, который изредка выпивал за ужином бокал вина, и он, если честно, являлся последним человеком, от которого можно ожидать такого поворота. Это, конечно, был редкий кризис, но так как Саша решила, что вместе в центре реабилитации она с ним не останется, то и не стоит отменять нашу поездку. В итоге она поместила мужа в клинику Бетти Форд, и мы отправились в Аргентину. Стоит ли говорить, что настроение у нас уже было испорчено?

В то же время в личной жизни Хоуп наступило самое полное затишье, которое я когда-либо видела. Она уже пару лет жила в разводе, и... ничего не происходило. Я имею в виду, что у нее случались интрижки, – например, с итальянцем или 30-летним скейтбордистом без машины, работающим в мебельном магазине, но это были лишь жалкие знакомства на одну ночь и не более. Просто невероятно, ведь в старших классах и в колледже Хоуп постоянно с кем-то встречалась. Самые недоступные ребята сходили по ней с ума. И теперь она превратилась в красивую взрослую женщину, с такими же длинными, как и прежде, ногами. Однако никого стоящего на ее горизонте больше не появлялось. Это выглядело странно и очень нас расстраивало.

Единственное, что было хорошего в полосе неудач моей подруги, так это ее благотворное влияние на нашу дружбу: мы теперь всегда были вместе. Хотя мы дружили с восьмого класса, мы никогда не оказывались одиноки одновременно, до недавнего момента, когда за пару лет до этого ее развод чудесно совпал с моим расставанием. Именно тогда мы из подруг превратились в супругов. Мы могли называть друг друга «мужем и женой», потому что полностью доверяли друг другу. Мы даже прекрасно танцевали вместе сальсу (Хоуп вела, поэтому она была «мужем»), и спали в одной кровати по две или три ночи в неделю, в зависимости от того, в какой части города мы веселились.

Ко времени поездки в Аргентину Хоуп только-только начала выбираться из депрессии после развода, которая, как она говорила, «украла ее личность». И вот моя подруга, которая в 22 года одна путешествовала по Мексике с серфом, спальным мешком и проездным на автобус, эта девчонка, которая всегда была полна энтузиазма и жажды приключений, почти два года вела себя тише воды, ниже травы. Доходило до того, что на вечеринках мне приходилось разыскивать ее по углам, с целью убедиться, что она в порядке. Около года Хоуп принимала антидепрессанты, пытаясь наладить выработку серотонина, но от этого становилось только хуже. Например, однажды ей позвонил

ее бывший муж и спросил, может ли она подкинуть ему пару своих таблеток. Зачем? Потому что он с новой подружкой отправляется на рейв и хочет повеселиться.

«Ты хочешь, чтобы я дала тебе антидепрессанты, на которых сижу из-за нашего развода, чтобы ты мог хорошенько поразвлечься и заняться сексом со своей новой подружкой в клубе среди 10 000 людей, каждый из которых на десять лет младше вас обоих?»

Подобные напоминания помогали ей двигаться дальше, и медленно, но уверенно она возвращалась к нам. Я не могла дожидаться, чтобы взять ее с собой в Аргентину.

Мы с Сашей прилетели в Буэнос-Айрес на несколько дней раньше Хоуп. В самолете выяснилось, что Сашина полоса неудач не закончилась – ее организм поддался ужасающему гриппу вследствие сюрприза «Привет, я наркоман!» от ее мужа. Сложно описать, насколько я грустила из-за ее проблем – выглядело это довольно эгоистично. Но я грустила. Поездка уже с самого начала становилась не идеальной.

После долгого лихорадочного перелета мы с Сашей заселились в квартирку в огромном старом доме, неподалеку от моих прошлых апартаментов. В ней были высокие, прекрасные потолки, и она стоила очень дешево. Я вышла на улицу, чтобы купить Саше лекарства и еды, радостная от того, что знаю, где магазин, как покупать овощи и все правильно взвесить. Годом ранее, в свой первый нервный день в городе я попала в ужасающе неловкую ситуацию, когда кассир пыталась объяснить мне на испанском, как обращаться с весами для взвешивания продуктов, а в очереди за мной стояли человек десять взбешенных аргентинцев.

Но теперь-то я уже знала, что делать. И знание подобной ерунды в столь далеком от дома месте искренне радовало меня.

Саша немного поела и отправилась в постель, сказав мне, что ей нужно поспать, а я могу пойти и повеселиться. Это оказалось ошибкой.

Пока моя подруга лежала одна в кровати, больная и волнуемая о том, не превратится ли ее семейная жизнь в *«Реквием по мечте»*, я позвонила Отцу Хуану.

(Возможно, сейчас вы воскликнете про себя: *господи, Кристин, твоя подруга лежит плашмя, ее муж в реабилитационной клинике, а ты мечтаешь о Хуане?! Выяснилось, что аналогичным образом думала и Саша. Более того, когда я сейчас оглядываюсь назад, я тоже так думаю. Но в тот момент я постаралась загнать подобные мысли как можно глубже. Мне было не до самоотверженности. Не волнуйтесь, я буду наказана.)*

Несмотря на невнятность последних писем Отца Хуана, я надеялась на *прогресс* в наших отношениях. Он был 31-летним латиноамериканцем, покинувшим в конце концов семинарию больше двух лет назад. Природа должна взять свое. Ты можешь держать в своей нью-йоркской квартире прирученного волкодава, но он рано или поздно все равно попытается укусить одного из твоих гостей.

Мы договорились поужинать, и Хуан зашел за мной. Он выглядел очень красивым и взволнованным. Отрастив волосы, чтобы хоть немного походить на великолепных длинноволосых аргентинских девчонок и практически перестав за месяц до поездки есть, я надеялась, что тоже произвела на него впечатление. Мы зашли в ближайший ресторанчик, Хуан рассказывал об окончании колледжа и своей нынешней работе в рекламном агентстве, пока я пыталась не заглядывать ему под рубашку и не вдыхать запах его шеи. И затем, после *pizza a la parrilla* (аргентинская пицца на барбекю. – *Прим. ред.*), он сказал, что у него есть девушка. И поскольку Хуан не был похож на других латиноамериканских мужчин, он, конечно же, не собирался ей изменять.

Эти новости он преподнес мне, извиняясь, словно пребывая в уверенности, что я вернулась в Аргентину, только чтобы снова увидеться с ним, а теперь мои планы разрушены. Я уверила его, что прекрасно отношусь к идее быть просто друзьями и что на самом деле я хотела еще раз посмотреть на *Аргентину*, так как *Аргентина* меня очень изменила, дала мне голос, повлияла на мое видение мира и *бла-бла-бла*.

В тот вечер я весело провела время с барменом по имени Оскар. За барной стойкой, на барной стойке и под барной стойкой – после закрытия.

Саша тем временем спала. Когда бы я ни заходила домой, чтобы проверить, как она, моя подруга спала. Поэтому через пару часов я снова уходила. Я встретилась с несколькими своими друзьями, у которых за прошедший год ровно ничего не изменилось, и ходила на свидания со своим барменом, обладателем кудрявой шевелюры и озорных глаз. У него имелась прелестная привычка приводить меня в парк, снимать рубашку и целовать меня на солнце. Пока я развлекалась, Саша просыпалась в пустой квартире и заболела еще сильнее, физически и эмоционально, не имея возможности поговорить со своим мужем, который проходил детоксикацию в Калифорнии. Словно какая-нибудь рок-звезда. Поэтому однажды вечером мою подругу прорвало.

Саша обвинила меня в том, что я ее бросила, не забочусь о ней, что я очень эгоистична – в общем, все, что вы полагаете, она могла бы мне сказать, она сказала. Я чувствовала себя ужасно виноватой, но была шокирована, потому что до этого на мои предложения позаботиться о ней она отвечала отказом.

«КТО, ЧЕРТ ПОБЕРИ, ВООБЩЕ СТАЛ БЫ СЛУШАТЬ МЕНЯ В ТАКОМ ПОЛОЖЕНИИ?!» – прокричала она, лежа и рыдая на кухонном полу.

В тот момент я усвоила на всю жизнь: не слушайте, когда человек, попавший в беду, говорит вам, что ему ничего не нужно.

Скандал случился поздно вечером, и я попыталась все исправить. Правда в том, что я чувствовала: магия этой страны вернется, если я помогу своей подруге. Позвонив друзьям, я узнала, где находится ближайшая больница, но Саша, войдя туда и бросив взгляд на толпу народа и повсеместную бедность, развернулась и пошла на выход. Мы взяли такси, где она произнесла гениальные четыре слова водителю: «Отель Four Seasons, пожалуйста».

Один из любимых советов моей матери, родившийся из недели, которую она провела в Сингапуре в отеле Mandarin Oriental, гласит: если чувствуешь себя плохо в чужой стране, не обращай внимания на цену и поселись в лучшем отеле города. Там есть доктора, обслуживание в номерах, каждый день чистые полотенца и белье, кроме того, они принимают кредитки. Поскольку Саша практически выросла у меня дома, мы слышали этот совет множество раз – наряду с «Посмотри в обе стороны, прежде чем переходить дорогу», «В Nordstrom лучшие распродажи обуви», «Всегда носи с собой 20 баксов на такси и паспорт, чтобы можно было опознать тело». Таким образом, мы поселили Сашу в Four Seasons, завернули ее в белые простыни, накормили супом, и она отослала меня обратно в нашу квартиру.

А тем временем Хоуп по-прежнему пребывала в Лос-Анджелесе. В день отлета она не смогла найти паспорт. Ко времени, когда Хоуп смогла сделать новый и застряла на два дня в Детройте из-за плохой погоды, а также отсутствия связи, ее поездка сократилась уже на четыре дня. Когда она, наконец, добралась до Буэнос-Айреса, Саша начала поправляться, но в наших отношениях все еще сохранялся холодок, и нам нужна была энергия Хоуп. К сожалению, Хоуп привезла с собой дождь, поэтому мои попытки провести девочек по моему любимому городу были совсем не так волшебны, как я рассчитывала – все выглядело серым и мокрым.

«Кристин, так всегда и происходит. Ты устанавливаешь чересчур высокую планку и ждешь слишком многого, а потом сходишь с ума, когда все не столь идеально», – сказала Хоуп раз 12 за время нашего общения.

Словно по закону подлости всю неделю, что мы были в Буэнос-Айресе, по телевизору показывали странные вещи. На национальном канале 24 часа в сутки транслировали ледник Перито-Морено, гигантское образование в аргентинской Патагонии, который сошел с Анд прямо в прекрасное бирюзовое озеро. Камера, направленная на ледник, никуда не двигалась, и никто не комментировал происходящее. То есть 24 часа в сутки по каналу транслировали безмолвное движение этой гигантской глыбы льда. Иногда от нее откалывался кусок и падал в воду, поднимая огромную волну, но все остальное время... мы просто смотрели на стену льда.

Я выяснила, что подобные трансляции случаются каждые несколько лет. Примерно раз в четыре года ледник сползает к краю суши и эффектно разрубает озеро напополам. Две части озера пытаются соединиться обратно, медленно подтапливая айсберг с обеих сторон. Такая двойная атака позволяет водам в итоге снова сойтись, и в данном процессе рождается ледяной мост через озеро. Мост постепенно тает и разваливается, пока однажды, в волшебный момент, его арки не становятся настолько тонкими, что вся конструкция обваливается в озеро, порождая волну высотой в десятки метров.

Данное событие могло произойти в любой момент, поэтому всю неделю камеры были направлены на ледник. Набежали в регион и туристы, чтобы успеть запечатлеть момент. Мне происходящее казалось очень забавным, но я тоже все время включала телевизор, когда была в комнате. Надежда, что ты сможешь увидеть этот момент, сводила с ума. И оказалось, наблюдение за льдом очень расслабляет. Саша, Хоуп и я валялись на Сашиной огромной кровати в отеле, смотря телевизор до поздней ночи. Мы представляли, что когда айсберг разрушится, одна из нас воскликнет: «Вау! Видели, какая огромная волна?». «Великолепно. Никогда ничего подобного не видела», – согласимся мы.

Конечно же, ледяной мост разрушился посреди ночи, когда никто, включая и камеры, этого не видел. Ледник не выступает по команде.

Однажды вечером Саша отправилась в постель пораньше, все

еще пытаясь восстановиться, и мой бармен, Оскар, пригласил нас с Хоуп выпить. Было воскресенье, большинство заведений не работали, а у него имелся друг, который владел баром под названием *Sálvame María* – «Спаси меня, Мария». Выяснилось, что под «Марией» имеется в виду не Дева Мария, а друг Оскара Хосе-Мария, который и владел баром. Мы сидели в баре почти одни, и я испытывала разочарование от того, что не могу устроить Хоуп лучший вечер. Нам требовалась ночь, полная южноамериканской магии, желательно украшенная романтическим общением с местными мужчинами, и мое подсознание требовало организовать что-то классное хотя бы для одной из моих подруг.

Оскар пытался заняться своей частью романтических нужд прямо на моем барном стуле, пока Мария опаивал Хоуп вином. В итоге мне удалось стряхнуть с себя руки Оскара, и мы вчетвером отправились на поиски веселья. Ребята отвели нас в ирландский бар по соседству, куда Марию не пустили. Он, похоже, так и собирался стоять и ждать нас на улице, но Хоуп храбро предложила нам всем устроить вечеринку в его доме.

«Ты уверена?» – спросила я ее, чувствуя руки Оскара под своей одеждой.

Эта шикарная женщина пьяно кивнула головой и глянула на меня с невинной улыбочкой. «А почему нет?» И вот уже спустя совсем немного времени моя дорогая, дорогая подруга занималась любовью с толстым мужиком по имени Мария, который недостаточно хорошо выглядел, чтобы его пустили в ирландский бар.

А далее мне пришла пора отправляться в сольную часть моего приключения – в Огненную Землю. Я представила Хоуп и Сашу брату Отца Хуана, Фефе, который был настолько же плохим парнем, насколько Хуан был хорошим, прямо как в сериале. Однако у них имелись общие гены, поэтому Хоуп пришла в восторг от такого знакомства. Фефе пригласил девчонок на несколько дней в Пунта-дель-Эсте (в Уругвае), в пляжный домик своих родителей.

Мы попрощались. У моих подруг не получилось такой поездки в Аргентину, как у меня. Она не спасла их, как меня, от их проблем. Но они этого и не ожидали. Я поняла, что Саша и Хоуп не смотрели на наше путешествие моими глазами и не воспринимали его как лекарство или как шанс исправить все неправильное, что есть в наших жизнях. Они с удовольствием провели несколько интересных дней в Южной Аргентине, а затем отправились домой, не слишком разочарованные и совсем не изменившиеся.

Я отправила их в путь с Фефе, и, когда они добрались до пляжа, там шел дождь. Казалось, что эта поездка не сложилась для них от начала до конца. Но они много играли в покер в казино, Фефе уделял Хоуп много внимания, и у моих друзей собралось множество смешных историй о той неделе. Вернувшись домой, Саша забрала своего мужа из лечебницы и через месяц забеременела своим первым ребенком – официально началась новая жизнь.

Что же касается меня, то после прощания с друзьями мои неудачи не закончились – утром в день вылета на Огненную Землю я поняла, что прошлым вечером забыла свой паспорт в интернет-кафе. Я поняла это в 5.00, вылет был в 8.00, а кафе открывалось в 9.00. В день летал всего лишь один самолет, который успевал довезти меня до Ушуаи за несколько часов до отхода моего судна... Очевидно, что мне следовало либо попасть на самолет, либо вообще не ехать. Я решила проверить, как далеко смогу забраться.

Международный аэропорт Эсейсы, Буэнос-Айрес ->
Международный аэропорт Ушуайа-Мальвинас Аргентинас
Отправление: 15 марта, 2006

У меня на руках оставалась копия паспорта, и с ней я смогла сесть на самолет до Ушуаи, крошечного аргентинского городка на пути к Огненной Земле, но вот в Чили меня точно без настоящего документа не пустили бы. Моей грандиозной, дорогой, до мелочей спланированной поездке, где я представляла себя одинокой романтической фигурой, любующейся айсбергами, не суждено было случиться.

Так что я немного поплакала, посмотрела, как другие пассажиры садятся на корабль, все эти 50—70-летние парочки, мои несостоявшиеся компаньоны в путешествии. Затем я нашла магазин с алкоголем, небольшой хостел рядом с городом за \$20 за ночь, который, я была уверена, нравится одиноким путешественникам. Так я и села – в баре отеля, глядя на океан и на ледники за городом.

Спустя несколько минут рядом со мной очутились три молодых израильянина.

«Давайте стаканы», – сказала я им, держа в руках бутылку.

Они протянули стаканы, и мы распили пиво, глядя, как моя лодка буквально уплывает в антарктический закат.

Оказалось, что ребята совсем недавно демобилизовались, один из них даже летал на F-16. Южная Америка и Юго-Восточная Азия полны израильян, которые путешествуют с рюкзаками, посвящая год между службой и колледжем недорогим поездкам.

Иногда они немного «застревают» в таких путешествиях и год затягивается. Однако, где бы вы ни встретили, разъезжая по миру, этих бывших солдат, они всегда готовы повеселиться. В итоге лодка моя уплыла, а я со своими новыми приятелями, которые не могли поверить, что мне уже 28 (мне было 32), отправилась на ужин. Там мы познакомились с компанией других иностранцев, ставших моими *компадрес* на несколько прекрасных дней.

Но давайте я вкратце опишу вам всех собравшихся. Во-первых, три израильских пилота. У одного из них, Ави, глаза ледяного голубого цвета и безумно озорная улыбка. Несмотря на то что по своему телосложению он напоминал Кейт Мосс и скорее всего был слишком юн, чтобы законно пить в США, и Ави, и его друзья пребывали в уверенности, что смогут затащить меня в постель. Позже, тем вечером, мы познакомились с горным гидом Альфредом, немецким хиппи, который взял несколько дней отдыха от работы в Торрес-дель-Пайне – национальном парке в Чили, где я как раз должна была гулять. Он был очень жизнерадостным (что не слишком характерно для немцев) и приходил в восторг от перспективы спать под крышей. Еще там присутствовала Элизабет, высокая светловолосая австралийская студентка, а также официантка и певица, которая одна отправилась в годовое путешествие по миру. Кроме того, я познакомилась с Ноа и Эли, милой израильской парой, познакомившейся на работе, которая была связана с обслуживанием армии. Она пела для солдат, он занимался звуком, и, влюбленные друг в друга, они просили сфотографировать их на закате. И последнее, там был Ник, очень симпатичный голубоглазый учитель из Мэриленда, только что вернувшийся из недельного похода по Огненной Земле и, как выяснилось, жаждавший тепла и компании. Но о нем позже.

Все мои новые знакомые приехали из разных концов света и были немного моложе меня, но все вместе эти люди спасли мою поездку. Израильские пилоты покатали меня над мысом Горн на крошечном самолете, и наши головы бились об его крышу, пока ветер бросал нас из стороны в сторону, как игрушку. Я все еще хотела увидеть колонии пингвинов, поэтому на следующий день собрала несколько желающих отправиться посмотреть на них.

В тот год вышел фильм *«Птицы 2: Путешествие на край света»*, и, наверное, нет в мире человека, который бы посмотрел его и не влюбился в этих забавных существ. Наша компания погрузилась в лодку и отправилась в ледяную, продуваемую ветрами, туманную гавань, где дождь шел горизонтально. Стоять снаружи оказалось слишком холодно, через туман ничего не было видно, так что мы все сбились внутри, попивая какао и смотря,

да-да, «Птицы 2: Путешествие на край света» по телевизору. С дубляжом на испанском.

Как раз когда мы уже стали смиряться с мыслью, что мы прилетели на край света ради прогулки под дождем и очередного просмотра документального кино о пингвинах, облака немного расступились, после чего нашему взору открылись три небольших островка. И они были покрыты тысячами пингвинов. Наконец-то.

Мы понаблюдали за безумно забавными крошками, бродящими вразвалку и передвигающимися, как тысячи маленьких Чарли Чаплинов. Это было так чудесно, как только могло быть, и затем мы поплыли обратно через тюленьи колонии на фоне ясного антарктического заката.

После прибытия мы снова оказались в своем небольшом хостеле, дрожа от холода, и обнаружили, что в лобби играет музыка и пахнет едой.

«Шаббат шалом!» – прокричали израильтяне.

Была пятница, и израильские ребята пропустили пингвинов, планируя приготовить нам настоящий ужин-шаббат. Мы расселись, чтобы поесть, они прочитали короткую молитву (большинство из собравшихся слышали еврейскую молитву впервые), и мы слопали по аргентинскому стейку с овощами на гриле и хумусом.

Внезапно в дверях появился Ник, симпатичный американский учитель, от него пахло дождем. Он выходил за пивом и мороженым и, вернувшись, плюхнулся на стул рядом со мной. Мы поболтали о проведенной им в одиночестве неделе, когда ему пришлось пробираться сквозь дождь, ветер и настоящую тундру. Ник сказал, что не уверен, есть ли у него желание пройти через подобное еще раз.

– Что ж, я направляюсь в Эль-Калафате и к Фицрой, если хочешь, поехали со мной, – сказала я. – Я попросила бы знакомого проводника помочь нам: он действительно знает, как не заблудиться в Андах.

– Хм, – заинтересованно хмыкнул он. – Может быть, я проверю билеты.

Это был, помимо всего прочего, День святого Патрика, который часть людей из нашей компании никогда не праздновали. Поскольку я на четверть американская ирландка и жила к тому же в Чикаго, я решила организовать празднование и нашла Дублинский ирландский бар в Ушуае, предположительно второй с юга ирландский паб (победитель – бар под названием Galway, тоже в Ушуае). Там мои новые друзья впервые

попробовали зеленое пиво. В пабе мы разобщались с какими-то французами в слоновьих хоботах, а потом танцевали меренге под Manu Chao.

Годы спустя я буду ужинать у австралийки Элизабет в ее доме в Сиднее, а она будет приезжать в гости ко мне в Лос-Анджелес. Что касается сексуального израильянина Ави, то он довезет меня от израильского пляжа до границы с Иорданией во время моей поездки туда. Люди, с которыми я подружилась за эти три дня в Ушуае, обменивались полными любви письмами долгие годы: *«Тот День святого Патрика был лучшим за всю мою годовую поездку... Вы, ребята, самые прекрасные люди, которых я встретил в Южной Америке...»*

Так работает своеобразная химия путешествий, зарождающаяся далеко не всегда, ведь происходящее стало возможным, потому что я потеряла паспорт и мой план разрушился. Если бы я отправилась в запланированную изначально поездку, я бы провела время со старыми богатыми супружескими парами. Это послужило мне напоминанием, что не стоит нарушать свои же правила путешествий – не перепланируй, не бронируй дорогие поездки, если хочешь познакомиться с веселыми молодыми людьми.

Данный опыт также показал мне вот что: вне зависимости от типа путешествия, чем глубже ты погружаешься в свои 30 с хвостиком лет, тем выше вероятность, что ты окажешься в дороге единственным человеком своего возраста – остальные будут либо моложе (в хостелах), либо старше (в модных круизах). Разменяв четвертый десяток, большинство людей сидят дома, работают, растят детей, помогают мужьям пройти через реабилитацию, живут для кого-то другого, не для себя.

Сосунки. Так я себе и сказала.

Международный аэропорт Ушуая-Мальвинас Аргентинас -> Международный аэропорт Эль-Калафате

Отправление: 18 марта, 2006

Ник решил поехать со мной на север, в Эль-Калафате. Мы попрощались со своими новыми друзьями, оставив их без нас выяснять, что происходит наутро с телом после дюжины бутылок зеленого пива, а сами поехали на север, в город, являющийся вратами к знаменитому леднику Перито-Морено, звезде телевидения. Мы всего на неделю опоздали к моменту, которого никто не видел, но столь странное невезение в ходе путешествия

стало уже закономерным.

Мы с Ником немного стеснялись, что решили отправиться в путешествие вместе, наши отношения были не совсем ясны. Когда мы столкнулись с вопросом, сколько нам нужно комнат в хостеле в Эль-Калафате, нам пришлось вести следующий диалог:

– Что ж, ну как бы можно взять двухместный, думаю. Дешевле, чем два одноместных, – сказала я, хотя цены меня волновали в последнюю очередь.

– Да, и было бы здорово спать не в общежитии, где полно спящих туда-сюда людей, – согласился Ник. Его тоже это «не особо волновало».

– Двухместный, да. И... думаю... две кровати?

– Да, пожалуйста, две кровати, – согласилась я, как истинная леди.

Естественно, в единственной свободной комнате имелась только одна большая кровать. «Ну что же, если это единственный доступный вариант...» – радостно констатировала я.

«Да, конечно, если это все, что есть, мы, безусловно, возьмем с одной кроватью», – быстро согласился Ник.

Мы зашли в комнату переодеться, – в ходе чего я заметила гладкую мускулистую спину Ника, а затем быстренько покинули помещение, собираясь перекусить стейком в городе. Устроившись в *parrilla* (гриль-бар. – *Прим. ред.*) напротив огромного камина, мы попытались узнать друг друга поближе. Нику не нравилось работать преподавателем, но он не представлял, чем еще он может заниматься. Он многое знал о горах, но до странного мало о других вещах, о которых, как хотелось мне верить, будет знать учитель моих детей. Но Ник был красив и очень мил, он стал для меня в каком-то смысле рыцарем в сияющих доспехах.

В тот вечер я умудрилась оставить свою карточку в банкомате и оказалась, конечно, на мели, без паспорта и без доступа к своим наличным. Это была одна из таких поездок, да. Ник сказал, что позаботится обо мне, и мы договорились, что я постараюсь заплатить за все, что смогу, своей кредиткой (с которой нельзя снять деньги), а он возьмет на себя наличные выплаты. Я не переставала размышлять о своем прошлом годе в Аргентине, когда все получалось очень просто. Казалось, бог хочет мне что-то сказать, не только об излишнем планировании, но, не исключено, и о деньгах тоже. Я мечтала сделать эту поездку более комфортной, чем когда-либо ранее, и я хотела уйти от представления о себе, как о девчонке, «которой не нужны роскошные отели, чтобы хорошо провести время». Но все мои шикарные планы разрушились, и я снова оказалась в хостеле и занимала деньги у незнакомца.

Который, кстати говоря, собирался спать со мной в одной постели.

Однако пробежала ли между нами с Ником искра? Если честно, не особенно. Но, как и год назад с моим патагонским учителем испанского, взаимной симпатии оказалось достаточно.

Мы с Ником вернулись к огромной кровати в нашей маленькой комнате, и легли прямо в одежде. Затем мы немного поболтали о том, как его разочаровал одинокий поход: он надеялся, что больше ему никогда не будет так одиноко. Я рассказала Нику о невероятной разнице между двумя моими поездками в Аргентину и о том, что в последней я чувствую себя очень потерянно. Но общий вывод, который я сделала из происшедших событий, совпадал с тем, что мне часто говорила Хоуп.

Ты не можешь контролировать все. Просто наслаждайся тем, что тебе дает мир. И это послание очень расслабляло.

В конце концов мы замолкли и просто лежали рядом на спинах, глаза в потолок и ожидая, что произойдет дальше. Мы повернемся спинами и заснем либо случится что-то еще? Медленно и как-то диковато Ник поднял руку рядом со мной в воздух, локоть прижат к кровати... и просто оставил ее в таком положении под очень странным углом. Я взглянула на это его нестандартное первое движение, молчаливый вопрос между нами, и взяла его руку в свою.

Дело сделано.

Мы не просто уснули.

На следующий день уже без стеснения держась за руки, мы с Ником направились к леднику. Над головой у нас сияло голубое небо, светило теплое солнце, но воздух был холодный, чувствовалась близость ледника размером примерно с Буэнос-Айрес. Мы взяли лодку, чтобы поплавать по бирюзовому озеру, и фотографировались, целуясь на фоне ледников. Перед нами возвышалась огромная ледяная стена,двигающаяся чуть быстрее, чем очень медленный ленивец.

Необъяснимо, но над ледником кружились тропические попугаи, и нам с Ником казалось, будто мы очутились в Затерянном мире – полярные медведи на тропических островах были символом того, что ты попал в другой мир или в ТВ-шоу без правил. По закону подлости, если ты запланировал посмотреть на падение гигантского ледника, он обрушится посреди ночи и ты все пропустишь. Но в неожиданной поездке к тому же леднику ты

можешь провести солнечный яркий день с новым другом, который будет целовать тебя на фоне того самого ледника и странных попугаев.

Проведя еще ночь в нашей большой теплой постели, мы с Ником сели в автобус и отправились в Эль-Чальтен, маленький горный городок в самом конце дороги. Эль-Чальтен существует только за счет обслуживания туристов, собирающихся забраться на гору Фицрой, расположенную на границе Чили и Аргентины. Эта гора была одним из самых технически сложных подъемов в мире, так что мы с Ником просто решили прогуляться от города до базового лагеря на озере под редким в это время солнышком, в последний день патагонского лета. Мы стояли среди айсбергов на озере рядом с ледником Фицрой и ели бутерброды, греясь на солнышке. На ту ночь мы нашли небольшую комнатку над ресторанчиком – примерно за \$30. Из ресторана поднимался запах свежего хлеба, и мы сдвинули кровати, чтобы полюбоваться движениями ветра за окнами.

На следующий день мы вернулись обратно в город. Ник поцеловал меня на прощание, сказал, что это была лучшая поездка в его жизни, и отправился учить детей в Балтимор.

Международный аэропорт Эль-Калафате -> Международный аэропорт Эсейсы, Буэнос-Айрес

Отправление: 23 марта, 2006

Вернувшись в Буэнос-Айрес, я забрала свой паспорт у приятеля, спасшего его из интернет-кафе, и собралась провести последние несколько дней в Аргентине со своим барменом Оскаром. Я слышала о *телос*, «любовных отелях», по всему Буэнос-Айресу, очень дорогих и дешевых, номер в которых можно было снять на час. Это крупный бизнес для страны, где многие люди живут со своими родителями или не прочь изменить своей законной половине. «Тело» – это слово на лунфардо, социолекте улиц Буэнос-Айреса. Лунфардо заимствует слова из обычного испанского и когда-то являлся жаргоном преступного мира, который позволял защититься от прослушек.

Я попросила Оскара сводить меня в такое место, после чего он достал из кошелька карточку постоянного посетителя любовного отеля. Посмотрев на карте, мы увидели, что подобные заведения есть повсюду, в каждом доме. Я просто никогда их не замечала, потому что они похожи на гаражи.

Мы заехали в один такой «гараж» и остановились в машине перед окошком, похожем на кассу в «Макдоналдсе», только в меню были обозначены типы комнат и длительность пребывания – *3 часа любви, всего за 6 песо!!!* Кроме того, вы можете выбрать

секс-игрушки, камеры и заказать еду или напитки. Мы выбрали простой вариант на три часа – без еды и вибраторов, заехали на этаж выше и припарковались прямо перед снятой комнатой. Никаких ресепшн, чтобы исключить риск нежелательных встреч. В самой комнате, где были черные стены, а на потолке располагалось зеркало, стояла кровать в виде сердца. Играла музыка, в тумбочке лежали зубные щетки и презервативы, и за пять минут до истечения времени нам вежливо позвонили.

В мою последнюю ночь в городе я отправилась потанцевать с друзьями. Отец Хуан тоже зашел попрощаться. Я рассказала ему о своей поездке, пытаюсь быть «друзьями», и он всячески меня поддерживал. Он был на вечеринке один, что выглядело странно, и стоял, ни с кем особо не разговаривая. В конце концов я просто поблагодарила его за то, что он пришел, в душе надеясь, что он уйдет. Хуан понял меня и ушел, снова извиняясь. Я решила для себя, что это последняя точка в наших отношениях. И думала, что больше никогда его не увижу.

Но я увидела. Такие вещи просто нельзя планировать.

Глава 6

Бразильцы пропускают вторую базу... и сразу переходят к третьей

Международный аэропорт Лос-Анджелеса -> Галеан,
Международный аэропорт Рио-де-Жанейро
Отправление: 2 мая, 2007

Все мои путешествия изменили меня, помогли многое узнать о самой себе или о мире. Научили глубоким вещам.

В Бразилии не случилось ничего серьезного.

Бразилия была просто чертовски веселой. И мои впечатления о ней были не глубже, чем лужа. Мой женатый друг недавно описывал свою поездку в эту страну так: «Ты сидишь на пляже и вдруг замечаешь самую красивую женщину, которую когда-либо видел. Но на пляже было полно народу, и ее загородила... *самая красивая женщина, которую ты когда-либо видел*».

Я не уверена, стоит рассказывать некоторые истории, случившиеся со мной в Бразилии, или нет. Так и представляю, как это читает мой будущий свекор или мои дети, которым еще только предстоит родиться. Вот уж кому я бы точно не стала ничего говорить. Но знаете что? Если бы я была мужчиной, то не думала бы, что эти мои воспоминания выставят меня в неприглядном виде. Они стали бы очень даже веселыми, так что я собираюсь поделиться с вами рассказом о двух своих бразильских бойфрендах.

Они были двумя самыми красивыми мужчинами, которых я когда-либо видела.

Я отправилась в Бразилию со своей кузиной Эммой, и там мы встретились с одной из моих приятельниц по Буэнос-Айресу – американкой по имени Кейт. Теперь давайте еще на секунду вернемся к Аргентине. Она расположена очень близко к Бразилии. Вплотную прямо-таки. И после первого путешествия в Аргентину я размышляла о том, чтобы купить квартиру в Буэнос-Айресе (она стоит меньше, чем моя машина) и ездить туда каждый год. Я мечтала, что смогу запустить ТВ-шоу в Аргентине. Я готова была переехать туда по крайней мере на время. И может быть, снова влюбиться в Отца Хуана, когда его отношения закончатся, нарожать красивых детей-билингв, которые будут

говорить «Ола, мамии» каждое утро, когда я буду убегать на работу снимать свое южноамериканское шоу. В своих фантазиях я еще и выглядеть начала как Пенелопа Крус.

И вот теперь я даже не заглядывала в Аргентину. С Хуаном в последний раз все прошло очень странно, да и я усвоила урок о том, что не нужно пытаться воссоздать магию. Я боялась возвращаться назад. Что, если все будет только хуже и хуже? Может, магия Аргентины объяснялась тем, что я впервые оказалась одна в абсолютно незнакомом месте, и теперь я смогу найти нечто подобное в любых других не изведанных мною краях.

Например, в Бразилии.

Наше путешествие началось в Рио. В каждом городе есть своя особая достопримечательность, такая, например, как Биг-Бен в Лондоне или Сиднейская опера в Сиднее, архитектурно или исторически значимые памятники, которые нужно увидеть, чтобы «посетить» место. Что ж, в Рио это – Посто Нове (Posto Nove), спасательная вышка на пляже Ипанема. Почему именно она? По одной причине: из-за невероятной сексуальности обитающих там людей. Об этом даже в путеводителях пишут.

В Ипанеме разные спасательные вышки собирают вокруг себя разных людей: есть башни для семей, геев, волейболистов, собачников и пожилых туристов. Посто Нове – Девятая башня – собирает красавцев. И вы должны помнить, что из этих мест выходит самое большое число супермоделей.

Посто Нове стало тем, чем является сегодня, в 1980-х, благодаря человеку по имени Фернандо Габейра. На момент написания этой книги он депутат от Рио и бывший социалист, который в 1969 году помог своим друзьям-революционерам похитить американского посла в Бразилии. В 1980 году он вернулся в Рио из Франции и засветился на фото рядом с Посто Нове в настолько маленьких плавках, насколько вообще можно себе вообразить. Габейра был политической знаменитостью и открытым бисексуалом, но, что еще важнее, он выглядел великолепно в своих трусиках-ниточках. Таким образом, Посто Нове стало местом для революционеров (что сегодня означает барабанщиков с бонгами и курильщиков травки) и эротически привлекательных людей.

Попа является королевой всех пляжей в Бразилии, и, вне зависимости от размера или формы, купальник каждой женщины на ягодицах играл в игру – «пойди найди меня между двумя половинками». Многие мужчины носили «цунги», что означает мужское бикини, и они так и бегают по пляжу практически обнаженные рядом с бизнес-центром города, телефоны и ключи болтаются прямо рядом с самой важной частью тела. Некоторые

играли в футболе, странную форму пляжного волейбола, но без рук, зато с ногами, что, видимо, и делает их тела такими, какие они есть.

Мы с Эммой быстренько скользнули в свои купальники (важно для местных обычаев) и усадили свои абсолютно белые американские задницы в стулья, достав фотоаппараты. Мы снимали друг друга на фоне всего открывшегося нам великолепия.

«Господи Иисусе, вот этого, сзади меня,ними! Быстрее! Он поворачивается, поворачивается!»

«Мамочки, посмотри на того, который на плечах стоит! Быстрее! Видела?!»

Вот так мы с энтузиазмом снимали попы, спины, ноги и руки этих невероятных, потрясающе красивых людей.

Спустя несколько дней столь высококультурного времяпрепровождения в Рио мы улетели в Сальвадор, в бразильский штат Баия, и встретились там с Кейт. Эта умная тихая девушка жила в Буэнос-Айресе около семи лет, и главной любовью всей ее жизни была собака по имени Дейзи. Однажды Дейзи съела несколько моих личных вещей, и я сказала бы, что она – абсолютно дикое и неприятное животное, сводившее с ума всех, кроме Кейт. Ее существование оправдало себя только один раз, несколько лет спустя, когда Кейт наняла Марко, очень молодого горячего *passeeperro* – то есть типа, который выгуливает собак. Он стал вторым после Кейт человеком, полюбившим Дейзи, на почве чего он стал встречаться с ее хозяйкой. Спустя несколько лет он приручил Дейзи, а Кейт приручила его, и в итоге они съехались и поженились. Они втроем были счастливы долгие годы, а сейчас Кейт уже на четвертом месяце беременности.

Но тем не менее наша бразильская поездка случилась до появления Марко на горизонте, и Дейзи являлась все еще единственной любовью Кейт. Оставить собаку одну было мучением для Кейт. Она переживала о ней, как иные о детях-то не переживают. Кейт возвращалась домой, чтобы проверить почту – не прислала ли «Дейзи» сообщение. Если же тот, кто оставался следить за собакой, писал, что Дейзи скучает, наша подруга впадала в отчаяние на час или больше.

«Дейзи говорит, что она весь день смотрит на мою кровать и хочет, чтобы я вернулась», – могла произнести Кейт, шмыгая носом над письмом от знакомого. – Она, кажется, по-настоящему расстроена. Я сказала ей, что тоже скучаю, но не думаю, что ей это поможет!»

Мы с Эммой ненавидели собачью няню, которая писала эти

сообщения, всей душой.

Однако вернемся в Сальвадор, который когда-то был столицей Бразилии. Мы втроем провели несколько дней в этом ярком и очень красивом городе, ранее служившем портом для ввоза рабов, в результате чего Сальвадор испытал на себе большее влияние африканской культуры, чем вся остальная страна. Еда, танцы, клубы – все это отдавало жаркими ритмами Африки в ее самых сексуальных аспектах. На улице играли барабаны, и повсюду танцевали полуголые люди, как будто на улицах города не прекращался карнавал. Большие мамочки в белых тюрубанах и длинных белых одеждах угощали невероятными *moquecas* – острыми блюдами с карри и кокосом – прямо из огромных котлов на открытом огне, а удивительно мускулистые мужчины занимались капозэйрой. Мы тоже прониклись местным колоритом: танцевали самбу, заводили новых друзей, выслушивали бесконечные предложения от местных мужчин, жаждущих отправить нас домой с бразильскими детишками в животах, потеряли несколько украшений на уличной вечеринке – и затем Кейт наконец отправила последнее письмо своей собаке и мы отправились на остров Тинаре.

Тинаре – это часть очень впечатляющего архипелага. В океане вокруг островов движется множество плавучих кафе, где подают устриц, а на белоснежных пляжах больше пальм, чем людей. На островах запрещены машины, поэтому вдоль пляжей повозки тянут ослики. Главный город – Морро-де-Сан-Паулу – пестрит десятками мужчин в поло с тележками, на которых красуется надпись «такси». Они сажают вас перед собой в эту тележку и толкают ее по главной улице (песчаная тропка между двумя рядами ресторанчиков и магазинов) вдоль пляжа, к вашей *pousada* (гостиница. – Прим. ред.).

Вы даже не надеваете обувь. Когда приходит время обедать, вы прогуливаетесь по пляжу, пока не наткнетесь на парня с рыбой и кокосами, потом ложитесь на песочек, попивая кокосовую воду, а он жарит вам обед. Когда приходит время ужинать, вы лишь поправляете на заднице свое бикини и отправляетесь в ресторан.

Мы с Эммой и Кейт ужинали на пляже, когда на горизонте появился мой первый бразильский бойфренд. В ресторане выступала группа блестящих поджарых мужчин в *цунгах*, играющих на медных духовых инструментах и барабанах, а мы не могли отвести от них взгляд. В ресторанах Морро вообще не бывает барабанщиков в штанах или шортах, что, на мой взгляд,

давно стоит указывать в рекламных брошюрах об этом месте.

Но несмотря на эти отвлекающие факторы, я все равно заметила Криштиану. Он открыто разглядывал мои прелести, игриво улыбаясь своей белозубой улыбкой конкистадора. Для меня такое поведение было внове. Вернувшись домой, я чувствовала себя смущенной из-за его пристального взгляда, словно говорившего «подойди ближе». Я же в такие игры играть не умею. Однажды, зайдя в один лос-анджелесский бар, я начала, как мне казалось, налево и направо кидать невероятно сексуальные взгляды, пока меня не остановила женщина и не спросила: «Вы в порядке? Создается впечатление, что вы сейчас расплачетесь».

Так что нет, я не мастер сексуального лица. И тем не менее курортная версия Кристин очень даже неплоха.

Вернемся к Криштиану. За несколько лет до описываемых событий мой приятель Феррис Бьюллер возил толпу народу в Рио на Новый год. Он рассказывал мне о загадочном феномене, произошедшем с ними в той поездке – он и его не менее симпатичные приятели заходили в бар и быстро окружали группу великолепных бразильских женщин. Я наблюдала подобное в барах по всему миру и знаю, как это обычно происходит. Но в Бразилии что-то было не так. После 20 минут радостного поглощения алкогольных коктейлей и флирта женщины отходили, заговаривали с другими мужчинами и спустя несколько минут покидали бар с ними. Вечер за вечером мои американские друзья смотрели на это, пока в конце концов не спросили бразильскую женщину, почему все они уходят.

– А вы целовали приглянувшихся вам девушек до того, как они уходили?» – спросила она.

– Нет, мы всего несколько минут болтали, – отвечали они.

Женщина рассмеялась. В Бразилии, если парень не схватил и не поцеловал тебя через несколько минут после знакомства, это значит, он не заинтересовался.

Поэтому все те девушки искали себе другие пары.

Я не могла рассказать данную историю Криштиану, потому что он не говорил по-английски. Но он и без слов смог подтвердить, что бразильские мужчины и на самом деле ведут себя именно так. С одним дополнением – они не просто целуют тебя, а сразу, прямо на людях переходят к более откровенным ласкам. И еще один сюрприз – действуют они не по привычному шаблону. Бразильцев не интересует женская грудь. К такому заключению мы пришли с моими попутчицами, каждая на основе своего опыта. Для девушки, считающей, что грудь является

центром всей физической жизни, это по-настоящему необычный опыт. Возможно, когда ты родился в стране, где изобрели стринги, ты проводишь слишком много времени, пялясь на задницы, и забываешь обо всех остальных частях тела. И, как я уже говорила, бразильские попы и та уверенность, с которой они выставляются напоказ, великолепны. Что же происходит на практике? Представьте себе американку, которая обжимается со своим бразильским конкистадором в пляжном баре, и вот через пять минут его руки перестают держать ее лицо, пропускают базу, к которой мы привыкли, и отправляются напрямик в штаны. Что достаточно неожиданно, скажу я вам.

Краткое отступление о «базах»^[18]. Я обнаружила, что взрослые люди занимаются чем-то непонятным, когда мне было 15 лет – мне все продемонстрировала моя собственная мама, когда я пораньше вернулась после школы и застала ее с любовником мексиканско-венгерского происхождения в самом разгаре веселья. Надев одежду, она сказала, что мне стоит с этим подождать, пока я буду постарше и влюблюсь в кого-нибудь, чтобы испытать физическую близость с мальчиком. А она – уже взрослая женщина и может пробовать что-то новое с новыми людьми. «Взрослые люди не просто за ручки держатся», – подытожила моя мать. И она была права – не просто.

Поэтому передо мной стоял сложный выбор: как я уже говорила раньше, в США я веду себя достаточно пристойно. Тогда как курортный вариант Кристин не волновался о переходе от первой базы сразу к хоум-рану, дома я совсем не собиралась спать со всеми, кого целую. Для начала мне требовалось узнать парня поближе. Возможно, дело было в том, что порой я встречалась с несколькими мужчинами одновременно, а спать больше чем с одним человеком – это уж чересчур. Так что порой мне приходилось говорить «нет». И в то же время было смешно: я – взрослая женщина, которая по какой-то причине рисует оградительные линии на песке вокруг своего тела. «Ты можешь трогать меня здесь, но не здесь» – похоже на свидание в старшей школе. Взрослые подобных вещей не говорят. Так вот, как найти равновесие между стеснительностью и вседозволенностью? Я пришла к новой и усовершенствованной системе баз после разговора со своим другом-геем, который поведал мне, что у геев все несколько иначе. По его словам, первая база для них – это оральные ласки, вторая – анальный секс, третья подразумевает третьего участника, а хоум-ран – это довольно сложно, и для него нужна еще пара и танцовщик гоу-гоу. Конечно же, думаю, перечисленная классификация не является для геев всеобщей, но выяснялось, что путь становится гораздо короче, когда женщины

оказывались не при делах. Как и в других истинно мужских занятиях – скажем, на войне, где события развиваются очень стремительно.

Лесбийская теория баз, как мне рассказывали, включает в себя много совместных ванн и игрушек на первой и второй базах, а затем, при переходе к третьей, покупку дома и посадку огорода. Хоум-ран в данном случае – это когда вы вообще перестали заниматься сексом и открыли книжный клуб.

Гейский вариант натолкнул меня на мысль составить теорию баз для уже взрослых леди, которые разрываются между тем, что они уже взрослые, нуждающиеся в сексе дамы, но при этом не хотят стать похожими на единственный в деревне велосипед. Моя новая теория основывалась не на том, какую часть вашего тела потрогали и чем, но где с *географической* точки зрения интимный акт имел место.

То есть все, что происходит на людях, либо, скажем, в машине или на крыльце, – это первая база; все действия, совершаемые где-то в доме – например, на кухне, на полу, на диване, – вторая база, а вот переход в спальню – уже третья. Если вы вместе заснули – это хоум-ран.

Данная система, на мой взгляд, очень осмысленна, поскольку, вместо того чтобы раздавать части своего тела, как отметки на марафоне, вы рассматриваете интимное продвижение с точки зрения вторжения в ваш дом и в вашу жизнь. А последнее представляется мне наиболее важным.

Поэтому да, если вы остановились на крыльце, то можете закончить на первой базе. Неплохо, правда?

Как бы то ни было, Криштиану пропустил весь второй уровень и сразу отправился в «старшую школу» в первый же вечер, прямо в баре. (Что в теории взрослых леди все еще первая база!) Я оглянулась, смущенная, на сотню людей вокруг, но они полностью сосредоточились на своих руках в чужих штанах, и на нас никто даже и не смотрел. Эмма и Кейт, видимо, изучали новые уроки относительно пропущенных баз в других концах бара, и просто чудо какое-то, что мы вернулись в отель без дополнительных игроков в команде.

Я сказала Криштиану, что утром мы отправляемся на другой остров и что, если у него есть желание на несколько дней погрузиться в любовь, он может поехать с нами. Но Криштиану не мог позволить себе поездку на лодке, поэтому мы раз двадцать или тридцать попрощались, я достала его руку из своих штанов и отправилась в свой отель. Как настоящая леди.

На следующий день мы с девочками запрыгнули в небольшую лодку и поплыли на Бойпебу, еще меньший остров, расположенный по соседству. Был не сезон, поэтому даже на столь крошечном островке мы находились практически в одиночестве. Прогуливаясь, мы выбирали себе симпатичный вариант жилья и в итоге остановились на деревянном домике, стоящем на пляже.

Там же, на пляже, наша компания провела весь день, после чего вечером мы отправились побродить по «городу», состоящему из одной главной площади и четырех церквей вокруг парка. Нашему взору предстало «кафе», состоящее из четырех пластиковых столиков, и «бар», примыкающий к чьему-то жилому дому. Мы остановились выпить с тремя местными жителями, и в итоге наше знакомство закончилось небольшим уроком самбы прямо на площади. Чтобы зайти в уборную, мне пришлось пройти через гостиную дома, где перед телевизором на диване спали бабушка с внучкой.

Расслабленные, мы через тихую деревню отправились домой. А на следующее утро я распахнула свою москитную сетку, вышла наружу и обнаружила ухмыляющегося Криштиану в гамаке напротив моего домика.

Выяснилось, что у него есть друг с лодкой, которого он попросил отвезти его на остров. По прибытии Криштиану узнал у первого встречного, где здесь остановились три американские девчонки, и ему показали дорогу. Видимо, даже с натянутыми бикини мы не походили на местных. Что касается Криштиану, то он привез с собой:

- 1 пару шорт (на себе)
- 1 футболку (на себе)
- 1 пару шлепанцев (на ногах)
- 3 презерватива (в кармане)
- 0 долларов

Мы использовали первый презерватив через 45 минут после того, как я нашла его в гамаке, это произошло на скале прямо на пляже, в тени деревьев и рядом с разбивающимися бирюзовыми волнами. Как в чертовом «Отныне и во веки веков», но мы были более загорелыми и ободрали колени. Базы? Какие базы?

Следующие два презерватива мы использовали после обеда под москитной сеткой в моем домишке. И тут в наших отношениях наступил первый кризис: презервативы кончились, а их наличие, видимо, являлось тем немногим, что держало нас

вместе. У Криштиану не было денег. И по какой-то причине моя карточка почти не срабатывала в Бразилии, поэтому у меня их тоже не было. Я занимала наличные у кузины, и вот какое-то время спустя мы с Криштиану стучали ей в дверь, застенчиво спрашивая:

«Ээээй. Можешь одолжить немного денег на презервативы?»

(Если честно, застенчивость демонстрировала только я. Криштиану выглядел довольно гордо.)

Эмма решила, что хочет помочь сестре не обзавестись бразильским ребенком, и великодушно одолжила нам денег на все наши недельные потребности. В результате я звала ее «Сладкая Мамочка».

В течение дня мы с девочками ездили на экскурсии: на лошадях через мангровые деревья, к еще более симпатичным пляжам, на каноэ через скрытые гроты острова, а после я возвращалась к своему бойфренду. Днем он играл в футбол на пляже с персоналом ресторанов и ждал нашего возвращения, улыбаясь и выбегая навстречу, как очень сексуальный золотистый ретривер.

Я узнала, что он работал агентом по недвижимости... на практически незаселенном острове. Это могло объяснять отсутствие денег. В постели Криштиану брал скорее энтузиазмом, чем умением, но выглядел здорово. И кроме того, он мог буквально закинуть меня на плечо и утащить в джунгли, чтобы заняться любовью.

Возможно, вы помните, что Криштиану совсем не говорил по-английски, и представьте себе, как мы общались, все больше влюбляясь. Что же, неделю мы провели, разговаривая на смеси испанского, португальского и языка жестов, который я уже неплохо освоила.

Мой новый друг знал несколько слов по-английски и иногда пытался поразить нас фразой «The name is James Bond. Bond». Поскольку он произносил ее без рубашки, мы искренне аплодировали. И искренне говорили ему, что это было великолепно.

Проведя неделю на райском острове, наша девичья троица сказала «чао» и улетела обратно в Рио на последнюю ночь в Бразилии. Феррис Бьюллер советовал нам сходить в Rìo Scenarium – ресторан, бар и клуб размером с два многоквартирных дома. Пока мы стояли рядом с его входом, решая, что делать дальше, я поймала улыбающийся взгляд голубоглазого, широкоплечего, золотокожего молодого серфера, который каким-то образом умудрился выглядеть даже лучше Криштиану. Встретившись с

ним взглядом, я охнула. Возможно, я даже сказала: «Господи боже». Он улыбнулся еще шире и взмахом руки предложил нам идти с ним и его другом.

Так я встретила Родриго.

Мой второй бразильский возлюбленный – серфер двадцати с небольшим лет от роду – собирался всего через несколько дней лететь в Сидней, чтобы выучить там английский. Общаясь с Криштиану, я уже освоила некий странный язык, на котором я и объяснила Родриго, что хочу выпить, после чего он повел меня внутрь заведения, пока Эмма знакомилась с его кудрявым молодым другом. Клуб располагался в трехэтажном здании бывшего антикварного магазина. Повсюду стояли классные вещи, и среди них примерно тысяча посетителей всех возрастов ели, пили и танцевали. На разных этажах играла своя музыка – от традиционных бразильских до модных электронных мелодий. Родриго повел меня на первый этаж, где парочки танцевали под медленную самбу в исполнении музыкального ансамбля.

Если даже и есть на свете что-то более нелепо сексуальное, чем молодой голубоглазый бразильский серфер, который умеет танцевать самбу, я не знаю, что это. Он сильно прижал меня, и я ощутила его тело. У меня даже глаза увлажнились. Все мои мысли сводились к тому, как сильно я хочу увидеть его без футболки. Мне никогда особо не был понятен мужской интерес к груди (везде кроме Бразилии, конечно). Но в тот момент единственное, чего я хотела, – это прижаться к обнаженной груди Родриго.

Пока мы покачивались в такт музыке и я думала, что жизнь моя уже никогда не будет лучше, Родриго наклонился к моим волосам и прошептал свои первые английские слова: «Ты плохо пахнешь».

Я охнула, и он сразу же понял, что ошибся: «Боже мой, нет, хорошо! Ты пахнешь хорошо! Я слово забыл!» Мне понадобилось несколько минут, чтобы перестать хохотать, и вот меньше чем через 24 часа после того, как я покинула своего островного возлюбленного, Родриго уже держал мое лицо в руках.

«Я могу поцеловать тебя?» – спросил он с надеждой.

Надо сказать, очень правильный был вопрос.

Вне зависимости от того, как я пахла, наша ночь длилась до самого рассвета. Да, я отдалась другому мужчине меньше чем через сутки. И нет, я не в восторге, что мой папа это читает. Но восстав, ради всего женского рода, против гендерной несправедливости, я собираюсь продолжать. Да, я переспала с двумя мужчинами за один день. Но, *папа*, в свою защиту скажу,

что между ними лежит почти тысяча миль, которые я пролетела на самолете, и мне кажется, данное расстояние сильно их разделяет.

Родриго привел меня в свою маленькую двухкомнатную квартирку, в которой он жил с бабушкой и где на всех стенах висели его детские фотографии. Все вещи Родриго были упакованы, потому что он переезжал в Австралию, на полу лежал лишь матрас. Сквозь стену раздавался храп его бабушки.

Мы разделись, и Родриго оказался настолько великолепен, насколько я себе и представляла. Мне хотелось просто положить голову ему на грудь и полежать, он же все хотел предаться любви в позе *69. Sessenta e nove* – вот как она называется в Бразилии. Но я никогда не была ее фанатом.

Но вот она я – сижу на Родриго в доме его бабушки, обмениваясь с ним «любезностями». Спустя несколько минут я попыталась развернуться, чтобы заняться непосредственно делом, но Родриго крепко держал меня, видимо, все еще наслаждаясь прелюдией. Мои повторные попытки развернуться были столь же решительно пресечены, поэтому я сдалась и позволила ему поступать по-своему.

Спустя пару недель после возвращения домой я получила сообщение от Криштиану:

RE: TUDO BEM?

TUDO bom!!!! Я нашел деньги, чтобы прилететь в Лос-Анджелес!!!!!!!!!!!! Я останавливаться у тебя???????? Можешь заплатить за три недели еды и вечеринок?????

Мужчина с острова, на котором нет машин, без единого цента в кармане, нашел деньги, чтоб прилететь в Лос-Анджелес. Но когда тебе не 21, ты уже знаешь, что не сможешь просто отправить его домой. Пригласить бедного бразильца в дом на еду и вечеринки – это как пригласить вампира, но с барабанами. Когда он въедет, ты уже бессильна и деться никуда не можешь. И они могут много крови попортить, как показал мой опыт с другим бразильцем.

Я сказала Криштиану, что с удовольствием встречусь с ним, если он прилетит в Лос-Анджелес, но не смогу помочь ему с едой и вечеринками. И больше не слышала от него ничего.

В целом существует одна причина, почему я, несмотря на некоторую неловкость, решила рассказать эту историю, а именно – Бразилия удивительная страна. Являются ли мои похождения там стыдными и возмутительными? Да.

Боюсь ли я, что это прочитает мой отец? Ужасно. Посоветовала бы я своей дочери провести когда-нибудь время аналогичным образом? Если перед этим она будет столько же переживать и анализировать, как и ее мать, то да. Всем нужно немного такого безумия в жизни, немного *слишком*. *Равновесия, пап, как ты и говорил.*

И какую глубокую мораль можно извлечь из этой поездки? Если у вас хотя бы раз (или два) в жизни появится возможность раздеться вместе с бразильским мужчиной, не пренебрегайте ею.

Ох, Бразилия.

Глава 7

Доминиканские хирурги свое дело знают

Международный аэропорт Лос-Анджелеса -> Доминиканская Республика, Международный аэропорт Грегорио Луперон

Отправление: 26 декабря, 2007

В 2007 году мне понадобилась неотложная операция в островном государстве, и у меня случился секс с финном. Да, именно в таком порядке.

Новогодняя поездка Ферриса в 2007 году планировалась в Доминиканскую Республику, и она попала прямо в середину 100-дневной забастовки Гильдии сценаристов Америки. Забастовка была совершенно необходима; нам не платили, если наша работа попадала в Интернет, но никто и не собирался смотреть ТВ или фильмы где-то еще. Однако, когда твоя карьера имеет такой же жизненный цикл, как карьера профессионального атлета, ты хочешь убедиться, что тебе нормально заплатят. Ведь эти деньги понадобятся, когда ты уже будешь слишком стар, чтобы сочинять шутки про член. Поэтому мы бастовали против компаний, которые отказывались нам платить из-за Интернета, говоря их партнерам (устно и письменно), что прибыль как раз таки от Интернета и идет.

Если бы не причина, их вызвавшая, сами пикеты были прекрасны. Другие профсоюзы пикетировали с нами, поддерживая нас, – таксисты, медсестры, работники аэропортов. Ну, знаете... люди с *настоящими* профессиями. Работники, из-за которых все может, скажем, встать. И которые делают больше, чем сценаристы. Поэтому в те дни мы маршировали плечом к плечу с Народом, выступая против Владельца, а потом отправлялись на Палм-Бич, чтобы перекусить крабами-стейками и запить все martini. А иногда мы отправлялись бесплатно перекусить в Drew Carey, где держали столик для бастующих писателей. После пикетов мы в основном болтали о том, что теперь, маршируя туда-сюда, мы двигаемся гораздо больше, чем когда сидим в своей сценарной.

Грубо. Мы знаем. Но вот что случилось со мной.

В тот год я получала сдельную оплату. То есть в моем случае это значит, что ты работаешь на студию, придумывая и записывая сценарии, которые потом она продает телевизионным сетям. Мне же удалось продать студии идею сериала «Чирс» на новый лад:

болтовня экспатов в баре в Буэнос-Айресе (я надеялась, что удастся поснимать там). Однако все кинокомпании отказались снимать шоу в другой стране. Американцы, говорили они, никогда не заинтересуются сумасшедшими, которые решились на столь безумный поступок – уехать из Америки.

В рамках того же контракта я работала над ситкомом производства братьев Фаррелли, парней, ответственных за фильмы вроде *«Все без ума от Мэри»*. Так как это было шоу братьев Фаррелли, то в пилотной серии главного героя насилуется, простите, в задницу его домашняя обезьянка. Таким образом, мы сидели в сценарной, где мой талантливый серьезный босс качал головой и говорил вещи вроде: «Не знаю, ребята, не думаю, что нам уже удалось прописать этот эпизод с насилием в задницу достаточно круто». И мы снова брались за дело и старались изо всех сил. Данный ситком прожил всего шесть серий, а мое шоу про экспатов не продалось вообще, поэтому я не совсем «работала», а когда разразилась забастовка, то перестала работать совсем.

В общем, вы можете понять, почему медсестры и водители грузовиков должны по идее ненавидеть нас.

Что же до моей личной жизни, то я провела год, ходя на *очень* много первых свиданий. Несколько месяцев я встречалась с чрезмерно эмоциональным французским писателем. Он вошел в первую тройку лучших в постели мужчин, что были у меня в жизни, но собственные творения он называл «прекрасными». Писатель мог позвонить посреди ночи весь измученный, желая поговорить:

«Сегодня я чувствую себя эмоциональным вампиром».

Я не совсем понимала, что он имеет в виду, но мы разговаривали об этом два или три часа. Но еще раз повторю, когда он не плакал, то был на высоте. Я называла его «Французское лето 2007», потому что мы познакомились 4 июля и я пообещала друзьям, что не продержу его дольше, чем до осеннего равноденствия. Пару недель осенью мы еще встречались (по уже упомянутой причине), а затем разошлись.

Что касается остальных мужчин, то они приходили и уходили очень быстро. Пару месяцев я посвятила очаровательному гитаристу, пока мы не поняли, что лучше все же остаться друзьями. Кроме того, был у меня и израильский ландшафтный дизайнер, с которым я поцеловалась прямо за ужином на нашем первом свидании, а также высокий и мускулистый инструктор по капоэйре, которого я называла «Черный Давид» – его темное тело в моем белом душе запомнится мне до конца моих дней.

Отношения не превращались в любовь, но каждый новый

опыт шел на пользу моей карьере. Тот сериал, начинавшийся эпизодом с мартышкой, повествовал о паре, только что пережившей развод, и их ужасных свиданиях с новыми людьми. А за год до этого я писала для *«Как я встретил вашу маму»*, еще одного сериала об упущенных романтических возможностях. И в обоих случаях у меня нашлось о чем рассказать. Новые истории, которых всего несколько лет назад совсем не было. Много историй. Может, даже уже и достаточно. Помните, как Робин отправилась в Аргентину и вернулась оттуда с горячим аргентинцем в *«Как я встретил вашу маму»*? Данная история говорит сама за себя.

Тем временем Саша только родила своего первого ребенка, превратившись из моей дикой малышки в маму, и зажила новой жизнью, а я продолжала коллекционировать истории со своим «супругом» – Хоуп. Я поняла, что моя жизнь меняется, когда я назвала себя «поклонницей моногамии» в разговоре со своим другом Дэном, входившим в тусовку Ферриса Бьюллера. Мы познакомились с ним, когда мне уже исполнилось 30, когда уже закончилось десятилетие, которое я почти полностью посвятила всего двум мужчинам.

«О чем ты говоришь? Ты не поклонница моногамии. Ты всегда одинока», – ответил, смеясь, Дэн.

Не уверена, что он сказал мне что-то новое. Времена, когда я находилась в постоянных отношениях, были уже позади. И множество моих новых друзей даже и не знали меня такой.

В 2007 году случилось еще одно событие: я вернулась к психотерапии и начала принимать антидепрессанты. В Лос-Анджелесе подобные сведения столь же малоинтересны, как если бы вы сказали, что начали есть три раза в день.

Но я знаю, что в других местах к этому могут относиться иначе, так что объясню. (А может, читая книгу, вы уже все поняли и никакое объяснение вам не нужно, вы просто подумали: «Ну наконец-то».)

Как бы то ни было, терапия и антидепрессанты появились после моей ноябрьской поездки, сразу после того, как закончилось мое шоу с обезьяной-насилъником, а моя пилотная серия не продалась. На День благодарения я встретилась с Хоуп в Испании, поскольку работала она в Мадриде. Через несколько дней после моего прилета мы вышли поужинать, два часа ждали столика в баре и, дождавшись, выпили бутылку вина, а затем отправились в клуб, где я танцевала с мужчиной, который сравнивал меня с тореадором. Невыспавшаяся и не привыкшая к

смене часовых поясов, я все равно хотела продолжать, но Хоуп устала, и мы, пьяные-препьяные, вернулись домой в четыре часа утра.

Она завалилась в постель, но я не хотела спать. Обычно у меня все отлично со сном, однако в поездки я всегда беру с собой снотворное, чтобы первые пару дней не возникало проблем из-за смены часовых поясов. Поэтому я приняла таблетку и уселась, пьяная, за компьютер в ожидании, пока она подействует.

И она действовала.

Утром я обнаружила, что ночью написала почти каждому мужчине, который когда-то, на протяжении моей жизни, тронул мое тело или душу. Я даже зашла на свою страничку на сайте знакомств, чтобы написать тем, кому светило сделать это в скором будущем. Поначалу сообщения выходили просто никакими, напечатанными мимо клавиш – казалось, что их набирал кот. Но в итоге, видимо, подействовало снотворное, и тогда письма стали действительно грустными.

Ниже я привожу лишь часть того, что я написала.

Мэтту, парню, с которым я порвала между поездками в Аргентину, я написала огромное количество грустных фраз о том, что «я скучаю», дополненных размышлениями о том, что, может быть, у нас и получилось бы, если бы не его огромный пенис.

Оскар, бармену из Аргентины: отвратительные гадости. Просто... да. Отвратительные.

Французскому лету 2007: очень сексуальные, набранные капсом предложения, которые под конец тоже стали немного злобными.

Азиатському парню на сайті знакомств:

[illegible]

Ужасающе. Что еще ужаснее, годы спустя я, конечно же, встретилась с этим парнем. Приятель приятеля. Очень привлекательный, очень крутой, помнит, как его взорвало мое письмо и что я за уродка.

И это не все! Нескольким мужикам, которые не перезвонили мне после первого, второго или третьего свидания, я набила очень злые послания, приправленные большой кучей ошибок.

И что было еще хуже, чем азиатский расизм, я написала Бену:

Я и развее не сдделала саммую большую ошибку в

своей жизни, порвав с тобой? Думаешь, мы могли бы быть сссемьей сейчас? Я люблю тебя, ты такой красивыйый

Утром я еле проснулась. Я побежала к компьютеру и взвыла, увидев, что натворила раскрепостившаяся Кристин, и потом написала еще примерно десяток сообщений: *отменить, отменить, отменить! Снотворное! Мадрид! Прости!* Все были весьма великодушны, азиатский парень даже пригласил меня сходить куда-нибудь. Но ответ Бена оказался так себе:

Не волнуйся. Но нам, наверное, стоит поговорить об этом, когда ты вернешься.

Годы спустя я слышала несколько историй о том, как другие люди, которые не смогли уснуть, приняв то же лекарство, писали похожие письма. И они, вспоминая те сообщения, описывали их двумя словами: злые и сексуальные. Наверное, такое поведение связано с этим конкретным препаратом. Но тогда я ни о чем подобном не догадывалась и чувствовала себя просто ужасно. Кроме того, всю испанскую поездку я не могла расслабиться. Откуда во мне вся эта злоба? И любовь к Бену? Я отказывала ему годами, но именно что-то проснулось во мне под наркотиками и алкоголем. И как поступить, если это были мои настоящие чувства, но я не хотела принимать их в расчет трезвая и при свете дня?

В результате, когда я, в несколько взвинченном состоянии, вернулась домой, то пошла к психологу и начала принимать антидепрессанты. Мы много говорили о моем страхе перед серьезными отношениями с мужчиной и почему я не хочу ни в ком нуждаться. Мы обсуждали мои отношения с отцом, с которым мы были более близки, чем с вечно работающей матерью, и который исчез из моей жизни на четыре года, когда мне исполнилось 19 лет.

В общем, долго рассказывать, но главное заключается вот в чем: когда мне было 17 лет, мой отец женился повторно, предупредив меня об этом за три дня до события. Их брак стал неожиданностью, ведь за те два года, что они встречались, мачеха говорила отцу, что хочет выйти замуж только за доктора. Я не пошла на свадьбу по многим причинам, но в основном потому что считала: отец женится на этой меркантильной женщине из страха остаться одному.

Развод родителей поначалу был дружелюбным, но когда на горизонте появилась мачеха, она запретила отцу даже просто видеться с моей мамой и ограничивала время телефонных

разговоров со мной. Свой выпускной в школе я провела, выискивая глазами в толпе отца, который, конечно, не пришел. Когда я решила поступить в университет, моя мачеха дала мне понять, что я просто избалованная и эгоистичная девчонка. Она прочитала мне лекцию о том, что ей знакомо множество людей с собственными домами и яхтами, которые не учились даже в колледже, не то что в частном университете далеко от семьи. У родителей имелись накопления на мое образование, и их должно было хватить на первые два года. Однако окончание первого года моей учебы, когда пришло время вносить деньги, совпало с рождением моей первой сводной сестры, и мачехе не понравилась идея платить за меня. В один прекрасный день я обнаружила, что у моего отца изменился номер, а нового я не знаю. На следующий день моей маме пришли бумаги: отец подавал в суд с целью отказаться выплачивать свою половину суммы за мое обучение. Суд состоялся, я прилетела, чтобы поддержать мать, она выиграла – и мы с отцом не разговаривали четыре года. Его родители от меня отказались: Библия ведь говорит уважать отца и мать, а я, видимо, поступила не как Иисус в случае, если бы Иосиф подал в суд на Марию.

Пережив этот первый тяжелейший опыт предательства, я погрузилась в свои первые отношения с Вито, заполняя таким образом пустоту, образовавшуюся после разрыва с отцом. Годы, что мы с ним не разговаривали, я писала ему длинные многостраничные обвинения, что он не боролся за меня, что не пытался меня поддержать. Он отвечал короткими открытками вроде «Я люблю тебя», которые сами по себе лишали смысла его слова. Пять лет спустя я потеряла Вито, который тоже, как и отец, сказал мне что-то типа «конечно, я люблю тебя, но иногда случается плохое», после чего моя вера в истинную любовь разрушилась.

Психолог считала, что пока я не отпустила ни одну из этих ситуаций.

В конце концов, прямо перед Рождеством, я выпила кофе с Беном, который хотел поговорить о том, что между нами, очевидно, еще есть чувства. Я начала рыдать сразу же, как увидела его, и сказала, что то письмо из Мадрида было написано из-за снотворного и, вероятно, под влиянием депрессии и страха. Я работала над своими проблемами, но обратно сходитьсь не хотела. И я сказала ему, что написала много писем в тот вечер.

Это было не круто. И это мне еще вернулось.

Вне всякой связи с моим решением относительно Бена я восстановила контакт со снова одиноким Отцом Хуаном. Он жил

на другом континенте, что, с учетом описанных выше проблем, для меня было просто прекрасно. Мы обменялись несколькими сообщениями, вспоминая прекрасное время в Буэнос-Айресе, и Хуан пригласил меня в поездку по Перу, в которую он отправлялся один – сразу после Нового года. Он предложил нам вместе забраться на Мачу-Пикчу. Но его было сложно понять, и я боялась, что он приглашает меня как друга, что погрузило бы меня в пучину сильной депрессии. А может, мы наконец-то сблизимся и полюбим друг друга? М-да, мне было о чем подумать. Я пыталась решить, ехать с ним или нет, когда отправилась на вечеринку Ферриса в Доминиканскую Республику. Прошло уже два месяца забастовки, и человек тридцать (многие из них – бастующие сценаристы) сняли три домика прямо на пляже между пляжем серферов и борделем. Нашим небольшим отелем заправляла милая семья, и 16-летняя дочь хозяина с интересом поглядывала на соседский бизнес. Также она заглядывалась на моих 30—40-летних друзей. Видимо, многие девочки в городе встречались с более взрослыми «парнями», которые привозили сюда содержимое своих кошельков.

Мы просто остановились не в том месте. Свою ошибку мы осознали однажды днем, когда девчонка из нашей компании загрузила нас в автобус и отвезла на другую сторону острова, навестить «собственность» ее сестры, а вернее сказать, захваченный ее сестрой кусок земли.

Сестра той девчонки со своим мужем только что привлекли американских инвесторов для покупки 2200 акров доминиканской земли – вместе с пляжем, пятизвездочным гольф-клубом, сотнями акров девственных джунглей, километрами пляжа, которые входили в список лучших пляжей мира. Они купили эту территорию у правительства Доминиканской Республики, потому что ее президент решил, что продавать экологические жемчужины страны – стоящая сделка. У инвесторов был план превратить белоснежные пляжи в «новую афинскую деревню». В *New Yorker* описывали данный проект, как место, «где четырехзвездочные рестораны и художественные галереи будут органично делить уличное пространство с простыми местными рыбными закусочными и бассейнами». Моби и Чарли Роуз тоже входили в число инвесторов. Здесь планировалось создать «колонию художников».

Надо ли говорить, что владения были впечатляющими? И хотя мы чувствовали себя словно, чего уж там, колонизаторы, которые украли земли у коренного населения, мы прекрасно проводили время, играя в гольф и ужиная на льняных скатертях прямо на песке. Потом мы вернулись на свою часть острова с

дешевыми отелями, где пляжи были покрыты мусором и населены рыбаками и моряками, навещающими там бордели.

Я провела несколько дней, рассуждая, что делать дальше: отправиться с друзьями на Кубу или запрыгнуть в самолет и полететь в Перу, к Отцу Хуану. Оказалось, что ни то ни другое. Утром 31 декабря мы поехали с компанией на машине к водопадам. За рулем сидел мой приятель Уилл. Он остановился, я вышла из машины, он этого не заметил и решил переставить автомобиль, поскольку он всегда ставит его только со второго раза, ведь Уилл человек беспокойный и все такое. Как бы то ни было, он переставил машину на мою ногу.

К счастью, Уилл остановился до того, как автомобиль наехал дальше, чем на стопу: если бы он раздробил мне лодыжку, я, как мне потом объяснили врачи, скорее всего истекла бы кровью до смерти. Мне повезло, что я избежала такого исхода, но когда мы ехали обратно, вся моя ступня была размазана. «Хирургически обнажена», как потом охарактеризовали доктора мою ногу. На практике это значило, что я видела кости и мясо на своей ноге. Я ее хирургически обнажила.

Как только колесо съехало с моей ноги, я взглянула вниз. Позже люди говорили, что казалось, будто ногу мне откусила акула. В тот же момент я просто легла в машину и зарыдала.

Один из друзей обнял меня и высунул мою кровоточащую конечность в окно машины.

«Все хорошо, все совсем не так плохо», – уверял он меня.

Две маленькие доминиканки, проходившие мимо, начали кричать.

Час езды и две захолустные больницы спустя я наконец добралась до помощи. К счастью, мой «муж», Хоуп, была рядом, как и обычно. Она два года прожила в Южной Америке и, следовательно, хорошо говорила по-испански. Поэтому она смогла объяснить, что произошло, пока я стонала и кричала нечто вроде «Нет, пожалуйста, господи, скажи им прекратить!» – когда сестра пыталась снова и снова поставить мне капельницу.

В конце концов капельницу поставили, я лежала перед операцией в доминиканской больнице, слушая шум волн и звуки бейсбольной игры под окном. Я спросила Хоуп, что случится, если мне понадобится переливание крови здесь, в больнице, расположенной на одном острове с *Гаити*. Звучало так себе.

– А какая у тебя группа крови? Может, я смогу тебе отлить, – предложила Хоуп.

– Хм. – Я задумалась. – Не знаю.

– Скрываешь, потому что хочешь получить кровь не от меня, а от одного из жителей страны с самыми высокими показателями ВИЧ? – нахмурилась она. Я прыснула. Она начала смеяться. Мы стали обсуждать, кто из тридцати наших друзей на острове мог бы поделиться кровью.

– Подруга Уилла достаточно молоденькая, – сказала я. – Может, она.

К счастью, переливание крови мне не понадобилось, я лишь получила 40 швов и предупреждение от врача, что содралось очень много кожи, поэтому, возможно, дома мне придется сделать ее пересадку. Волшебным образом мой слабый испанский превратился под анестезией в беглый испанский, поэтому, очнувшись, я поняла, что развлекала работников больницы абсолютно пошлыми шуточками. Уилл заснял мою болтовню на камеру. Кроме того, он сделал просто миллион фотографий моей истекающей кровью ноги.

Доктора хотели оставить меня на ночь, но это была новогодняя ночь, и мысль о возможности остаться в больнице одной или с грустной подругой, которая из-за меня пропустит вечеринку, представлялась мне слишком ужасной. Поэтому моя вечная спасительница Хоуп стала говорить, что мне патологически нужно веселиться и, напичкав болеутоляющими, вывела меня на свободу.

Она натянула на меня золотую футболку, а во время праздника мои прекрасные друзья носили меня на руках. В результате я чувствовала себя обожравшейся таблеток принцессой. Линдси Лохан, возможно, проводит так каждый вечер, но для меня это было что-то особенное.

Для праздника мы сняли столик в ресторанчике на открытом воздухе, где познакомились с двумя финскими парнями: ведущим финской версии «Голоса» и его другом Леви, профессиональным игроком в онлайн-покер, который параллельно путешествовал по миру.

Друзья нарядили мой стул, водрузили мне бутылку шампанского на вторую ногу и танцевали вокруг на столах, бросая блески на мою убаюканную болеутоляющими голову. Затем последовал ежегодный стриптиз до золотых бикини от Томаса. Милые ребята относили меня в туалет, а прекрасные девчонки поддерживали меня и поили шампанским, пока 16-летняя краля из нашего отеля устраивала грязные танцы с одним из моих 35-летних друзей. Феррис танцевал со своей девушкой-парижанкой, с которой он время от времени пересекался, а мое желание полночных поцелуев по-прежнему оставалось

неисполненным. В итоге я устала и примерно в час ночи пошла спать.

Следующая пара дней прошла в горячке и адской боли – рядом с океаном, в который я не могла забраться. В конце концов я позвонила доктору, и выяснилось, что прописанные мне «обезболивающие» были совсем легкими. Хоуп провела целый день, пытаясь разыскать мне что-нибудь получше, а я сумела подползти к краю бассейна и погрузить в его прохладную воду голову и руки.

Я читала *«Ешь, молись, люби»* и ненавидела автора за то, что она так сосредоточена на своих несчастьях, хотя у нее довольно приятная жизнь. С другой стороны, я глубоко сочувствовала ей, потому что и сама имела склонность сосредоточиваться на своих несчастьях, хотя у меня тоже довольно приятная жизнь.

В нашу последнюю ночь в Доминикане мы жгли костер на пляже, где были и наши финские друзья. Я уже довольно неплохо обращалась с костылями, и игрок в покер обратил на меня внимание. Ну, как тигр обратил бы внимание на хромающую козу. Как бы то ни было, коза тоже обратила внимание на тигра. О боже, быть хромающим травоядным ужасно изматывает. Может, даже быть сожранным лучше. Поскольку действие анестезии уже прошло, я могла сфокусироваться на главном – то есть на Леви, высоком, светловолосом и голубоглазом викинге. Он весь состоял из таких ярких пастельных цветов, как в детской, но это было очень сексуально. Казалось, что от него должно пахнуть северным океаном.

Мой будущий финский любовник сел рядом, и мы стали болтать о жизни. Он, видимо, неплохо зарабатывал на покере, раз мог просто жить в разных местах мира, нигде не работая. Несколько месяцев Леви жил на Карибах и размышлял, куда отправиться дальше. Я, как обычно, пела дифирамбы Аргентине, а потом он отнес меня на песок, поближе к костру, сделал мне напиток и притащил гигантское бревно, чтобы я могла на него опереться. Так мы и сидели часов десять.

Наша вечеринка у костра превратилась в настоящее шоу талантов под звездами. Вокруг присутствовало много одаренных людей, поэтому праздник получился просто сказочным. Люди пели, шутили, танцевали, а мы с Леви прижимались все ближе. Когда дошло до выступления Леви, он спел народную финскую песню о волшебнице в северных лесах. Его голос звучал очень красиво, и если в начале я еще колебалась, то, когда он начал

петь, я приняла окончательное решение.

Наша вечеринка закончилась, когда 14- и 16-летние дочери хозяина нашего отеля пришли к костру. Поначалу они казались прекрасными. Но потом и им захотелось показать свой талант. Великолепно! Они вызвали парня, игравшего на гитаре, и стали танцевать танцы, которые обычно танцуют с шестом. Тогда все решили, что вечеринку стоит заканчивать.

Но мы с Леви остались у костра еще на несколько часов и смотрели на звезды. В конце концов он отнес меня в отель и там показал себя достойным наследником викингов. Больше всего Леви напоминал викинга под конец, когда его (размера Тора) орудие взорвалось с такой скоростью и силой, что его следы остались везде – на кровати, на занавесках, на стенах и, в конце концов, на розовокожем лице самого викинга. Если вы когда-нибудь видели передачи, где ведущие заходят в комнату с фонариком, который подсвечивает биологические жидкости на разных поверхностях, и задавались вопросом – как эти жидкости там оказались, я могу вам ответить: в тех комнатах побывал викинг.

Домой я полетела в инвалидном кресле, а мои друзья продолжали заботиться обо мне. Уилл, как джентльмен, отдал мне свой билет в первый класс. Мне не понадобилась пересадка кожи, но нога зажиwała еще два месяца. Трудно почувствовать себя еще более одинокой, чем когда ты живешь одна, ходишь на костылях и не можешь налить себе даже стакан воды. Первую неделю дома я провела с мамой.

«Я так рада, что ты здесь! – верещала она. – В твоём возрасте единственный способ заставить тебя пожить в моем доме – это покалечить. Или, может, когда-нибудь ты выйдешь замуж и у тебя будут проблемы с мужем», – добавила она оптимистично. Я согласилась. Я не могла поверить, что может быть так хорошо, когда о тебе заботится человек, перед которым ты не испытываешь чувство вины... Я засыпала у нее на коленках на диване, как во времена, когда я была маленькой. Впервые за десять лет мать положила голову мне на грудь и сказала, что хочет умереть до того, как у меня появятся дети, чтобы вернуться ко мне в качестве ребенка. Мне это не показалось ненормальным, хотя, наверное, должно было. Когда я в конце концов от нее уехала и вернулась в дом, который считала идеальным, я расслакалась.

Тем временем забастовка продолжалась, и мой контракт был приостановлен – потому что я не выполнила условий договора, не явившись на работу. И это означало, что выплат за год мне не

видать. Леви написал мне несколько недель спустя, что он устал от пляжа и его очень вдохновили мои истории об Аргентине. В тот же месяц он переехал в Буэнос-Айрес, где купил на свои покерные деньги три квартиры и живет там по сей день.

А Отец Хуан отлично провел время на Мачу-Пикчу... без меня. Но зато мы снова общались...

Глава 8

Фродо – самый горячий парень в Новой Зеландии

Международный аэропорт Лос-Анджелеса -> Аэропорт Окленд

Отправление: 12 ноября, 2008

В Новой Зеландии недостаток мужчин. Именно об этом я прежде всего узнала из путеводителя Lonely Planet, когда впервые его открыла. На тот момент я уже сидела в самолете, уносящем меня в мое одиночное путешествие по Новой Зеландии.

Я снова бежала из дома. Можно даже сказать, в этот раз неслась сломя голову. Однако теперь дело было не в отношениях и не в необходимости личностного роста. В этот раз я уезжала из-за Голливуда.

Ранее в тот год, пытаясь вылечить ногу, я написала ситком о своей семье. Писать – необычный опыт для меня, хоть я и сценарист. Это может показаться странным, но я годами работала на разных шоу, и у меня никогда не хватало времени, чтобы создать что-то свое, не на заказ. В то время как другие писатели проводили ночи и выходные, сидя над своими романами или сценариями, я тратила свои свободные часы на развлечения. (Или на сон. Мне нужно очень много спать. Это моя самая нелюбимая черта в себе.) И каждую весну, когда другие зарывались в свои проекты, я садилась в самолет.

Моему поведению есть два объяснения, и зависят они от того, в каком психологическом состоянии я нахожусь. Если я шла по пути эмоционального выздоровления, то, мне кажется, что путешествуя, я следовала совету отца – найди равновесие. Все время работать или все время отдыхать – неправильный способ прожить жизнь.

Кроме того, мне требуется выбираться в мир, чтобы собирать материал для своих сценариев. Если же я начинала погружаться в еще более глубокую депрессию, то перерывы в моей работе я использовала как доказательство того, что я не «настоящий писатель»: ведь «настоящие писатели» – это люди, которые встают с утра и тут же хватают ручку и бумагу, так как последние для них все равно что вода и хлеб.

(Я больше не определяю так «настоящих писателей»

в основном из-за своей навязчивой привычки собирать истории о великих писателях, которые ненавидели писать. Если вы – писатель, очень рекомендую это успокаивающее времяпрепровождение.)

В любом случае поврежденная нога ограничивала мои возможности во время забастовки сценаристов: я не могла работать. И не могла участвовать в пикетах. И даже сесть в самолет я была не в состоянии. И поэтому за два месяца, что понадобились моей пятке, чтобы излечиться, я кое-что написала.

Мой сценарий получился наполовину автобиографичным. В нем присутствовала одинокая 30-летняя девушка. Знакомо. Но *эта* девушка столь сильно заиклилась на заботе о жизни своих родителей, что совершенно не занималась своей. Незнакомо. За годы внедрения полуавтобиографичных деталей в сценарии я заметила одну закономерность: руководители студии всегда каким-то образом уцепляются за подобные детали и говорят нечто вроде: «Когда героиня это делает, она уже не так мне нравится». Вот почему так много писателей ходят к психологам. Хотя ты говоришь себе, что почти все герои имеют какой-то изъян, а руководители студии просто хотят видеть в сериале только радостных ванильных людей, которые по каким-то причинам всегда, *всегда* хороши в своей работе, это не помогает. В глубине души ты превращаешься в сумасшедшего невротика, жаждущего, чтобы его любили и ценили, а значит, твоя личность просто трещит по швам, когда людям не нравится герой, который явно списан с тебя. Однажды я работала над сериалом, где главный герой, безнадежный романтик, был списан с его создателя. Во время очень успешного первого сезона и аудитория, и студия говорили, что этот герой слишком «пушистый»: ни один нормальный мужик таким не бывает. Послушав критику, создатель сериала решил сделать ТВ-версию себя более брутальной. Однако, что еще интереснее, он стал работать над своим собственным поведением, все чаще притворяясь с целью казаться «крутым парнем». За ним было удивительно наблюдать: искусство в данном случае имитировало жизнь, которая менялась под градом критики искусства.

Поэтому «себя» я подчистила в своем сценарии.

Родителей я тоже немного подкорректировала, но в другую сторону. Поскольку в центре сюжета у нас самоотверженная героиня, то нужно увидеть, с какой армией безумия она сталкивается каждый день! Поэтому моя классная, замужняя, с правильной речью мама превратилась в без умолку болтающую ужасную корпоративную акулу, одинокую, но живущую более насыщенной сексуальной жизнью, чем дочь. Мой телевизионный

отец чуть больше походил на свой реальный прототип – приятный, простой, попивающий вино из пакетов диванный боец, который в зрелом возрасте получил вторую возможность вырастить детей, но воспитывал он их из рук вон плохо. В реальной жизни отец все еще состоял в браке с моей мачехой, и я видела троих моих сводных сестер (которым на тот момент было 7, 13 и 15 лет) каждые два-три месяца.

Создавая героев сериала, нужно понять о них две вещи: какие несовершенства делают их смешными и какие их таланты порождают к ним симпатию, чтобы люди захотели проводить с этими персонажами по полчаса в неделю. Вспомните о расисте Арчи Банкере^[19], которого вы, несмотря ни на что, любите как собственного отца. В принципе выявить недостатки своих родителей несложно. И меня очень порадовало, что так же легко для меня было найти их лучшие стороны. Писать сценарий обо всех нас, пусть даже и слегка измененных, оказалось самой полезной вещью, которую я когда-либо делала. Годы психотерапии помогли мне лучше понять свою семью, но не сократили число способов, которыми родители сводили меня с ума. А вот написание сценариев помогло мне справиться с данной проблемой. После того судебного процесса и четырех лет молчания я, конечно, снова начала общаться с семьей моего отца, но не могла перестать винить их в первом и самом большом, жестоком разочаровании в моей жизни. Создание сценария помогло мне отпустить эту ситуацию.

(Сценарий также наладил мои отношения с матерью, она выдвинула лишь одно требование: чтобы актриса, играющая ее, была худышкой. И пока мы обсуждали кандидатуру Керсти Элли на эту роль, мама рыдала и просыпалась ночью от кошмаров.)

В результате пилотная серия прошла с большим успехом, что было, конечно, очень здорово. Из-за забастовки телевизионные сети отказались от почти сотни пилотных серий, утвержденных до начала пикетов. Так что в тот год почти ничего не сняли. И вот, в этот невозможный год, когда рынок ситкомов практически умер, огромная богатая телевизионная сеть по окончании забастовки решила снять мой сериал. С точки зрения статистики, мой случай был равноценен чуду. Я решила, что именно поэтому судьба травмировала мою ногу в стране третьего мира! Мне требовалось спокойно засесть *в пустоте* и написать свой сценарий, который поможет мне наладить отношения с моей сумасшедшей семейкой, поверить в свои творческие возможности, снискать славу и заработать состояние.

Мы сняли пилотную серию, и в конце я показала членов своей семьи рядом с актерами, которые их играют. Папа пришел

на съемку точно в той одежде, что я прописала в сцене для актера (гавайская рубашка, шорты, кроссовки). Съемки проходили не очень гладко, но результат получился очень впечатляющим.

Президент сети был недоволен несколькими частями серии, но все его директора делали большую ставку на мой сериал, и я чудесным образом и несмотря на все препятствия получила заказ на следующие 12 эпизодов. Но еще раз президент остался недоволен пилотной серией и хотел, чтобы мы кое-что пересняли. Нет проблем, подумала я! Мы сделаем это! Я наняла еще сценаристов, написала 10 новых сценариев, мы собрали три сцены со всеми декорациями, казалось, что новые эпизоды пишутся сами. Сериал выглядел живым и очень естественным – в нем была магия. И тогда мне позвонили из компании и сказали, что президент все еще недоволен и ни 12-й, ни 13-й вариант первой серии, которая всем нравилась, его не устраивают.

Когда меня спрашивают, каково иметь собственное ТВ-шоу, я отвечаю так: это все равно как целый день ходить туда-сюда по двум комнатам. В одной комнате ты только что выиграл в лотерею. Там все тебя любят и превозносят. Тебе выдают огромный чек на фоне огромного плаката «Ты смогла!», а рядом играет музыкальная группа, и с неба сыплется конфетти. Но затем ты заходишь в другую, темную, комнату, где сидят угрюмые злые люди, как из фильмов Кубрика, и орут: «У ТВОЕГО РЕБЕНКА РАК, И ЭТО ВСЕ ТВОЯ ВИНА!!!» А девчонка, которая завидовала тебе в старшей школе (она тоже здесь), кричит: «ПОТОМУ ЧТО ТЫ БЕСТАЛАННАЯ ШЛЮХА, У КОТОРОЙ ЛЯЖКИ НЕ СХОДЯТСЯ!!!» Затем ты возвращаешься в первую комнату... на несколько минут.

Повторить. Шесть месяцев.

За 2012–2013 телевизионный сезон по крайней мере два исполнительных продюсера покинули свои шоу в середине процесса из-за нервного срыва, а третий покончил самоубийством. По сравнению с ними у меня дела шли совсем неплохо.

В итоге за несколько дней до начала съемок второго эпизода, когда Огайо проголосовали за Обаму и на его прекрасную семью падало конфетти на сцене в Чикаго, мой проект закрыли, даже не дав нам попробовать. Казалось, что этого просто не может быть. Сотни людей потеряли работу, и все в городе хотели поговорить со мной о моем провале. И хотя шоу закрываются в 99,9 % случаев и ты работаешь в данном бизнесе, понимая это, в моем случае крах произошел в очень необычный момент. Как правило, телесеть не позволяет тебе снять даже пилотную серию, либо они снимают пилот и не пускают дальше, или же они верят в сериал, снимают несколько эпизодов, но рейтинги такие плохие, что

дальше сериал не идет. Но отменить все, когда проект уже взяли, не дать ему ни шанса, чтобы доказать жизнеспособность... это запрещенный прием. Мне казалось, как будто лично меня пырнули ножом.

Так что в день, когда мой проект закрыли, как некоторые обращаются к церкви или к бутылке, я обратилась к сайту с дешевыми билетами на самолет.

Три дня спустя я уже сидела с путеводителем Lonely Planet и стаканчиком вина в самолете, летящем подальше из Голливуда, к представителям сильного пола, которые не меньше моего любят путешествовать. Собственно, поэтому в Новой Зеландии и наблюдается нехватка мужчин: очень многие из них отправляются в столь длительные поездки, что находят себе женщин в других странах, женятся на них и не возвращаются назад. Звучит классно, если бы только я не летела в страну, где с мужским полом был напряг.

Мы приземлились, и я прямиком отправилась в дом к своему школьному другу, который жил со своей новозеландской женой в 45 минутах езды от Окленда, в краю овец. Я не видела Джоша много лет, и мы потеряли связь. Но когда я в отчаянии размышляла о том, куда бы отправиться, я вспомнила, что Джош теперь обитает в Новой Зеландии, что выглядело как идеальное сочетание далекого и экзотичного с безопасным и простым. Поэтому я отправила Джошу сообщение с вопросом, могу ли я зависнуть у него дома на несколько дней, чтобы зализать раны, и он немедленно ответил согласием.

Его жену Оливию я видела до этого всего раз, на их свадьбе за семь лет до этого. Они поженились в Сан-Франциско, в брошенном неподалеку от парка троллейбуса, спустя не так уж много времени после знакомства на рейве. Через несколько месяцев после встречи они залезли на дерево, и, добравшись до вершины, Оливия сделала Джошу предложение.

«Мне просто показалось, что это по-людски», – сказала она.

Еще через несколько месяцев их поженил общий приятель, получивший разрешение в Интернете. Джош был в чуть великоватом смокинге, Оливия нарядилась в старинное кружевное свадебное платье с высоким воротом, но чья-то собака, порезавшая лапу, прыгнула на нее, и спереди на платье невесты отпечатался след собачьей крови. На ногах у невесты красовались грубые походные сандалии.

Теперь же, спрятавшись в глубинке, в маленьком домике среди овец, Оливия и Джош выглядели милыми улыбчивыми

людьми. Их не менее счастливая собака прыгала среди цветущего луга, когда я приехала. У меня сразу же поднялось настроение. В первый день мы отправились бродить по округе и обсуждали, чем бы таким веселым мне заняться в стране. Оливия предложила отдохнуть в тишине на пляже с черным песком, где снимался фильм «Пианино». Ее подруга недавно провела там 10 дней, не читая, не занимаясь спортом и ничего не записывая...

– А что ты делаешь все 10 дней? – спросила я Оливию.

– Просто сижу в *тишине*.

Вы, возможно, помните о моих проблемах с тишиной. Озвученная идея была подобна удару гонга. *Тишина*. Может, она мне как раз и нужна? Аргументом «за» выступал тот факт, что по крайней мере 25 % произошедшего с моим проектом случилось по вине моего рта. Что я говорила и кому, разные степени политических игр, которые я выиграла и проиграла, – все это было частью падения шоу. Я вела себя слишком открыто по отношению к людям, не заслуживающим доверия, и это стало моей ошибкой. И, надо сказать, мой болтливый рот отнюдь не впервые устраивал мне проблемы в жизни – как личной, так и профессиональной.

Из-за того что я все время болтаю, у меня даже возникли проблемы со здоровьем. Я несколько лет подряд теряла голос. В хорошие дни люди говорили, что у меня приятный сексуальный тембр, как у Деми Мур, но после бессонной ночи он превращался в нечто страшное. Я игнорировала данную проблему годами, пока она не стала беспокоить слишком часто и мне пришлось идти к врачу. Доктор сказал мне, что причиной всему стали узелки на связках, проблемы с пищеварением и аллергия, про которую сложно подумать, что она способна повредить голосовые связки.

Однако, по мнению врача, главной причиной моей хрипоты являлась моя личность. Его главный совет заключался в следующем: *меньше болтайте*. Такое обещание я давала себе каждый Новый год около 30 лет. И он посоветовал мне еще кое-что в ходе разговора о том, что сплю я со своим котом, только усугубляя, таким образом, свои проблемы:

– Попробуйте заполучить в кровать кого-нибудь на двух ногах вместо четырех.

– Я ПЫТАЮСЬ! – запротестовала я.

В дополнение к тому, чтобы найти любовь, избавиться от домашнего животного и изменить личность, мне следовало перестать есть и пить практически все, что делает жизнь приятной. Поэтому... я продолжала хрипеть. И гуляла по холмам Новой Зеландии, размышляя, не дает ли мне жизнь с помощью разнообразных знаков понять, что пора мне ненадолго заткнуться.

На что будут похожи 10 дней безмолвия? Практически сразу же в мою фантазию о тихом медитативном отдыхе вклинился симпатичный молчаливый незнакомец, проходящий мимо моей юрты. Мы бы провели 10 дней, общаясь только глазами и влюбляясь все сильнее и сильнее, не говоря при этом ни слова. Но и без слов я уже знала, что он обожает детей и танцевать. А он бы про меня понял, что я не сова и не жаворонок и что самой милой я бываю в промежуток между 10 утра и 7 вечера. В конце этих 10 дней, когда прозвенит колокольчик, оповещающий о конце нашего обета молчания, незнакомец подошел бы ко мне и сказал:

– Привет.

– Привет, – ответила бы я и взяла его руку в свою.

После чего мы бы влюбились окончательно.

Я настолько впечатлилась таким окончанием, что сразу же начала писать пьесу с этим «Привет» в качестве последней строчки. (Я писала ее в своей голове. Не стоит думать, что я схватила ручку и все записала на бумаге.) Это финальное «Привет» оставило бы зрителей додумывать – будут ли герои вместе и окажутся ли они на самом деле такими, какими показались друг другу в молчании? *А что, если эта история будет хитом? Я могла бы выйти замуж за своего медитативного парня, и стала бы писать пьесы, и переехала в Нью-Йорк, навсегда покинув Голливуд!!!! И кстати говоря, пошел в задницу этот президент ТВ-сети, который даже не дал мне шанса доказать ему, что он ошибается!!! Я должна была позвонить ему и сказать это сразу же.*

Поэтому от молчаливой медитации я отказалась. Лучше я отправлюсь в путешествие и найду любовь, – решила я. Что реально являлось для меня единственным способом успокоиться.

Тихая сельская жизнь с Джошем и Оливией не вела ни к приключениям, ни к любви, но у меня имелась еще одна зацепка в Новой Зеландии. Приятельница, работающая в сфере экстремального спорта, дала мне контакт своего «горячего парня маори», который продавал серфы и сноубордическое оборудование. Он пригласил меня погостить у него в Маунт Мангани, крошечном пляжном городке на острове Северном. Джош предложил подвезти меня туда, и, приехав на место, мы узнали, что горячий маори уехал на выходные... со своей подружкой. Поэтому мы с Джошем сняли номера в отеле и вышли поужинать.

В итоге мы познакомились с веселой новозеландской компанией, они пригласили нас провести время с ними в пляжном домике. Вечеринка вышла просто отличной: на пляже жгли костер, играл диджей, и повсюду танцевали очень милые и

дружелюбные серферы. Ох, привет, международный любовный роман с сексуальным уклоном. Но у всех уже были пары. А еще они все обожали огороды. Огромные, сексуальные серферы прижимались друг другу и кричали сквозь электронную музыку:

«У меня уже горошек почти созрел! Парни заходили, и мы поставили новые заборчики и изгородь, виноград так и пошел! Все настолько хорошо идет, что мы с моим другом думаем расширить огород в этом году, если сможем растаскать компостную кучу», – вот что они, по сути, говорили, в реальности растягивая подобные сообщения минут на 20, пока внезапно рядом с ними не появлялись их девушки.

И затем другой огромный парень начинал рассказывать о своих помидорках. Целый час. Они *любят* свои сады.

Есть что-то такое в Новой Зеландии, что делает ее привлекательной для тех, кто хочет скрыться от чего-либо. Снова, снова и снова встреченные там путешественники рассказывали мне свои истории, из которых следовало, что практически никто не приезжал туда просто полюбоваться пейзажами. Все проходили через нечто тяжелое, убегали от чего-то, пытались что-то преодолеть или забыть. Выяснилось, что мой радостный приятель Джош переехал в Новую Зеландию после десяти лет изматывающей жизни в Сан-Франциско – он по 15 часов в день работал шеф-поваром. Мой друг просто не знал, как остановиться, кроме как переехать в зеленое тихое место на краю света. Это ему помогло.

Горячий маори и его миленькая блондинка-подружка предложили мне гостить у них столько, сколько я пожелаю. Что, кстати, характерно для всех жителей Новой Зеландии. Когда спустя несколько дней я уже готова была двигаться дальше, они оба взяли на работе отгул и отвезли меня в Роторуа, национальный парк с активным вулканом и с очень странными зловонными испарениями, поднимающимися из-под земли. С неприятными запахами Роторуа вернулись и мои эмоциональные неприятности. Это случилось, когда моя первая неделя каникул закончилась и мои новые друзья уехали. Так что я продолжила двигаться.

Друзья настаивали, что я должна добраться до Квинстауна, горного городка, расположенного на озере, на острове Южный, где проходят экстремальные приключения вроде банджиджампинга, каньонинга и многих других. Они написали своему «прекрасному» другу Алексу, жившему в городе, и пообещали, что он устроит мне отличную экскурсию.

Я думала, что Алекс окажется горячим, одиноким, заинтересованным во флирте экстремальным гидом-мужчиной, хотя все в этой поездке подсказывало мне, что ничего подобного не будет. Как вы, может, и догадались, потому что вы, конечно, мыслите яснее меня, Алексом звали красивую 30-летнюю женщину.

И вопреки моим ожиданиям, мы встретились не за кружкой пива, а в аэропорту: она стояла там, держа в руках листочек с моим именем, и затем отвезла меня в свой чудесный домик на цветущем холме, рядом с озером.

«Надеюсь, все в порядке, – сказала Алекс, показывая мне свою гостевую спальню, где на подушечке лежал букетик лаванды. – Оставайся сколько пожелаешь».

Именно так и происходит в Новой Зеландии. За шесть недель, что я провела в этой стране, изначально зная только одного местного жителя, раскошелиться мне пришлось всего за семь ночевок. Новозеландцы просто передавали меня из рук в руки, на попечение своим знакомым, которые непременно предлагали мне жить у них, если хочу, хоть несколько месяцев, а затем звонили своим соседям, чтобы те, в свою очередь, тоже приютили меня. Возможно, большая удаленность страны учит их радоваться каждому новому гостю и его историям, а может, я познакомилась с самой гостеприимной нацией на земле. Поскольку в моей компании мы даже не возим больше друг друга до аэропортов и не помогаем при переезде, я была очень благодарна.

Выяснилось, что Алекс знает всех экстремальных гидов в городе. В первый день мы с ней спустились к озеру и валялись на солнышке, глядя, как парапланеристы спускаются с горы над нами. Я сказала ей, что тоже с удовольствием бы полетала, раз уж я в городе.

«Без проблем! Это Кейси спускается, видишь? Я ему напишу», – сказала Алекс и взяла телефон. Несколько минут спустя улыбающийся и очень милый Кейси спустился с небес на песок прямо перед нами.

«Добро пожаловать в город, американский друг! Получил вашу эсэмэску, однако на сегодня я уже закончил, но жду тебя завтра с утра», – у Кейси был чудесный акцент. Закинув парашют в рюкзак, он пригласил нас пройтись с ним до бара, где пила пиво вся летняя тусовка, пристроив парашюты под барную стойку.

В этот вечер я растянула свое путешествие еще на три недели.

Но несмотря на долгое пребывание в стране, я не целовалась

ни с одним из этих мужчин. Я ездила с ними на мотоциклах в длинные поездки вокруг озер, гоняла по каньонам на их лодках, пила и ела в их самодельных домах. Я слушала истории о том, как двоим из них пришла идея о банджи-джампинге лет 20 назад и как один нелегальный прыжок с Эйфелевой башни сделал это явление известным на весь мир. Несколько раз я ходила с ними на поминки (довольно внушительный процент населения умирает в результате экстремальных приключений, и друзья всегда поминают их новыми экстремальными приключениями). Побывала я и на одном дне рождения очень милого 40-летнего (несвободного) мужчины, который отмечал его у подножия горы. Сотни человек танцевали под открытым небом, а он и несколько его друзей забрались со своими парашютами на горы и пролетели через ночное небо прямо над толпой. Их налобные фонарики волшебным образом освещали небо и танцпол, а мы почти полчаса смотрели, как ребята спускаются во тьме, пока они не приземлились прямо в середину толпы.

В Новой Зеландии мне встретилось не так уж много красивых мужчин, но несколько из них жили в Квинстауне. Однако у них у всех были девушки. Возможно, это тоже следствие удаленности страны – симпатяг разбирают сразу, причем жестко бьются за них.

В конце концов, когда на следующий день Кейси и другие новозеландские летуны сказали мне, что погода слишком ветреная для безопасного спуска, 20-летний швейцарский парапланерист по имени Швейцарец Дейв предложил мне полетать. И поскольку я гораздо больше боялась упустить классное приключение, чем разбиться о гору, то согласилась.

Мы с Дейвом проехали через долину, чтобы добраться до места, довольно безопасного даже в ветреные дни. Мы заехали на гору, где он пристегнул меня к своей груди и прыгнул со скалы, после чего мы полетели над зеленой-зеленой долиной. Я чувствовала себя Суперженщиной, пока Дейв не начал выкручивать немыслимые фигуры, заворачивая крыло в одну сторону так, что мы спускались по крутой спирали. Мне это очень понравилось... пока меня не начало укачивать.

– Кажется, мне нехорошо! – прокричала я сквозь ветер.

– Да, здесь круто! – прокричал в ответ Дейв. – Возможно, все же слишком ветрено. Не сможем сесть в нужное место!

– Кажется, мне нехорошо! – наконец призналась я, пока мы продолжали покачиваться.

В итоге, не дождавшись секунд 15 до приземления, я уже не смогла сдерживаться. По какой-то причине я решила, что, если кого-то рвет при падении с неба прямо на груди швейцарца, лучшее, что можно сделать, – это закрыть рот руками. Что,

конечно, прекрасно сработало, и вся рвота прилетела мне прямо в лицо, а также расплескалась вокруг головы и лица Дейва. Все это произошло примерно секунды за четыре до того, как мы сели.

«Чудесно!» – воскликнул мой спутник.

Я встретилась со Швейцарцем Дейвом пять лет спустя, в Интерлакене, в Швейцарии, где он жил. Он по-прежнему занимался параглайдингом, а мы с Эммой катались на сноубордах на склонах Маттерхорна. Я угостила его пивом, снова извинилась за то приключение при полете. Дейв попросил меня не волноваться – такое происходит постоянно.

– Сколько процентов людей, которых ты катаешь, тошнит на тебя? – спросила я его, сидя в ночном клубе в Швейцарии.

– Процентов 80, – ответил Дейв, усмехаясь. – По крайней мере один человек в день.

В конце концов я уехала из Квинстауна. Все эти незаинтересованные симпатичные парни вгоняли меня в депрессию. Я начала задумываться, что, может, моя романтическая удача сопутствует мне исключительно не в англоговорящих странах, где моя личность не столь ярко выражена. Тоска снова начала возвращаться, и я написала несколько писем своим коллегам по работе, задавая один и тот же вопрос: что я могла сделать по-другому, чтобы спасти свой сериал? Ответ всегда следовал один – *ничего*. Эта затея была провалом с самого начала. Но я снова и снова прокручивала в голове все свои разговоры с директорами и актерами, жалея, что где-то не повела себя умнее и слишком доверяла людям.

Одно я понимала ясно – к возвращению в Голливуд я пока не готова.

Мне нужно было ходить. Поэтому я присоединилась к пятидневному походу по Милфорд-трек, одному из лучших маршрутов Новой Зеландии. Мы шли по 8–10 часов в день, проходя по мокрым зеленым долинам, иногда под дождем, всегда в окружении десятков водопадов, срывающихся с черных гор по обеим сторонам тропы. Ночью мы спали в палатках, ели три раза в день, запивая еду вином, и ничего не несли. Я провела все эти дни, разрываясь между спокойствием и злостью.

Мои спутники, в основном тоже одинокие путешественники, мучились не меньше моего. В группе у нас присутствовали:

Австралийская девушка с рокерской стрижкой, которая в свои 26 лет переживала первый развод.

Двадцати с чем-то лет шведская студентка, чья мать похитила ее вместе с сестрами, чтобы сделать своими детьми. Затем она полоскала им мозги ложью об их канадском отце, который умер

прежде, чем моя новая подруга выяснила правду и смогла разыскать его следы.

Один 60-летний владелец букмекерского сайта из Австралии, который только что пережил смерть матери.

40-летняя американская пара и их одинокая подруга, усердно старавшаяся не быть третьей лишней.

30-летний мускулистый техасец, который только что пережил разорение успешного бизнеса по продаже игрушек для взрослых и пытался теперь понять, что делать дальше.

И еще с нами были двое веселых 50-летних новозеландских бизнесменов, которые очень давно дружили и отправлялись в подобные путешествия несколько раз в год, пока жены и выросшие дети ждали их дома. Однажды ночью, сидя в нашей уютной палатке, я увидела, как эти двое гладят друг друга по спине и ногам... и головам, и груди, и всему остальному. Из разговора с ними стало понятно, что такие поездки были для них отдыхом как от супружеской жизни, так – и от гетеросексуальности.

– А ваши жены в курсе? – спросила я.

– Вероятно, – ответил один. – Кто знает. Но мы об этом не разговариваем.

– А вы никогда не думали уйти от них и быть вместе? – спросила я.

– Да не, девчонки очень милые. И мы вчетвером отлично проводим время. Мы словно удачная интерпретация *«Горбатой горы»!* – объяснил другой. В подобные путешествия они ездят последние лет тридцать.

Вот так мы шли, болтали, иногда отделяясь друг от друга, чтобы провести день в одиночестве. Вокруг были «декорации» из *«Властелина колец»*, и я казалась себе первопроходцем на задании. Я прекратила много думать о прошлом и обратилась к будущему. Выяснилось, что и остальные пережили аналогичную перемену. Разводы стали менее важными, смерть – менее трагичной частью жизни, а идеи о том, «что дальше», рождались на каждом шагу. Моя «трагедия» казалась все менее ужасной перед лицом настоящих проблем и все больше обретала черты того, чем она реально была – невероятной удачей, которой оказалось не суждено продлиться долго.

Наша пятидневная прогулка кончилась в Милфорд-Саунд – впечатляющей гавани, окруженной невероятными фьордами, – в темный, предштормовой день. Мы отметили конец путешествия, танцуя в местном пабе, играя в пул и фотографируясь друг с другом. Я наконец поняла намек Вселенной: эта поездка была не для поцелуев.

(До сих пор, спустя много лет после моего новозеландского приключения, я храню одинокий грустный презерватив в косметичке. Он прошел со мной всю Новую Зеландию... и вернулся домой. Шесть лет спустя этот неиспользованный презерватив надежды, который очень много путешествовал, превратился в амулет на удачу.)

Яна, похищенная шведская девушка, путешествовала по Новой Зеландии на велосипеде. Она одна, со всеми своими вещами, объехала остров Южный, пробираясь через горные перевалы и ночуя у фермеров, которые звонили своим соседям с целью убедиться, что ей будет где остановиться на следующую ночь. Мы решили несколько дней проехать по Милфорду вместе, арендовали маленький автомобиль и направились к Каикоуре.

Каикоура – это крошечный город на берегу, известный благодаря удивительным морским обитателям. Я выросла у океана, объехала десятки пляжей по всему миру и никогда ранее не видела китов. Весьма странный парадокс, и я просто обязана была увидеть хотя бы одного там. Яна решила, что больше хочет посмотреть на виноградники, и мы разделились.

Наблюдать за китами можно двумя способами: на лодке или на вертолете. В Новой Зеландии есть закон, разрешающий находиться рядом с китом только двум транспортным средствам одновременно, так что все туристические компании стремятся обогнать других, стремясь оказаться в числе этих двух счастливчиков. И вертолет в данном случае – лучший способ добраться до кита первым. В хостеле я выяснила, что моя возможность заплатить за более дорогой тур на вертолете делает меня здесь «флешпэкером», то есть бекпэкером, который может позволить себе отдельную комнату в хостеле и полеты на вертолете. Это мне понравилось: звучит подходяще возрасту и все равно весело.

Я отправилась на вертолетную экскурсию после дня, проведенного в океане с сотнями диких дельфинов. Нам сказали, что если мы им споем, то привлечем их внимание, и в итоге десять взрослых людей собрались на краю судна, посреди холодных антарктических вод, распевая песенки. Дельфины приплыли со своими детенышами, которые выпрыгивали из воды и тыкались носом в ладошку. И вот затем я забралась в вертолет, где моими попутчиками стала великолепная пара в медовом месяце из, естественно, Аргентины. Мужчина вполне походил на брата Отца Хуана благодаря своим блестящим волосам и карамельной коже. Мы полетели, и я увидела своего первого в

жизни дикого кита.

Вечер того дня у меня прошел в одиночестве, на черном песке у подножия покрытой ледниками горы. Я смотрела, как садится солнце и больше ни с кем не вела мысленных баталий. Просто сидела одна на пляже, в полном спокойствии. Будущее начало проясняться: мне нужно пойти в школу продюсеров. Теперь я знала, что делать. У меня уже есть прекрасный опыт и 4-миллионный короткометражный фильм о моей семье. Я поняла, что уже являюсь настоящим писателем и что, если мне когда-нибудь снова придется несколько месяцев создавать сценарий для 45 боссов и конфликтующих директоров, я смогу. Самое плохое, что из-за своей неудачи я полностью потеряла над собой контроль. Но мое путешествие показало, насколько ничтожен мой провал на работе по сравнению с этим большим миром добра. Моя жизнь с того момента могла стать очень полной – и богатой.

Но еще я поняла, что я... все. Не в смысле готова умереть, сменить профессию или навсегда покинуть Лос-Анджелес. Нет, но в конце того прекрасного дня, сидя на пляже, я поняла, что у меня уже было достаточно таких прекрасных дней для себя. Я доказала себе, что я – настоящий писатель, и я доказала себе, что могу быть счастливой и храброй в любом уголке планеты – сама с собой. Поэтому... мне больше не нужно ничего себе доказывать. Я могла остановиться.

И теперь я была готова перестать быть одиночкой.

Прощавшись с Яной, я провела еще пару недель, колеся по стране в одиночестве (руль в машине с другой стороны, на другой стороне дороги, чувствовала себя Суперженщиной), плавала на каяке (группа из одних женщин, конечно), сходила на рождественскую вечеринку Питера Джексона с сотней странно наряженных американцев (ну это моя обычная жизнь дома). Я отдыхала в полупустых отелях в конце длинных, дождливых дорог: спала в хостеле, расположенном на лодке, в капитанской каюте (без капитана, конечно); ночевала в домах новых новозеландских друзей-друзей-друзей-друзей. У меня вышло столько приключений с такими чудесными гостеприимными людьми, что моя вера в человечество была полностью восстановлена.

И поскольку это и являлось целью моего путешествия, как раз под Рождество я засунула свой неиспользованный, слишком много разъезжавший презерватив и отправилась домой.

Глава 9

В 35 ты уже слишком стара, чтобы спать в ванной

Международный аэропорт Лос-Анджелеса -> Аэропорт Брисбен

Отправление: 3 апреля, 2009

В жизни каждого человека бывают моменты, когда он понимает, что мог бы принимать и лучшие решения. Этот момент для меня наступил, когда я обнаружила себя, 35-летнюю женщину, спящей на полу в ванной, в Австралии. В течение недели.

Я вернулась из Новой Зеландии новым человеком. Я чувствовала себя очень мудрой и словно очищенной взлетами и падениями предыдущего года. У меня появилось желание творить, быть любимой и двигаться вперед. На следующий день после возвращения я пошла напрямик к своему агенту и сказала ему, что хочу на год отойти от ТВ-сценариев и написать свой первый сценарий фильма. Рождество я провела с семьей, а затем ненадолго поехала в горы с Хоуп и несколькими друзьями покататься на сноуборде. Далее нас ждал маскарад в стиле 20-х годов, который Феррис и Томас устраивали в поместье в стиле ар-деко, расположенном в Сан-Франциско. Я чувствовала себя прекрасно.

А затем, через час после приезда в горы, я вышла из ресторана, поскользнулась на льду и сломала ногу. Ту же, пострадавшую ровно год назад.

И снова моя «супруга» Хоуп везла меня в больницу. На следующий день. После того, как покаталась. В тот день выпало много свежего снега – я поступила бы так же.

Лежа на диване в ожидании друзей, я настроилась на еще более философский лад. Бог действительно, *действительно* хотел, чтобы я провела время тихо и в пустоте. Прозрачные намеки на меня не действовали, поэтому ему пришлось использовать физическое насилие. Но... в пустоте так *одиноко*! Поэтому я вернулась домой, повидалась с доктором, убедилась, что операция не нужна, и слетала в Сан-Франциско на бал-маскарад, где весь вечер танцевала линди-хоп.

Но потом в конце концов я решила-таки погрузиться в пустоту хотя бы на пару недель. Я не могла водить машину, из-за

чего мне снова пришлось переехать к маме, которая просто не могла поверить своей удаче. Ее хромающая дочь в ее доме второй год подряд! Мечты сбываются.

Но... пустота. Да? В результате я снова решила увидеться с Беном.

Помните Бена? Парня, с которым я встречалась, когда рассталась с воображаемым Феррисом пять лет назад и чье сердце я разбила, потому что не готова была остепениться? Так вот, он в конце концов забыл меня. Он начал работать над этим с того сообщения под снотворными и наконец добился успеха. И тут вот она снова я – буквально размягшая, как отбивная – после года работы, провала, физических и эмоциональных страданий.

На пляже в Новой Зеландии я была готова ко всему тому, чего раньше боялась, – и это страшно. Я была нормальной. И я стеснялась быть 35-летней женщиной, которая ищет настоящую любовь и хочет завести семью. Это было так чертовски обычно. Но в то же время я испытывала невероятное облегчение от того, что наконец-то пришла к такому состоянию.

И вот, пребывая в упомянутом состоянии, я написала Бену и пригласила его на ужин – как друга. Он был не очень рад этой идее, поскольку последние годы я вела себя не слишком-то дружелюбно. Но сложившаяся ситуация давила на меня: Бен стал воплощением моего внутреннего безумия. Я хотела исправить наши отношения, построить на их месте что-то мирное.

За ужином Бена так и распирало от гордости за новую работу, новую группу и, видимо, за избыток женщин. Кроме того, он недавно обрел *что-то постоянное*. Возможно, этим *постоянным чем-то* было то, что он наконец забыл меня. А я, соответственно, не могла теперь не думать о нем.

Оглядываясь назад на те события, я думаю, что возвращением к Бену я хотела доказать самой себе, что *теперь-то я в порядке*. Ставя научный эксперимент, ты выделяешь какую-то неизменную константу и пытаешься найти правильную комбинацию остальных элементов. Бен являлся константой. У нас была любовь, но я ее разрушила. Если бы я смогла вернуться к началу наших отношений и снова внушить любовь, то единственным выводом было бы то, что теперь я взялась за ум.

Спустя пару месяцев душевных терзаний и разговоров с друзьями, настаивающими на том, что мы с Беном друг другу не подходим и что я рассталась с ним не без причины, я окончательно решила, что схожу с ума из-за Бена, а не из-за себя. В результате я отправилась в его маленький домик в горах и

сказала ему, насколько он мне стал близок спустя все эти годы. И добавила, что то накачанное наркотиками письмо не появилось из ниоткуда. А затем попросила дать мне еще один шанс.

– Это потому что тебе 35 и ты одинока? – задал Бен вполне обоснованный вопрос, который его друзья, собственно, считали ответом.

Я рассказала ему о том, что пережила за прошедшие пять лет, о моменте на новозеландском пляже, когда я поняла, что готова отправиться в следующее приключение с кем-то. Я была *другой*. Я *выросла* за прошедший год. Теперь я была *готова*.

– Ты же знаешь, что я тебе не доверяю, да? – спросил Бен.

– Я знаю!

– Я встречаюсь с разными девушками и не собираюсь останавливаться, – продолжил он.

– Понимаю.

– На прошлой неделе наша группа играла на фестивале Roxu, и там русские девчонки-подростки бросали в меня блестки. С утра я проснулся с блестками в бороде. Это было что-то.

– Я знаю и не собираюсь останавливать тебя и запрещать собирать блестки в бороду, – пообещала я.

Он еще немного помариновал меня и сказал, что он слишком занят работой, чтобы иметь отношения, и что моя грудь отлично выглядит в футболке от Ван Халена, которую я носила как раз по этой причине. (Одиноким девчонкам, идите и купите себе одну такую. Она дико цепляет парней. Не знаю почему, я даже не люблю Ван Халена и его музыку, но просто доверьтесь мне. Если это поможет, у меня серая и с V-образным вырезом.) Я сказала ему, что он не должен решать сразу, пусть подумает. Но я долго убегала от правды – от того простого факта, что он мне нужен. Что вопреки всему он никогда не покидал моего сердца. И что мне нравится его взгляд на мир. Он протянул ко мне руки и крепко обнял меня.

Мы решили, что какое-то время не будем спать вместе, чтобы немного замедлить процесс нашего сближения. Поэтому мы с Беном стали ходить на свидания, нервные, напряженные, в ходе которых я пыталась вернуть его доверие, а он держал меня на расстоянии вытянутой руки и встречался с невероятно молодой девчонкой. Мы договорились, что оба можем встречаться с другими людьми, но обязательно предупредим друг друга, если дело пойдет дальше 3–4 свиданий. С такой дистанцией и неопределенностью для меня было проще простого убедиться... убедиться, что я любила его, по крайней мере. Поэтому я ухаживала за ним, добивалась его. Если перечитать теперь сообщения, которые я тогда ему отправляла, прямо слышно, как я

потую. Также можно без проблем представить себе его насмехающийся взгляд, когда читаешь его ответы на мои маниакальные «поверьмнепростименя» сообщения. В одном из писем Бен пишет, что эта новая, неопределенная я похожа на инопланетянина, настолько я отличаюсь от того человека, которым была когда-то.

«Мы на одной странице, просто читаем с разной скоростью», – говорил Бен, отказываясь спать со мной, или ходить со мной на вечеринки моих друзей, или говорить своим друзьям о том, что мы снова вместе, или пригласить меня к своим приятелям, или перестать встречаться с другими людьми. Все его поведение было абсолютно честным, учитывая мои атаки после стольких лет отказов... но оно чудовищно нервировало меня. Бен тоже немного изменился: он сконцентрировался на работе, играл в группе и наслаждался всеми прелестями жизни, которые может получить в Лос-Анджелесе работающий на хорошей работе 30-летний мужчина. Но он также был другим, и я знала это, из-за меня. Я сломала его, что только сильнее подстегивало меня собрать его обратно. Я хотела убрать за собой весь беспорядок.

Через пару месяцев этой прекрасной романтической нервотрепки я получила приглашение от Алекс, симпатичной новозеландки, приютившей меня в Квинстауне предыдущей осенью. Она собиралась в Австралию на известный ежегодный Блюзфест и думала, что я могу поехать с ней. Я взглянула на свои медленно развивающиеся, отнюдь не моногамные, тяжелые отношения, проверила свое рабочее расписание и купила билет на самолет. Бен радостно пожелал мне хорошо провести время в моей, как он ее называл, «пассивно-агрессивной поездке в Австралию».

Я решительно отрицала такое определение. Просто мне выпал великолепный шанс, и ничто не говорило в пользу того, чтобы не ехать. Наши отношения с Беном развивались очень странно. Я была готова нырнуть с головой, Бен же не хотел даже заходить в воду.

Он продолжал подчеркивать: никакого бойфренда у меня нет. Пару недель до этого я сказала ему, что я не хожу на вторые и третьи свидания ни с кем, поскольку на самом деле мне нравится только он.

– Ах-ах, – ответил он нервно.

– Что тебя расстроит больше: то, что я не хочу встречаться с другими людьми, или то, что я влюбилась в кого-то другого? – спросила я.

Он засмеялся:

– Это ловушка.

В итоге я не была уверена в своих планах относительно Австралии. Не должна ли я как истинно влюбленная не стремиться к свободе и радости иностранного романтического приключения и вообще отказаться от него? На полу в спальне Бена у нас состоялся длинный, полный недомолвок разговор о статусе наших отношений (по какой-то причине там у нас всегда были длинные разговоры), после которого мы обменялись не менее туманными сообщениями:

От кого: Кристин

Кому: Бену

RE: ясность

Просто чтобы еще раз выяснить то, что мы обсуждали, чтобы мне все стало понятно – я так понимаю, ты не спишь с другими людьми прямо сейчас, но тебе нравится встречаться/возможность встречаться с кем-то другим, потому что это интересно/это свобода. И это вряд ли изменится в ближайшие несколько месяцев. Я правильно все понимаю?

От кого: Бен

Кому: Кристин

RE: RE: ясность

Мне всегда будет нравиться возможность встречаться с 4000 русских девчонок. Прямо сейчас я ни с кем не сплю. Мне нравится встречаться с новыми людьми, но я не заинтересован в случайных связях. И да, это может не измениться до июня. Все сейчас очень странно. Кажется, что июнь еще через год и как будто он завтра.

Все еще озадаченная, я форварднула (в более длинном варианте) эту переписку своим девчонкам из Брисбена.

FWD: RE: RE: ясность

У меня есть парень или нет? Выбирая, что ответить мне, пожалуйста, учтите, что я уже увидела больше красивых мужчин в австралийском аэропорту, чем за шесть недель в Новой Зеландии, и что я буду в ярости, если я махну на них рукой, вернусь, а он будет спать здесь с русской малышкой.

Ответ Саши:

Давай не будем свержанализировать. Повеселись в Австралии. Если кончится тем, что ты будешь прыгать на коале с тренером-кенгуру, постарайся не постить это на Facebook. Я тебе так завидую.

Ответ моего друга Паркера:

Сколько он еще собирается унижать и обижать тебя? Я так скажу – иди найди себе австралийского пирата, а потом расскажи обо всем мне. Возможно, тебе выпадает твой последний шанс. Я так завидую!

У Алекс был друг с домом в Байрон-Бей, прекрасном маленьком серферском городке, где джунгли выходят прямо на пляж и где и проходил фестиваль. Ее 27-летний друг руководил популярным в городе ночным клубом, и Алекс сказала, что у него огромный дом, в котором он будет счастлив приютить нас. Она говорила чистую правду, однако правдой являлось и то, что он и его соседи приютили на время фестиваля еще 13 человек.

«Не волнуйся, – пообещала Алекс дружелюбно. – Я отобью для нас немного личного пространства!»

В итоге нашим личным пространством оказался надувной матрас на полу в ванной, втиснутый между стиральной машиной и унитазом. Вход в ванную был через хозяйскую спальню, где спали мать и отчим хозяина дома, а также через проходной шкаф, где спал еще один парень. Шестеро расположились в гостиной и еще по крайней мере по двое в спальнях. Три оставшихся человека ночевали в спальнях мешках на заднем крыльце. Все эти люди, конечно, пользовались нашей ванной.

Я старалась разделить радостный настрой Алекс, но когда я предложила ей переехать в отель, она сказала мне, что у нее всего 100 баксов на всю неделю и нет никаких кредиток, поэтому ей будет некомфортно, если я начну платить за нас обеих. Помните мое правило о том, что, если вы и ваши друзья в разных финансовых положениях, нужно под них подстроиться? Так вот это была одна из тех поездок, где мне пришлось засунуть свои деньги подальше – а именно положить рядом с туалетом. (Все номера в отелях города были заняты. Я, возможно, проверила.)

Господи благослови Алекс. Она была моим спасителем и защитником в Квинстауне, подобно ангелу-хранителю забрав меня в свой дом и представила множеству экстремальных гидов. Но, к сожалению, выяснилось, что в путешествии нам с ней не так комфортно, как в ее маленьком домике среди холмов.

Первое несовпадение – я не могу терпеливо относиться к людям, у которых проблемы с едой. Алекс ела только органическую вегетарианскую пищу, и у нее была аллергия на лук. Это сразу исключает практически всю вегетарианскую еду сразу. Кроме, очевидно, пищи Харе Кришны^[20]. Вы вообще знали, что есть такая штука, как пища Харе Кришны? И я не знала. Но очевидно, лук и чеснок в данной кухне запрещены, так как они

«чрезмерно стимулируют центральную нервную систему, сильнее укореняя сознание в теле», как говорится на их сайте, то есть читай – они слишком вкусные. По счастливой случайности в крошечном хипповом Байрон-Бей был один такой ресторан. И мы ели там *каждый* день. Иногда два раза в день. А ведь весь день мы проводили в городе – рядом с аппетитнейшей едой, которую Алекс не ела. В итоге все веселье приходилось заканчивать и тащиться через весь город, чтобы поесть ее невкусную, на мой взгляд, еду.

Еще одной проблемой стало то, что Алекс не особенно хотела идти на компромиссы, когда дело доходило до распорядка дня. Каждый день она спала в нашей ванной до трех часов дня, пока я смотрела на дождь, постоянно идущий за окном. Потом Алекс просыпалась, проводила полтора часа на кухне с коробкой овощей и соком, а затем шла выпрямлять свои волосы и наряжаться, что могло длиться часами. Ее поведение выглядело тем более неадекватным, что мы напяливали на себя резиновые сапоги и полиэтиленовые мешки для мусора с целью остаться сухими на фестивале, где многочисленные хиппи месили грязь, как на Вудстоке. Смотреть, как кто-то выпрямляет волосы, прежде чем отправиться в темную огромную ванну с грязью под проливным дождем, – это особо безумный и, возможно, наиболее действенный способ пытки для меня, если вы когда-нибудь захотите вызнать все мои секреты.

Поскольку у Алекс было мало денег и она не позволяла мне ни за что платить, ей приходилось в лифчике проносить на территорию фестиваля фляжку с водкой, которую она могла пить только смешанной со свежим органическим соком, а требуемый сок, конечно же, продавался где-нибудь подальше от нас. Кроме того, она ни в коем случае не хотела переехать из Байрон-Бей в другой городок, где мы могли бы спать подальше от места, где справляем нужду. Потому что дом в Байрон-Бей был бесплатным.

Почему ты ее не бросишь? – спросила Хоуп из Лос-Анджелеса, когда я позвонила ей пожаловаться, пока Алекс спала и шел дождь.

– Я чувствую себя неудобно. Мы должны были классно провести время вместе. Так жаль, что тебя нет. Кроме того, я продолжаю не целовать горячих австралийских серферов и даже не знаю, есть ли у меня парень, – плакалась я.

– Да уж, все придурочные, кроме нас, – согласилась Хоуп. – Приезжай домой. Я решила, что стала забывать, каково это – жить с другими людьми, и в результате сняла комнату в доме с двумя горячими 30-летними профессиональными серферами. Если твой непарень не займется с тобой сексом, у нас будет лучшее лето в

моем новом жилище.

– Обещаю! – ответила я, обрадованная.

А затем я написала сообщение Бену, который отвечал на мои новости о поездке, дожде, коалах, но никогда не реагировал на мои «я скучаю».

Я чувствую себя неудобно, жалуясь на Алекс, потому что она на самом деле очень милый человек. Просто нам не стоило вместе ездить в то путешествие. Я мечтала посмотреть страну, а Алекс уже пожила в Австралии и хотела лишь танцевать. У нас были разные задачи. Я старалась быть дружелюбной, поскольку думала, что мы будем на музыкальном фестивале всего пару дней, и, кроме того, я окунулась в быт местных жителей, что мне обычно нравится. Но два дня прошло, а Алекс хотела остаться подольше. В результате мы провели целую неделю на матрасе в ванной, где было не так-то просто заснуть. Но я не уехала. На самом деле по одной-единственной причине. Все обитатели того дома были лет на 10 моложе меня и Алекс, поэтому я чувствовала, что должна быть крутой и справиться с ситуацией так, будто мне 23.

Однако я в конце концов закусила удила и сказала Алекс, что готова посмотреть Австралию. Я собиралась настоять на том, что платить буду я, благодаря чему мы обе сможем отправиться в поездку. Я достала нам машину, и мы поехали из города в джунгли, в отдаленный хипповый город Нимбин. Мы купили немного печенья с коноплей у женщины, которая уверяла нас – больше-то волноваться не о чем, – что они были приготовлены на волшебных камнях, сыграли в пул с древним бородатым сумасшедшим, который вязал бикини в 60-х, и сделали фотографии своих аур в музее на аппарат под названием «Ауратрон 2000».

Я забронировала нам номер в чудесном небольшом гестхаусе. Он был расположен глубоко в лесу, окруженном убийственно ядовитыми змеями – рядом с рекой, в которой обитали убийственно опасные утконосы. В Австралии, похоже, все убийственное. Включая, как выяснилось, и отношение Алекс. Дождь перестал лить в ту же минуту, когда мы уехали с пляжа и углубились в лес, так что Алекс сидела в комнате, за которую платила я, и жаловалась на то, что мы не остались на пляже. В итоге, чтобы удовлетворить ее, мы доехали до другого пляжа, и я даже смогла затащить нас в зоопарк, где можно было покормить кенгуру и коал. Так что мы обе устали.

Я уже решила разойтись с ней, чтобы провести несколько

дней в водном путешествии вокруг островов Уитсанди, собираясь посмотреть на Большой Барьерный риф. И вот, когда пришло время прощаться, мы крепко обнялись, притворившись, будто все это время не сводили друг друга с ума.

Вокруг островов Уитсанди – крошечных зеленых островков с белоснежными пляжами – плавают множество круизных судов. Я внимательно подошла к выбору лодки и выбрала одну под названием «Киана». Решение мое основывалось на цене, но не из-за того, что у меня не хватало денег. Я знала, что самые дешевые лодки будут набиты бекпэкерами, то есть студентами, а самые дорогие займут богачи, то есть пожилые пары. Найти 30-летних одиночек непросто, но если вы все же пытаетесь их разыскать, то они в средней ценовой категории: довольно комфортно, но без пафоса. Это мой лучший совет одиночим взрослым путешественникам – цельтесь в середину.

Придя на пристань, я заметила свою группу из 14 попутчиков. Они выглядели превосходно. Не считая 50-летней ирландской медсестры, которая отдыхала после месяца волонтерства в австралийской глубинке (я мысленно поблагодарила ее за то, что теперь я не самая старая в компании), всем остальным было от 25 до 35. И среди них присутствовала только одна пара. И все они были прекрасны.

Мы поулыбались друг другу и начали знакомиться. Тогда-то я и встретила Дино.

Дино был очень высоким, поджарым, загорелым, с огромной улыбкой мужчиной в шортах и сланцах. На голове у него красовалось нечто безумное: кучерявые, солнечные волосы, напоминавшие ботву морковки, – это был прекрасный радостный немец.

Позже Дино скажет мне, что уже в момент, когда мы пожимали друг другу руки, он знал, что мы будем вместе. Но нам все же потребовалась пара дней. В процессе того путешествия все пассажиры нашей лодки успели перевлюбляться. Мы плавали в чудесных местах, ныряя в бирюзовые воды за рыбками, которые, как собачки, играли с нами. На одном нетронutom пляже я написала имя Бена на песке и сфотографировала его, стремясь доказать, что я думаю о нем, и задаваясь вопросом, а думает ли он обо мне. Неделей ранее по этим краям прошел циклон, из-за чего вода была не идеально прозрачной. Но над водной поверхностью тоже творилось что-то мутное, потому что мы с Дино кружили вокруг друг друга.

Однажды ночью мы перестали кружить. День и вечер мы провели, попивая пиво и обмениваясь языковыми хитростями. Мы

все сидели на корме маленькой лодочки, глядя на миллионы звезд в теплой ночи. И тут Дино сделал самое избитое из всех движений, настолько избитое, что я даже прописала его в одном из эпизодов сериала *«Соседи»*: в сцене, где мальчик-подросток делает это очевидное, банальное движение, из-за которого его подруга отказывает ему – настолько оно очевидно и неоригинально.

Он приобнял меня за плечи, чтобы показать созвездия. Как вы, возможно, видели в кино, при таком положении лицо указывающего оказывается совсем близко с его целью – рядом с лицом того, кому показывают. И так, щека к щеке, Дино показывал мне Южный Крест.

Но поскольку мы находились на лодке, и он пах кокосовым лосьоном, и движение было такое забавное, и я боялась, что вернусь домой без романтической истории к парню, который, похоже, встречался со мной из мазохистского любопытства... это сработало.

Мы целовались часа четыре на корме нашей лодки: сначала на глазах у всех, затем, когда все остальные ушли, спустились в общую спальную зону, прямо напротив капитанского мостика. Это было совсем как на выпускном и очень, очень жарко. Как если бы Оливье Мартинес из *«Неверной»* снялся в *«Классном мюзикле»*.

Следующие два дня мы провели как парочка. Дурачились, целовались под водой, вместе погружались. Дино, как выяснилось, раньше был рэпером, поэтому он зачитал мне рэп на немецком, что оказалось еще смешнее и нелепее, чем то движение с Южным Крестом. Я колебалась между чувством вины из-за Бена и уверенностью, что иначе защититься я не могу. Конечно же, я бы так себя не вела, если бы Бен принял меня назад с распростертыми объятиями. Да, я хотела, чтобы у нас с Беном все сложилось. Но что, если... если нет?

Бен оказался прав. Это была пассивно-агрессивная поездка в Австралию, так же как и пассивно-агрессивная поездка в Новую Зеландию годом ранее. Тем путешествием я хотела доказать всем и себе, что я – не та девчонка, которая рыдает дома после провала на работе. И я была не той девчонкой, которая ждет мужчину, не способного точно сказать, принимает ли он ее обратно в свою жизнь. Но кроме того, я стала той девчонкой, которая возвращается к кому-то, кого она отвергла, признается ему в любви, говорит, что хочет его и готова к отношениям... а потом целует немца на лодке.

Таким образом, в данной поездке я доказывала, что не потеряла себя. Но давайте будем честны – если ты

никогда не теряешь себя, значит, ты не играешь в полную силу.

Спустя четыре дня лодка вернулась в гавань. Прежде чем улететь в разных направлениях, мы с Дино провели еще одну ночь в городе. Мы сняли номер в отеле, помылись и переоделись. И я впервые увидела Дино в одежде, после недели, проведенной в купальных костюмах.

Ой. Такой европеец.

Узкая красная майка. Великоватые джинсы, везде карманы и потертости. Столько геля на волосах. Столько одеколona. И поверх всего – белая бейсболка с разноцветной надписью под граффити.

«Оо! Ты только посмотри!» – сказала я.

Забавно, насколько больше можно сказать о человеке, когда видишь его одетым, а не голым. Если бы я встретила Дино на суше, в одежде, мы никогда не были бы вместе. Так легко запасть на кого-то, когда вы плаваете посреди океана – метафорического или настоящего. Когда же приходит пора выйти на берег, все мелочи, которые не дают вам влюбиться в другого человека, обрушиваются на вас, словно наводнение.

Глава 10

Даже у Бьорк есть дети

Международный аэропорт Лос-Анджелеса -> Аэропорт Рейкьявик-Кеблавик

Отправление: 18 июля, 2009

Единственное, что может быть более грустным, чем оказаться в поездке с ужасным попутчиком, – это оказаться в ней с идеальным попутчиком. Дело в том, что такие поездки никогда не длятся достаточно долго.

Когда нам было по 20 лет, больше всего я любила путешествовать с Сашей, но потом она вышла замуж, провела несколько лет взаперти, и я ее потеряла. Она вернулась обратно ко мне на несколько дней в 2009 году: мы отправились на Гавайи, в первое девичье путешествие за те шесть лет, что моя подруга строила семью. Но она не выпила ни единого крепкого напитка за всю поездку. Ей больше не нравился эффект, вызываемый алкоголем. Мы рано вставали, проводили время на солнце, а после раннего ужина укладывались в постель с книжками. Саша теперь носила слитный купальник, который словно навсегда скрыл за собой ее распутную натуру.

Паркер заменила мне Сашу после того, как Саша родила. Мы встретились на общей тусовке, когда она переехала в Лос-Анджелес, проведя год в Гонконге со своим парнем. Нам было по 29, мы обе впервые остались без пары. Однажды вечером, под конец года в Гонконге, молодой человек Паркер сделал ей предложение, и, как в романтической комедии, слово «нет» выскочило у нее изо рта, несмотря на то что годами она была уверена, что скажет «да». Смешная, милая, недавно ставшая одиночкой и готовая ко всему, для меня она стала настоящей находкой. Но я облажалась – я встретила обаятельного, умного парня, друга моего тогдашнего бойфренда, и познакомила его с Паркер. Несколько лет спустя мы с моим бывшим были приглашены на их помолвку.

На самом деле Паркер не хотела встретить своего будущего мужа в то время, когда встретила. Она всего год отдыхала от шестилетних отношений, и мы только-только начинали исследовать с ней неизведанные дали, лежащие у ног одиноких девушек. Когда она поняла, что видит перед собой любовь всей своей жизни, то испытала горьковато-сладкое чувство: Паркер была счастлива, что встретила такого прекрасного парня, но она действительно рассчитывала вступить в отношения с кем-нибудь

через год или два.

Возможно, поэтому Паркер гораздо лучше справлялась с тем, чтобы оставаться веселой, чем многие мои другие окольцованные подружки. Она ездила со мной и Эммой в Грецию, где счастливо кидала тарелки на пол в баре и кричала «ОПРА!!!» всю ночь. Ее муж до сих пор жалуется на месячный «грипп Вегаса», который Паркер привезла домой после девичьих выходных на Хэллоуин. Тогда мы действительно отдыхали в Лас-Вегасе, где танцевали всю ночь на улице, одетые как девчонки из стриптиз-группы. Примерно в пять утра Паркер завела интрижку с леденцом, который был таким вкусным, что ей захотелось дать его попробовать половине клуба. Никогда так не делайте. Всемирная организация здравоохранения должна наложить на это запрет.

В общем, неудивительно, что когда я предложила Паркер поехать со мной в Исландию, она радостно оставила своего милого мужа дома и на неделю погрузилась в настоящую жизнь одинокой девчонки. Вот только теперь в ее чемодане не нашлось места чересчур откровенным нарядам, зато там присутствовали лекарства, градусники и тесты на беременность.

Паркер пыталась забеременеть. Каждое утро она просыпалась, чтобы померить температуру, записать результаты и принять таблетки. Она занималась этим уже год, из-за чего моя обычно очень легкая на подъем подруга находилась на грани. Нет, мы все равно отлично провели время, но она иногда раздражалась и по понятным причинам беспокоилась о горячих источниках и невероятном количестве водки, связанных с поездкой в Исландию. Однако заботы минувшего года висели грузом на ее душе, и Паркер нужны были каникулы.

Я тоже была на грани. Мы уже шесть месяцев встречались с Беном, а он все еще не приходил в чувство. В конце концов он начал спать со мной, но эмоционально в отношения не погружался.

«Ему необходимо контролировать ситуацию, – сказала Хоуп. – Ты снова ворвалась в его жизнь, и в этот раз он хочет быть выше своих чувств».

«Я боюсь стать пропащим человеком», – так это объяснил Бен.

Работа, а вернее ее недостаток, не помогала мне быть терпеливее с Беном. Комедийный бизнес потихоньку снижал обороты, и в результате я целый год не работала ни над какими сериалами. Я писала пилотную серию для Warner Brothers (о компании молодых одиноких людей с грустными романтическими историями, которые решили просто сдать и «пережениться» друг на друге – где, спрашивается, я найду материал для этого????) и тратила на нее всего несколько часов в

день. Бен, напротив, целиком отдавался своей работе, так что время для нас с ним шло по-разному. Почти свободная и полная сил, я хотела почаще бывать с ним, однако он не мог ответить мне тем же. И мне уже казалось, что у Бена никогда не будет для меня ни времени, ни желания.

«Он другой, – констатировала Паркер. – Может быть, ты сломала его».

«Он просто знает, что как только ты его полностью получишь, ты найдешь причину, почему у вас ничего не выйдет», – сказала Саша.

Ауч. В итоге я поехала в Исландию.

Мне кажется, Исландия – самое странное место в мире. Если вы – обычный человек, то скорее всего ваши знания об Исландии ограничиваются одним словом – Бьорк. Все мои знакомые в США, услышав, что мы едем в Исландию, спрашивали: «Оо, круто, вы встретитесь с Бьорк?»

В мире так мало людей знают, что в этой стране есть столько всего, на что стоит посмотреть! Для начала там живут легенды о волшебницах, гномах, привидениях и троллях. Что я имею в виду: если вы зайдете в туристический офис в Исландии, то на официальных туристических картах, помимо обозначенных мест обитания китов, тупиков и водопадов, вы увидите нарисованных фей, гномов, привидений и троллей. И если вы похожи на нас, то вы спросите: «Интересно, а что обозначает нарисованное здесь привидение?!» После чего вы обратитесь к условным обозначениям на карте, которые скажут вам, что нарисованное привидение обозначает привидение.

Все исландцы говорят, что это просто стереотип, будто они массово верят в сказочных существ. А потом вы прочитаете в газете о руководителе Дорожного управления Исландии, который идет к медиуму, чтобы узнать, не против ли эльфы, обитающие среди камней вдоль предполагаемой дороги, что камни немного передвинут. Дело происходило рядом с городком Хабнарфьордур (да, да, без ошибок), и медиум сказал, что, к сожалению, эльфы не хотят, чтобы их дом передвинули. Так как рядом с тем производственным участком происходило много «подозрительного и необъяснимого», дорожное управление решило *прислушаться к эльфам и переместить дорогу*.

«Мы просто не отрицаем эти явления. Есть люди, которые могут договориться с эльфами, мы стараемся обращаться к ним», – сказал работающий в государственной компании инженер агентству Рейтер.

Однажды ночью на полуострове Снайфедльснес я заметила, что прямо среди холмов за нашим отелем на карте отмечено привидение. Я пошла на ресепшн и спросила Бьорна, работника отеля с усами как руль велосипеда, живут ли в этих горах привидения.

«А то нет, – усмехнулся он. – Привидения живут везде».

В общем, исландцы странные. Но нет причин, почему они не должны быть такими. Еще неизвестно, что стало бы с вами, если бы вы являлись одним из 10 людей на острове в Северной Атлантике, на котором полгода темно. С тех пор как суда викингов приплыли на этот дикий остров с самыми красивыми женщинами, что они смогли притащить с собой, исландцы становились странными, чтобы пережить зиму. И они хорошо справлялись. Их предки забрали с собой, очевидно, лучших женщин. (А вы Тора видели? Им, может, и не требовалось никого тащить насильно. «Ой, Тооор! Не надо! Пожалуйста, не забирай меня у моего богатого беззубого мужа-фермера! Нет, пожалуйста, не надо закидывать меня на свое мускулистое плечо!») Те первые поселенцы были настолько хороши собой, что до сих пор есть мнение, будто здесь живут самые красивые женщины в мире. Оно опирается на незаурядное для такой крошечной страны число победительниц конкурсов «Мисс Мира».

Конечно, таким образом, моя теория о том, что самые красивые люди рождаются в странах с разнообразным генетическим фондом (Новая Зеландия ее отлично подтверждала), оказывается несостоятельной. Но в Исландии хороший вкус викингов превратил маленький генофонд в великолепие красоты! Однако не подумайте, будто здесь процветают интрижки между родственниками. Там, чтобы избежать подобного, даже изобрели недавно специальное приложение «Случайный инцест». В стране всего 320 тысяч человек, и шанс поцеловать кузину выше, чем кажется. А с этим приложением вы можете проверить, не родственники ли вы с приглянувшимся вам великолепным викингом. «Загляните в приложение до того, как заглянете в постель» – вот такой у приложения слоган. Я не шучу.

Все эти высокие, светлокожие и светловолосые люди сходили с ума от моей крошечной роскошной перуанской подружки – Паркер. Мы собирались оплатить ужин и выясняли, что он уже анонимно оплачен «обожателем», которому понравилось смотреть, как Паркер ест треску. Нас остановили за превышение скорости, и исландский полицейский спросил Паркер, откуда ее семья, сделал комплимент ее коже, отпустил нас без штрафа и показал, как лучше проехать к близлежащим неизвестным

горячим источником. После всех лет путешествий с ее высоким светлым мужем, который всегда становился объектом пристального внимания в странах, где люди были ниже и темнее, Паркер приятно проводила время. Ее грустное маленькое небеременное сердце выросло за нашу поездку раз в пять.

Одним из многих влюбившихся в Паркер викингов оказался массажист. И это приключение попало в пятерку моих лучших впечатлений за всю жизнь: бесконечный массаж в Голубой лагуне.

Голубая лагуна – главный туристический аттракцион страны, ежегодно в ее водах плещется больше людей, чем живет во всей Исландии. Практически в два раза. Этот молочно-голубой горячий источник в центре черного лавового поля выглядел воплощением Валгаллы. По стенкам гигантского парного бассейна мятного цвета размазана белая грязь, которой все натирают лица и плывут к деревянному бару посередине. Даже в июле, когда дни на 20 часов длиннее, чем зимой, температура здесь не поднимается выше 15 градусов, поэтому ваше пиво остается идеально прохладным, пока вы плаваете в теплой воде с маской на лице.

Мы забронировали «флоатинг-массаж», не зная толком, на что подписались, и направились к закрытому уголку лагуны. Нас встретили два викинга в плавках и положили нас на тоненькие надувные матрасы. Тор (настоящее имя) и Данте (то же самое) взяли флисовые одеяла, обмакнули их в обжигающую воду и накрыли нас ими, в результате мы не могли охладиться даже обнаженной стороной.

Единственный способ сделать флоатинг-массаж – это обхватить человека руками, прижать к себе и, пока ты массируешь его, придерживать всем телом. Поэтому следующие полтора часа мы с Паркер провели в объятиях практически обнаженных потомков Тора, наши лица обдувал прохладный ветерок, и светило солнце. Впечатления были такие, как будто ты занимаешься лучшим сексом в своей жизни прямо в утробе. Когда массаж закончился, массажист (лучший человек в моей жизни) прошептал: «Теперь просто расслабься», – и легонько подтолкнул меня. Я уплыла на матрасе в тихий альков и спустя несколько минут плавания почувствовала рядом Паркер.

Окончательно открыв глаза, я оглядела свою не менее счастливую подругу.

– Кажется, словно ты только что изменила мужу, – промурлыкала я.

– Я думала о том же, – ответила Паркер.

Кстати говоря, массажист моей перуанской подруги сказал, что для массажа ей нужно снять верх купальника. Массажист белой девчонки прекрасно справился и с верхом.

«Ты индианка? – спросил Паркер ее массажист, когда мы выходили из воды. – У тебя такая красивая кожа».

Исландия, как мне кажется, самая прекрасная страна в мире. По зеленой тундре мы катались на крошечных пушистых исландских лошадках, а на снегоходах, любуясь на голубое небо, пересекали по ледникам. Мы проезжали мимо садов с малюсенькими раскрашенными домиками (для фей, которые живут в саду) и пили ром на двухтысячелетних скалах с капитаном судна, который высадил нас на древние льдины, когда мы проплывали мимо. Арендовав машину, мы с Паркер провели очень много времени, катаясь по пустым дорогам.

В пути мы много разговаривали о времени. Она и я были женщинами, которые очень хорошо умели ставить цели, идти к ним и реализовывать их. И неспособность Паркер забеременеть, когда она этого захотела, воспринималась ею очень болезненно. Ее муж появился раньше, чем она надеялась, поэтому она не смогла сама решить, сколько ей быть одинокой. Я хотела сделать паузу в своих отношениях с Беном, а затем начать их, когда мне будет удобно. Но жизнь Бена не стояла на месте. Он двигался вперед, и любви, к которой я хотела вернуться, уже там не наблюдалось. Между нами существовала связь, но время вышло, и его сердце закрылось для меня. Может быть, он был другим, а может, влияние времени и прошедших событий сделали меня менее привлекательной в его глазах. Но жизнь продолжалась. Более того, время не замедляло свой ход. Хороших парней расхватывали, как мне всегда и говорили. Я обычно чихала на такие предупреждения, потому что знала множество прекрасных мужчин, которые в свои 30 или 40 лет были одиноки. Но общение с этими прекрасными одиночками показало мне, о чем все говорят, когда имеют в виду «хороших». Речь шла о мужчинах, которые не боятся ответственности, хотят создавать семью и жить по-взрослому. Этих парней уже не было. Я не сожалела о своем пути веселья и свободы и не терзалась о том, что не остепенилась раньше, но мой выбор дорого мне стоил.

Мои друзья, встретившие своих супругов молодыми, часто говорили мне, что проживают мои приключения вместе со мной. Что иногда они думают, что у них просто не было шанса так повеселиться. Есть плата и за их выбор, и за мой. Я ломала голову над поведением Вито, когда он годами разрывался между желанием быть со мной и той жизнью, которая не похожа на мою.

А я говорила ему, полная 20-летней мудрости, что жизнь – это не выбор между тем, чего ты действительно хочешь, и тем, чего ты совсем не хочешь. Если ты счастлив, здоров и живешь в стране, где достаточно еды, а угроза, что тебя при выходе из дома застрелят, ничтожно мала, то твоя жизнь превращается в бесконечную череду выборов между равноценно сильными желаниями. И ты должен оценить и решить, какая прекрасная вещь тебе нужна больше всего, и затем отказаться от того, что ты хочешь не менее сильно. Ты должен выбрать между прекрасным и прекрасным.

Все, кого я знала, вне зависимости от своего выбора немного скорбели по тому, от чего им пришлось отказаться.

В конце нашего исландского приключения мы с Паркер стояли в очереди в аэропорту, когда она охнула, улыбнулась и показала куда-то пальцем.

Я обернулась и увидела темноволосую женщину в коротком платье в горошек и в полосатых гольфах. Она держала за руку маленькую девочку в рубашке и панталончиках. Мамой этой девочки была Бьорк. Мы съездили в Исландию и увидели Бьорк.

Некоторые вещи неизбежны. Все наши действия имеют последствия, логические причинно-следственные связи вроде того, что если ты едешь в Исландию, то увидишь Бьорк. Или как если ты разбил чье-то сердце и бросил человека, чтобы годами искать себя в потоке одиноких приключений, то этот человек изменится и будет недоступен, когда ты вернешься.

Паркер забеременела своей первой дочкой через несколько недель после нашего возвращения. Она клянется, что это произошло только потому, что она заболела, и ей пришлось просто сдать и лежать целую неделю вместо того, чтобы работать по 12 часов в сутки. Второй дочкой она забеременела двумя годами позже, и Исландия стала нашей последней девичьей поездкой. Еще один прекрасный попутчик исчез в прошлом, а я все еще была в пути.

Глава 11

Земля молока и веселья

Международный аэропорт Лос-Анджелеса -> Аэропорт имени Бен-Гуриона

Отправление: 5 апреля, 2010

К описываемому в этой главе периоду моей жизни я уже привыкла, что, когда наступала весна и для сценаристов начинался ТВ-сезон, я получала сообщения от своего агента такого плана:

«Назначил тебе встречу насчет шоу об одиноких людях. Поезжай туда и расскажи свои скабрзные истории вечно одинокой девчонки».

Иногда, если человек, к которому требовалось ехать, не отличался широтой взглядов, агент добавлял еще что-нибудь вроде: «Не будь слишком уж Кристин Ньюман».

И вешал трубку, а я шла на встречу и старалась быть не-слишком-Кристин-но-все-же-достаточно-Кристин. Я рассказывала свои безумные приключения в надежде, что мой собеседник увидит в них бездонный источник для множества эпизодов, не обращая внимания на то, какой ценой достался мне подобный опыт и – потому что именно так сценаристы ситкомов работают.

На моем 37-м году жизни, в сезон набора персонала, эта встреча стала особенно странной – так как одним из директоров, перед которым я должна была травить свои истории вечной одиночки, была женщина, которая через неделю собиралась выйти замуж за моего бывшего, Мэтта. Я решила просто принять данный факт и мило прочирикала ей: «Последняя моя смешная история вечной одиночки заключается в том, что теперь я рассказываю свои смешные истории невесте моего бывшего!» Она по-доброму посмеялась и обняла меня на прощание. Так можно сделать, если ты богатая женщина и ты победила.

Кроме того, в моей работе появилась еще одна печальная тенденция: люди продолжали подкидывать мне книжки, которые нужно было превратить в сценарии – с очень грустными сюжетами. Хуже всего, когда мне их передавали, начиная со слов вроде: «Кристин, у меня есть просто *идеальная* книга для тебя. Она называется *«Моя бывшая сексуальная жизнь»*».

Про женщину, которая раньше была очень горячей девчонкой, а теперь ей сорок.

Или «Годы паники».

О женщине «на неправильной стороне после 25 и без кольца».

Эту книгу мне подкинул хороший друг, продюсер, внезапно ставший счастливо одиноким 45-летним мужчиной.

– Какие мои жизненные решения заставили тебя думать, что я захочу нести подобные сообщения миру?! 25 лет? *Неправильная сторона?!* – воскликнула я.

– Ой, ладно, – ответил он, считая меня сумасшедшей.

Таким образом, я решила во что бы то ни стало сломать стереотип, – я не превращусь в грустную жалкую Бриджет Джонс, мечтающую о своем принце/бармене. Я не стану паниковать из-за своего возраста. Я буду наслаждаться своей жизнью, пока она меня не прикончит.

Через пару недель после моего возвращения из Исландии мы с Беном расстались. Он не хотел погружаться в отношения, что нам обоим было известно. Его «я люблю тебя» в этот раз произносились крайне редко, теряясь между многочисленными «конечно» и «но»: *Конечно, я люблю тебя, но...* Было очень грустно расходиться, но наше расставание стало и облегчением: я вернулась, попыталась исправить то, что разрушила, и тщетно. По крайней мере данный вопрос сомнений не вызывал – любовь ушла. Позже мы обсудим наши отношения и придем к выводу, что в первый раз разошлись из-за моей самовлюбленности, а второй раз – из-за его. Поэтому мы свели счеты, что причиняло боль, но было правильно.

В вечер, когда мы расстались, мне приснился сон. Я путешествовала по Антарктиде и чувствовала, что никогда ранее не видела ничего столь прекрасного. Во сне я по ошибке отправилась туда зимой, поэтому там было необычайно темно. Но это выглядело намного, намного красивее, чем при солнечном свете. Там повсюду жили очень добрые люди, светили волшебные небесные огни, а под ними переливался бирюзовый лед – и я поразилась тому, что такой темный и холодный край стал самым красивым местом, что я видела. Тот сон я посчитала хорошим предзнаменованием – он обещал, что мне предстоит нечто действительно прекрасное и удивительное, несмотря на тяжелое решение с Беном. Перестать идти на компромисс, встречаясь с ним, и найти что-то действительно прекрасное. И вы не поверите, но спустя три месяца после нашего расставания с Беном в Америку прилетел Отец Хуан.

Мы с ним не теряли связь, и однажды на Facebook я заметила, что он планирует поездку в Нью-Йорк. Я немедленно написала ему, что Лос-Анджелес вообще-то находится на том же

континенте, и Хуан сразу же согласился, что было бы глупо полететь так далеко и не посмотреть Калифорнию.

Он должен был находиться в городе на День благодарения, поэтому ему пришлось бы также встретиться с моей семьей. Моя семья на День благодарения – это еще и Сашина семья, поскольку, пока я развлекалась, Саша, которую моя мама называет «духовной дочерью», привечала мою семью. Саша вообще оказалась намного лучшей дочерью для моей матери в двух аспектах – праздники и внуки. На рождение первого Сашиного ребенка моя мама подарила ей крошечную кожаную курточку, которую купила несколькими годами ранее «для бабушкиного приданого». Я слишком затянула, поэтому курточка ушла Саше.

Я понятия не имела, что произойдет, когда приедет Хуан. Я даже не знала, приедет ли он как друг или как некто более значимый. Напомню, мы никогда даже не спали вместе, и последний раз я виделась с ним в Аргентине, когда у нас вообще ничего не было. С нашей первой романтической встречи в Буэнос-Айресе прошло пять лет. На всякий случай я решила подготовиться и сделала себе эпиляцию, а также постелила чистые простыни в гостевой спальне.

Я встречала Хуана в аэропорту – и, что совсем неудивительно, он выглядел великолепно после 15-часового перелета. Я, перенервничав, потащила уставшего человека осматривать достопримечательности: мы прогулялись по пляжу, оплатили дешевый тайский массаж и перекусили первыми в жизни Хуана такос с друзьями. Я заставляла его двигаться. Мы оба очень стеснялись, болтали ни о чем и держались на расстоянии. Я начала переживать – может, это все же был платонический визит, и Хуан просто хотел посмотреть город. Но после ужина мы вернулись ко мне в дом, и я собиралась занести его вещи в гостевую комнату.

«Ты знаешь, есть одна проблема с твоей комнатой, – сказала я, плетясь на кухню, чтобы глотнуть воды. – На окнах нет штор, так что по утрам солнце тут светит просто *очень* ярко. Возможно, *слишком* ярко для тебя».

Хуан улыбнулся, взял мое лицо в свои руки, и я отвела его к себе. И оказалось, что для нашей нынешней встречи этот почти-что-священник привез с собой из Южной Америки презерватив.

Остаток недели прошел в атмосфере головокружительной радости. День благодарения с моей семьей прошел очень мило и приятно. Сашина скромная, вкрадчивая мачеха отвела меня в сторонку и прошептала: «Кристин, он такой *красавчик*. От него как будто *свет* исходит».

Моя мать переживала. Она волновалась, когда пять лет назад я вернулась из Аргентины, влюбленная в Хуана, а теперь она волновалась еще больше, глядя, как я порхаю вокруг него. Моя мать, как и все, считала Хуана очень милым, но, думаю, она видела в моих глазах то же чувство, что пережила она сама 20 лет назад со своим латиноамериканским любовником Ласло. Последний вернулся обратно в свою страну, увозя вместе с собой ее сердце, а ее саму бросив в позе зародыша в Калифорнии. Из-за той ситуации мама пыталась удержать меня от генетически заложенного стремления к связям с иностранцами – чтобы я не пошла по ее дорожке. Когда мне было 16 лет, спустя некоторое время после того, как уехал Ласло, мы с мамой в 23-й раз смотрели *«Грязные танцы»*. И в конце, в моей, пожалуй, самой любимой сцене американского кино, когда все еще большеносая Дженнифер Грей спрашивает Патрика Суэйзи, на котором уже нет рубашки, потанцует ли он с ней, что он всегда соглашается сделать, – и о, о, как он это делает, – я повернулась к своей грустной матери, завернутой в огромный плед, и сказала:

«Да ладно, вряд ли что-то может быть лучше этого». Тогда моя мать сообщила мне новость, которая, по ее мнению, убережет меня от разбитого сердца и от потери того, что потеряла она: «Кристин, так хорошо никогда не получится».

После Дня благодарения я отвезла Хуана в винный край Санта-Барбару, где мы сняли комнату в домике на выходные. Там же присутствовали уже забеременевшая Паркер с мужем, Хоуп и ее новый парень (наконец-то!) и еще одна наша обычно вечно одинокая подруга-сценарист, Эрин, и ее парень (наконец-то!). Это были выходные, полные вина, дружбы и любви, и я *проводила их не в одиночестве* (наконец-то!). Мы с Хуаном пытались нагнать наши пять лет, проведенные без секса, и мы все вместе готовили, пили, катались на лошадях и танцевали в пустых салунах. Это были золотые выходные, и я ощущала абсолютное, безумное счастье.

Неделя подошла к концу, и Хуан не попытался поменять билеты, чтобы задержаться, и не спросил меня, когда мы увидимся снова. Он просто меня поцеловал, сказал, что все прошло прекрасно... и уехал.

Боже, как я грустила. Я чувствовала себя самой одинокой женщиной в мире и валялась дома. У меня по-прежнему не было работы, потому что пока я не пристроилась ни на одно шоу, а пилотная серия, которую я написала за тот год, не получила

одобрения. (Телесети покупают сотни сценариев каждый год, снимая десять или парочку, а все остальные пробуя. Очень обидно чувствовать себя сценаристом одного из сотен неснятых фильмов, пока не поймешь, что заплатят-то тебе в любом случае, и тогда уже можно просто выдавать по одному сценарию в год и спокойно отдыхать, зная, что свои деньги ты получишь. Безумный процесс, конечно, и для бизнеса, и для жизни.)

Поэтому я валялась дома. Мама звонила мне раз в день, я начинала думать о чувствах, и мне становилось только хуже. И тут женщина, которая вечно уговаривала меня не сбегать, предложила нечто прекрасное: «Детка, мне кажется, тебе нужно куда-нибудь съездить».

Я расплакалась, услышав этот совет от нее.

И решила поехать в Израиль. У меня имелась идея сценария, место действия которого разворачивалось в Израиле, поэтому мне требовалось немного разведать обстановку. Я собиралась написать драму, что-то для кабельного, про американскую диаспору в Иерусалиме, живущую обычной жизнью в центре конфликтной ситуации. Комедийные сериалы постепенно сходили на нет, и пришло время расширить мои писательские горизонты. Конечно, я не была еврейкой и не знала почти ничего о политической ситуации в Израиле. Пришлось купить компрометирующие меня книги вроде *«Научись сам! Военный конфликт на Ближнем Востоке!»* и *«Израильско-палестинский конфликт для чайников!»*. Я быстренько их прочитала, совершенно не горя желанием брать подобную литературу с собой на борт самолета, где будут настоящие жители Ближнего Востока. Я начала влюбляться в новую страну, и пока я днями напролет думала о том, что меня там ждет, настроение начало подниматься.

С собой я пригласила свою бесстрашную знакомую-путешественницу Астрид, которая ездила в одиночку даже больше моего, и мы отправились в Святую землю. Однако добраться туда оказалось непросто. Для начала две одинокие женщины должны пройти проверку безопасности.

Если вы летите в Израиль авиакомпанией «Эль Аль», то вам придется сначала пройти многоуровневый процесс собеседований, где вам присваивается рейтинг безопасности – от 1 до 7. Первый – это израильские евреи, и они быстрее всех проходят проверку контроля. 7 – это, наверное, террорист. Выяснилось, что одинокая западная женщина «определенного возраста» скорее ближе к семерке, чем к единице.

Вероятно, случались истории, когда грустные, среднего возраста одинокие женщины увлекались онлайн-отношениями с «симпатичными израильтянами», которые затем приглашали этих одиноких дам прилететь к ним в Израиль. «Просто захвати мою посылку и привези сюда, тогда наши сердца навек соединятся, как в Ветхом Завете», – обещали мужчины. Грустные одинокие женщины брали посылку, понятия не имея, что их «парни» – настоящие арабские террористы и просят свою виртуальную подругу провезти бомбу на самолете.

Короче говоря, одинокие женщины 30 с лишним лет являются угрозой национальной безопасности Государства Израиль. Присовокупите к этому тот факт, что мы с моей крошечной блондинкой Астрид обожали в одиночку отправиться куда-нибудь типа Туниса, и вот вам два часа проверок. Они отняли у нас все вещи, кроме паспортов, вернув их уже на самолете.

Вот только вернули они не все. Видимо, в процессе обыска на место забыли положить целую сумку моих вещей. Так что в Израиль я прилетела без единой майки, рубашки или кофты. Что касается Астрид, то она случайно оставила дома контактные линзы, поэтому мы были как слепой, который ведет женщину-топлесс.

Прежде чем мы уехали из Штатов, я написала следующие шесть слов на своей страничке в Facebook: «Кто-нибудь знает что-нибудь интересное в Израиле?»

В результате я получила два типа ответов. Во-первых, каждый еврейский мужчина, которого я знаю, ответил словами: «Я обожаю Израиль! Мне там впервые мастурбировала девушка!» Вторым результатом того поста на Facebook стало то, что меня представили сотне невероятных людей. Я вам скажу так: парочка людей в Голливуде знает парочку человек в Израиле.

С кем мы только ни встречались: с членом кибуца; с новообращенными американцами-хасидами; израильскими комедийными писателями; пропалестинскими европейскими дипломатами-геями (и их недавно полученным ребенком из пробирки, выношенным женщиной в Индии); израильскими летчиками-истребителями, получившими МВА в Гарварде; палестинскими лавочниками; детьми вождя бедуинов; разведенной христианской арабо-израильской парой; президентами телевизионной сети и с лауреатами Нобелевской премии. Мне кажется, что мы встретились с самыми интересными личностями Израйля, или же Израиль просто полон людей, о каждом из которых Спилберг мог бы снять фильм. В любом случае я услышала такое количество историй и пережила столько

приключений в этой стране, как ни в каком другом путешествии.

В наш первый вечер в Тель-Авиве мы с Астрид познакомились с компанией израильских комедийных писателей. Они вместе работали над сериалом *«Eretz Nehederet»* («Волшебная земля»), израильской версией *«Субботним вечером в прямом эфире»*. Выпив с этими пятью писателями, я задала им миллион вопросов о жизни, культуре и политической ситуации в их стране. Тогда я только начала понимать, что принцип «Смотря кого ты спрашиваешь» всегда будет в начале любого вопроса, который ты задаешь любому человеку в Израиле.

Писатели говорили об иудаизме, психотерапии и раздражающих требованиях сети к сценариям, а еще шутили про Холокост и ниже пояса, и жаловались на своих жен. Все это напоминало самый обычный рабочий день в Лос-Анджелесе. В группе даже существовало такое же гендерное распределение, как обычно в сценарных комнатах Голливуда: там присутствовало четверо жлововатых 30-летних мужчин и одна женщина-блондинка, которая, как выяснилось, была внучкой бывшего израильского премьер-министра Шимона Переса.

«У вас всегда так на работе? Парни и вы?» – спросила я ее.

Она улыбнулась той же улыбкой, какой улыбается каждая женщина-сценарист в Лос-Анджелесе, кивнула и пожала плечами, совсем как мы.

У Астрид в Лос-Анджелесе остался парень. Они встречались примерно полтора года, и он, по его собственному описанию, был очень красивым, всегда безупречно одетым, «денди». Кроме того, он являлся частично занятым «продюсером», и на заре их отношений он сказал ей, что не ищет ничего серьезного. Астрид ему не поверила и на тот момент занималась тем, что говорила «я люблю тебя» мужчине, который не произносил ничего подобного в ответ, поскольку боялся, что сведет женщину с ума, если не будет следовать своим обещаниям. И «я люблю тебя» было не тем обещанием, которое он хотел давать.

Бойфренд Астрид был крайне утомителен и во многих других отношениях. В тот год мы вместе ездили кататься на сноубордах, и Астрид, почти профессиональный лыжник, обычно вылетавшая на склон с первыми подъемниками, проводила полдня, успокаивая своего парня, который закатывал истерику из-за каких-либо недостатков взятого в аренду оборудования и желал купить новую куртку, другие ботинки, другую маску и так далее. В итоге она взорвалась, когда мужчина, катавшийся до этого сотни раз, протянул ей свой ски-пасс и спросил ее: «Можешь засунуть мне в карман?»

Но хотя они являлись абсолютными противоположностями, Астрид любила его. Она звонила ему из Израиля по скайпу – человеку, который продолжал уверять ее, что он совершенно не собирается съезжаться с ней, жениться или заводить детей, как будто она только о том и мечтала. И он говорил ей подобные слова два года. Она же то искала ему оправдания, то собиралась с ним порвать, то очень часто называла себя «не созданной для любви». Астрид работала юристом и умела преподнести сложившуюся ситуацию как нечто забавное, но в ее словах слышалась горечь. Это была 35-летняя, красивая, умная, много путешествовавшая, успешная женщина, с длинным списком романтических историй, где фигурировали мужчины, которые в итоге ушли.

Для нее полет на самолете тоже являлся лекарством.

Мы сняли машину и начали свой путь через пустыню, мимо верблюдов и бедуинских палаток, по Западному берегу Иордана и через «нелегальные» поселения. (Не все называют их «нелегальными», очевидно. В Израиле есть миллион вещей, на которые из-за политической ситуации можно посмотреть поразному, как, например, на «Стену безопасности», которую также называют стеной «разделения». *Смотря, кого ты спрашиваешь.*) Мы красили губы на подъезде к каждому военному проверочному пункту, каждый из которых был набит молодыми, подтянутыми загорелыми солдатами. Господи, оливковая форма выглядит великолепно на еврейских мужчинах. Мы фотографировали почти каждый указатель, который проезжали – Вифлеем! Назарет! Содом! И Гоморра! Места, кажущиеся настолько мифическими, но нет, вот же они, полные жизни и алкогольных магазинов, церквей, и мечетей, и храмов. По Полю пастухов все еще бродят овцы, но там же, через улицу, есть кофейня Stars and Bucks. Рядом с Базиликой Рождества Христова затесалась тату-студия.

Мы съездили на Мертвое море, купаться в нем намного смешнее, чем вы думаете, и, кстати, намного уродливее. На воде реально можно уснуть, но вот обстановка там довольно странная. Большинство персонала отелей на берегу Мертвого моря не говорят даже на иврите или английском, только на русском, потому что к его водам едут толпы туристов из стран СНГ. Они полностью намазывают свои тела черной грязью и запекаются на солнце рядом с самым соленым морем в мире, обычно покуривая сигаретку.

Помните Посто Нове в Бразилии? Мертвое море – это его полная противоположность.

Проведя день на пляже, мы поехали дальше и погрузились в самое чистое бирюзовое море (его почему-то называют Красным), в котором я когда-либо плавала, и парочку часов повалялись на пляже с Ави, голубоглазым израильянином, встреченным мною несколькими годами ранее в Патагонии. С последней нашей встречи он объехал почти весь мир, успел пожить в Нью-Йорке, продавая продукты Мертвого моря. Мы вместе плавали в лазурных водах вслед за радужными рыбками, а затем он довез нас до границы и помахал на прощание, пока мы шли к контрольному пункту на границе с Иорданией.

Эйлат, Израиль-> Вади-Муса, Иордания

Мы собирались провести в Иордании три дня, потому что хотели посмотреть Петру. Возможно, вы знаете, Петра – это розовые каменные руины, которые показывают в фильме *«Индиана Джонс и последний крестовый поход»*.

Мы шли, потом ехали на лошадях и, наконец, на верблюдах километры вдоль жарких, из розового камня стен каньона, из которых были вырезаны богато декорированные фасады роскошного древнего города. Бедуины – кочевые племена – все еще встречаются в пещерах Петры, и многие из них открыли там свои кафе и магазинчики или предлагают прогулки на верблюде, осле или лошади. В конце пути мы остановились, чтобы выпить холодного чая в маленьком кафе внутри пещеры, прямо напротив одного из храмов, и познакомились там с несколькими мужчинами из этих племен. Среди них был один невероятно сексуальный тип с подведенными черными глазами, весь в белом: он лежал на ковре и разговаривал по телефону. Выяснилось, что он – сын одного из бедуинских вождей, а у его отца всего 18 детей и две жены. Этот красавец был шестнадцатым или семнадцатым ребенком от второй жены.

Мы поболтали с ним и его друзьями, которые все хотели убедиться, что мы понимаем: бедуины – последние свободные мужчины. Они отдыхают где захотят и идут куда захотят, свободные от «домов» и «обязательств».

«Итак, где же ты спал прошлой ночью?» – спросила я сына вождя.

Он показал рукой на холм, где располагалась небольшая деревня с бетонными домами, оснащенными спутниковыми тарелками на крышах. «Там дом моей мамы». Последние свободные мужчины со спутниковыми тарелками желали много чего рассказать. Например, историю об одном их кузене, живущем теперь с итальянкой, которую он встретил, когда она приехала посмотреть Петру, *совсем как мы*. На момент их

знакомства (кузена и итальянки) – ему было 18, а ей – 50, сейчас же они женаты и живут в ее доме в Италии.

– Это была настоящая любовь, – сказали нам бедуины.

– Ладно, если в 50 мы все еще будем одиноки, приедем сюда и возьмем себе по одному, – сказала мне Астрид.

Бедуинским парням не понравились наши шуточки над настоящей любовью. Они спросили, видели ли мы книгу, продающуюся во многих пещерных магазинчиках Петры. Она называется *«Я вышла замуж за бедуина»* и представляет собой мемуары новозеландской медсестры, которая приехала в Петру в 70-х годах, познакомилась здесь с горячим бедуином с черной подводкой на глазах, приняла ислам, стала одной из его жен, нарожала ему детей и никогда с ним не расставалась. Мужчинам в Петре очень, очень важно, чтобы вы знали эту историю.

«Почему бы вам не переночевать сегодня с нами под открытым небом? – предложили они. – Мы приготовим вам настоящий бедуинский ужин и будем спать, как в старину. А если у нас появится желание, мы дадим ему волю, если же нет – просто выпьемся».

Переночевать на природе с горячим молодым мужчиной в белой одежде было очень соблазнительно, особенно когда мы узнали, что верблюжье молоко также называют «виагрой бедуинов». И тем не менее мы решили, что это плохая идея. (Ладно, я все-таки хотела ее воплотить. Но у Астрид болела голова, а отправляться одной в пустыню, на ночь, с заряженными верблюжьим молоком бедуинами чересчур даже для меня.) Мы сумели уговорить нашего бедуинского принца собрать свои юбки и помочь нам взобраться на скалы, чтобы прогуляться по храмам, до которых никто обычно не добирается. И пока принц карабкался наверх впереди нас, горячий пустынный ветер раздувал его одежду.

Такое зрелище просто не могло оставить нас равнодушными.

Вади-Муса, Иордания -> Иерусалим, Израиль

Я не религиозный человек, но я считаю, что Иерусалим является самым важным местом на планете. Вам не нужно верить в Бога, чтобы оно вас тронуло, когда вы стоите на этой земле, где каждый камень кровоточит и где люди трех основных религий выходят из автобусов каждую минуту каждого дня, чтобы поклониться ей, избранной, согласно их вере, Богом. Город сочится энергией, которой его питают. Я поговорила примерно с сотней человек о том, кому принадлежит право на этот город, но время, проведенное там, абсолютно убедило меня: Иерусалим принадлежит миру. Не израильтянам, не палестинцам. Так же,

как Ватикан – не часть Италии, он не должен считаться частью какого-либо государства.

Как бы то ни было, в Иерусалиме я провела самые интересные сутки за всю свою жизнь. План был следующий: у Саши имелся израильский гид-кузен по имени Омри, который взялся провести нам экскурсию по городу. Он провел полжизни, возя израильтян на экскурсии по миру, а вторую половину – водя иностранцев по Израилю. Омри верил в двустороннее разрешение израильско-палестинского кризиса. И мы рассчитывали, что с этой точки зрения он просветит нас и об истории Иерусалима. Проведя день с ним, мы собирались далее отправиться на пятничный ужин в знакомую ортодоксальную семью нашего калифорнийского друга, которая жила в еврейском квартале Старого города. Затем в субботу, когда весь город закрыт из-за Шаббата, мы предполагали пообедать вместе с другом моего детства и его парнем – аргентинским дипломатом, а также с еще несколькими европейскими дипломатами нетрадиционной ориентации, которые работали на свои страны, осуществляя гуманитарные проекты в регионе.

Поэтому мы планировали провести 24 часа, слушая самые разные точки зрения. *Смотря, кого спрашиваешь*, так ведь? Мы спросили всех. Самое прекрасное – они все ответили. Израильтяне ненавидят обмен любезностями или разговоры ни о чем. Они любят прямые вопросы и всегда дадут вам прямой ответ. Они умеют смеяться над непростыми вещами. Последнее как раз по моей части. У вас никогда не будет лучших разговоров, чем в Израиле. Мне даже захотелось туда переехать.

Омри начал наш день, отведя нас на вершину Елеонской горы, чтобы мы могли взглянуть на весь Старый город. Здесь расположены тысячи могил, потому что считается, что это место, через которое пройдет Мессия, когда вернется (или когда он покажется в первый раз, смотря, кого вы спрашиваете). Неудивительно, что все хотят быть похороненными там, где их вернут к жизни. По этой горе ходил Иисус, и здесь он провел много времени в последнюю неделю своей жизни.

Омри решил начать день с Елеонской горы не просто так: он хотел дать нам представление об истории города, а его история тесно переплеталась с географией, очень хорошо просматривающейся именно отсюда.

«Видите углубление там, с деревьями?» – спросил Омри, указывая пальцем.

Мы видели.

«Это естественный источник. Люди изначально поселились здесь из-за него, около воды. Рядом они построили свой храм. В

римские времена храмы возводились в самом высоком месте над источником воды».

Храмовая гора и правда являлась самой высокой точкой над источником воды.

«Итак, это было самое важное место в городе. На него поднимался Авраам, когда Бог повелел ему убить сына. Отсюда Мухаммед вознесся в рай. Теперь там должен стоять иудейский храм, или Мессия не придет, и так далее, и так далее», – закончил Омри.

Столько конфликтов и все из-за географии.

В Иерусалиме есть закон, что все здания должны строиться из кремowego иерусалимского камня, который использовался при строительстве древнего города. Поэтому весь город очень светлый и меняет цвет на рассвете и на закате. Посреди всей этой белизны есть одна выделяющаяся постройка – голубая с золотым мечеть на Храмовой горе, пожалуй, самое спорное здание в мире. Окруженная белым израильским камнем, она выглядит фантастично. На мой взгляд, если бы конфликтующие стороны могли просто сосредоточиться на наслаждении красотой двух культур, которые соединяются в этом городе, а также на их общей любви к хумусу, все можно было бы решить.

Мы продолжили прогулку по городу, проходя по остановкам паломнического крестового хода. Омри поведал нам о своем взгляде на события, происходящие в городе. И он рассказывал потрясающие истории: например, о лестнице, которую оставили на крыше Храма Гроба Господня, стоящего на месте, где был распят Иисус. Каждая ветвь христианской церкви считает себя причастной к этому храму, и они яростно спорят, кто какую ступеньку у входа в него будет подметать. Ключи от самого священного в христианском мире храма хранятся у мусульманской семьи на этой же улице, потому что ни одна из христианских конфессий не может вынести того факта, что они будут у другой христианской конфессии. А история с лестницей следующая: однажды оставили на крыше здания, и ни одна из ветвей церкви не взяла на себя ответственность за это. Таким образом, лестница простояла на крыше здания *шестьдесят лет*.

Мне очень понравился тот день. Я всегда говорю, что мне нужно путешествовать, чтобы не умереть от скуки наедине со своим внутренним монологом. Думаю, что в целом у большинства из нас есть примерно 20 основных мыслей. И мы просто возвращаемся к ним снова и снова, меняя их местами, день за днем. Возможно, у вас иначе, но мой набор мыслей включает в себя: «Я должна

позвонить маме», «Я хорошо делаю свою работу?», «Почему у меня все еще прыщики на шее?» «Почему я не соберусь и не позвоню маме или уже не откажусь от этого, ведь все лучше, чем тратить энергию на чувство вины за то, что я ей не звоню?» И так далее.

Да, если я не уезжаю из города, я думаю об этом. Подобные размышления согревают меня по ночам. И ради всего святого, конечно, они мне надоедают.

Но в путешествии мы вынуждены думать о чем-то новом. «Данная улица безопасна?» «Правильный ли автобус подошел?» «Было ли это мясо когда-то домашним питомцем?» Сам ход мыслей не так уж и важен, просто приятно разнообразие. И оно хорошо мобилизует мозг. Я словно ощущаю рождение новых нейронных связей: когда нужно решать новые проблемы, я снова мыслю очень быстро, как в детстве. Даже процесс знакомства с Израилем, один мой день в Иерусалиме встряхнул мою голову лучше, чем все остальные посещенные мною места. Я люблю Иерусалим именно за это.

После дня с Омри мы отправились домой и переоделись для нашего ужина с ортодоксальной семьей моего друга. Тесные колготки, длинные юбки, черные кофты с длинными рукавами; мы сделали приличные прически и постарались превратить себя в воплощение скромности.

По дороге на ужин мы остановились у Стены Плача – в 6.52 должен был начаться закат. По пятницам это прекрасное зрелище. Женщины молятся на одной стороне, мужчины на другой, женщины тянут руки через стены своим сыновьям. Звуки раздаются невероятные. Тысячи людских голосов соединяются в молитве и песне, и над всем этим раздается совсем другая музыка Старого города Иерусалима – арабские свадьбы.

Мы с Астрид поместили в стену небольшие записочки с желаниями и присоединились к стихийному закатному параду на древних каменных ступенях еврейского квартала. Мы находились в самом священном месте еврейского мира. В священный вечер недели. Со всех сторон – черные костюмы и ермолки. Но где-то на полпути незнакомая женщина похлопала Астрид по плечу и указала на зад моей подруги. И тут мы поняли, что с каждым шагом Астрид ее синтетическая юбка задиралась все выше и выше – до самых ягодич. Поэтому тысячи ортодоксальных евреев, которым нельзя даже жать женщине руку, наблюдали затаенные в стринги булки моей подруги.

В общем, мы пытались.

Когда Астрид наладила ситуацию с юбкой, мы отправились по каменным улочкам домой к Рейчел, кухне моего калифорнийского друга. Мы зашли к ним в дом, и я, совершенно обо всем позабыв, решила пожать руку ее мужу... которому, конечно, нельзя трогать женщин. Он ухмыльнулся и сказал с необычным русским акцентом: «Я не могу пожать вам руку, но мы очень рады вас видеть».

Рейчел выросла в светской еврейской семье в Индиане, но к 20 годам стала очень религиозной. В йешиве (религиозной школе) в Нью-Йорке она познакомилась с русским мужчиной, живущим в Канаде. Во взрослом возрасте он принял иудаизм. Они несколько раз встретились, решили пожениться и переехать в Иерусалим, где у них родилось «всего» пятеро детей. Для нас с Астрид такая жизнь выглядела довольно безумно... однако эта семья казалась по-настоящему счастливой, они много смеялись и заканчивали друг за друга предложения.

– Он не побоялся пообещать что-то женщине, – отметила Астрид.

– Они так быстро сошлись, что времени на список «за и против» просто не осталось, – сказала я. – Не самый плохой ход.

И еще больше нас удивило то, что Рейчел, в прошлом журналист, написала книгу о еврейских законах, утверждающих место женщины в доме, сексе и в браке. Она часто консультировала женщин по сексуальным вопросам. Муж Рейчел научил ее нескольким техникам для этой цели, поэтому она была эдаким психотерапевтом, развивающим терапию, которая включала в себя как современные психотерапевтические техники и гипноз, так и анализ прошлых жизней. В их маленькой квартирке было изображено несколько радужных водоворотов, которые нарисовали разные люди, пытаясь показать, как выглядела их прошлая жизнь. Все они смотрелись почти одинаково.

Муж Рейчел проводит подобную терапию со многими людьми, иногда по скайпу, сидя в своей черной шапочке и с длинной бородой в своем маленьком каменном домике в Иерусалиме. Я спросила, может ли он применить ее и в моем случае.

– Да, конечно, это намного проще сделать с неевреями, – ответил он.

– Почему же?

– У вас не столь много комплексов. Евреи, проходя регрессионную терапию, хотят измениться, но сотни правил, которым мы должны следовать каждый день, остаются. Таким образом, достичь реального роста и перемен становится очень

сложно. Нерелигиозным это дается проще, – пояснил мой собеседник.

Что мне, кстати говоря, нравится в евреях и их церкви – они не пытаются заставить вас примкнуть к ним. Ты или с ними, или нет, что я очень ценю.

Но надо признаться, гуляя по ортодоксальным кварталам Иерусалима, я по-новому взглянула на Иисуса. Даже мне, неверующей, оказалось внезапно очень легко представить, каково было быть евреем в начале первого тысячелетия и соблюдать сотни законов и ограничений, за нарушение которых тебя, скажем, могли закидать камнями. И вот приходит великолепно выглядящий хиппи-раввин в сандалиях и говорит: «Просто любите своего ближнего, прощайте и забываете, и вы уже хорошие». Неудивительно, что его послание произвело такой фурор. Как сказал мне хасидский гипнотизер-психотерапевт, ортодоксальным иудеем быть тяжело.

В тот пятничный вечер к семье Рейчел заглянуло множество друзей. Я думала, что попаду на серьезное мероприятие, с молитвами, святостью и прочим. Но ужин оказался очень теплым и шумным. Психотерапевт помолился, мы разложили еду, рассказывали истории, с улицы играла арабская музыка со свадьбы, из окна виднелась Храмовая гора. 13-летний сын Рейчел радостно объяснял причины всех их ритуалов:

«Слушайте, мы моем руки три раза в день, потому что люди, мывшие руки раз в день, все умерли от чумы. И знаете что – мы-то еще живы».

Хозяйка сидела на одном конце стола, хозяин – на другом, и кроме нас, там присутствовало еще несколько иностранцев, не знакомых с этой семьей. Оказалось, что последняя часто принимает гостей, рассказывая посторонним людям, что такое ужин перед Шаббатом, и все очень веселы и милы друг с другом. Там были три 20-летние девочки, которые выросли в нерелигиозных американских семьях, но приняли веру, приехали в Израиль и из-за этого разошлись со своими родными. Эта семья принимала их сегодня.

Рейчел показала мне свою книгу о чистоте семьи для ортодоксальных евреек и сказала, что многие женщины за ужинами стараются подсесть к ней поближе, чтобы задать вопрос только об одном – о сексе. Поэтому я тоже подсела к ней поближе, и пока ее супруг рассуждал о Торе на мужской половине стола, и попросила рассказать ее о любви и сексе. Я поведала ей о своей жизни, о странных списках «за и против», которые все время мысленно составляла (а иногда и писала) относительно

всех мужчин, с кем я встречалась, и спросила, что ортодоксальное сообщество думает об этом.

Рейчел ответила мне, что у них принято встречаться только с намерением жениться, и, следовательно, в их отношениях с самого начала нет недосказанности. Вы не сидите молча рядышком в кино, думая, сможете ли снять со своего спутника его ужасную рубашку. Вы задаете вопросы. И с первого свидания вы фокусируетесь всего на трех вопросах:

Мы хотим одного и того же от жизни?

Мы помогаем друг другу стать лучше?

Мы нравимся друг другу?

И все. В таком порядке. Нельзя выйти за кого-то просто потому, что он тебе нравится, это третий пункт в списке. И Рейчел сказала, что, поскольку вы не сближаетесь физически, а это «изматывает тебя эмоционально настолько, что ты не знаешь, правильно все или нет», вопрос очень быстро решается. Часто вас знакомят друзья или профессиональная сваха, так что ты многое узнаешь о потенциальном партнере еще до встречи с ним, расспрашивая его раввина и соседей, учителей и друзей – узнавая все. И затем, если он кажется тебе привлекательным и вспыхивает искра, то ты уже знаешь к тому моменту, что он хороший, надежный человек.

«Иначе же получается, что ты прыгаешь в постель с симпатичным парнем, с которым познакомилась на вечеринке, а на следующий день вдруг узнаешь, что для него главное – деньги, а для тебя – спасение мира, но так как ты смешиваешь в одно его взгляды и секс, то продолжаешь встречаться с ним, несмотря ни на что, год или два, прежде чем расстанешься, поскольку для него главное – деньги», – объяснила Рейчел.

Мы с Астрид переглянулись, кивая.

Я спросила ее о любви, ведь если вы женитесь спустя несколько свиданий после первой встречи, ты определенно еще не любишь человека. Ты лишь делаешь ставку, что когда-нибудь полюбишь. Я рассказала ей, как всю свою взрослую жизнь говорила себе: *Я не ищу конкретного человека, я ищу конкретное чувство. Я хотела почувствовать, что поднимаюсь до небес от любви к кому-то. Я думала, что без труда пойму, что это правильный человек. Поэтому меня поразила идея, что пары обещают друг другу прожить жизнь вместе до того, как узнают друг друга поближе и поймут, смогут ли любить друг друга.*

«В иудаизме ты учишься любить кого-то, отдавая, – ответила Рейчел. – Чем больше ты даешь человеку, тем больше ты в итоге его полюбишь. Если любовь – всего лишь чувство, а чувства меняются, тогда что? Любовь должна быть чем-то, что ты сама

решила создать».

Еще она говорила о том, почему, на ее взгляд, процент счастливых браков выше в религиозных парах, чем в нерелигиозных: первым необходимо соблюдать столько правил, что это заставляет их действительно работать над своим браком. Начнем с того, что иудеи *должны* всю жизнь стремиться стать лучше, чтобы приблизиться к Богу настолько, насколько это возможно. И кроме того, мужчины *обязаны* удовлетворять своих жен сексуально. Таково повеление главных мудрецов. И еще они говорят, что мужчины *должны* удовлетворить своих жен до того, как получают удовлетворение сами. Кроме того, ты *не можешь* плохо говорить о своем супруге. Вы *обязаны* относиться друг к другу по-доброму, и вы *обязаны* помогать своей женщине, и вы *не можете* ругаться друг на друга, даже в компании своих друзей за бокалом вина. *Бог это запрещает.*

«Кроме того, мужчинам не позволено дотрагиваться до нас две недели в месяц, так что, когда у вас есть всего две недели в одной постели, это всегда прекрасно, – добавила она. – А другие две недели ты должен найти способ быть близким не в сексуальном смысле, что тоже очень важно».

Все услышанное от нее было невероятно интересным. И потом, когда я рассказала о своем двойственном отношении к браку в основном из-за страха потерять свободу, Рейчел сказала нечто поистине удивительное:

«Глубокое ощущение единства, которое возникает, когда ты заканчиваешь работать на себя и начинаешь работать над браком, не отнимает твою независимость. Оно освобождает тебя и позволяет быть тем человеком, каким ты являешься на самом деле. Оно стирает все эгоистичное и позволяет твоей душе сиять».

Мне безумно нравится эта женщина, но моим любимым человеком за столом была ее 15-летняя дочь. Она являлась волонтером, оказывающим первую помощь, – что важно в городе с такими узкими улочками, где не может проехать «Скорая», – и собиралась стать медсестрой однажды. Но у нее имелось хобби, которое она обожала, – бокс. Вот уж действительно неожиданно.

– Ты боксируешь с девочками? Мальчикам ведь нельзя тебя трогать, правильно? – спросила я у нее.

– Я занимаюсь с нерелигиозными мальчиками. Я получила разрешение от раввина, – объяснила она просто.

Оказалось, что дочь Рейчел в своей длинной юбке занимается с мальчиками пять дней в неделю по четыре часа в день, и ей преподает 60-летний тренер, которого она обожает, как отца. Я

поразила этой девочке – она была задиристой, и умной, и опасной.

«Ты – девчонка на миллион шекелей!» – сказала я ей в восхищении.

Два года спустя, в 17 лет, она вышла замуж, как и планировала. Ее мужем стал парень на 8 лет старше, которого семья Рейчел буквально усыновила, поскольку он был единственным ребенком в нерелигиозной семье. Он являлся завсегдатаем на их пятничных ужинах больше года, прежде чем начать встречаться с их дочерью. Молодой человек полагал, что его избранница старше, она думала, что он младше, но семья любила его, и мне рассказывали, что они все очень счастливы. Практически сразу у них родилась первая дочка. Девчонка на миллион шекелей больше не боксирует.

Теперь вопрос: хотела бы я выйти замуж в 17 лет? Надеюсь ли я, что моя дочь выйдет замуж в таком возрасте? Конечно, нет. Но эти женщины определенно обладали гораздо большим внутренним спокойствием, нежели я или Астрид. И глядя на их счастливые браки, которые начались не с этого «чувства», приходившего, видимо, с годами и расцветавшего столь пышно... я недоумевала.

Я могла бы писать об Израиле вечно. Я даже снова отправилась туда через три недели после возвращения, в бесплатную поездку, которую мне чудесным образом предложили во время первого визита. В обмен на нее я выступила на кинофестивале, рассказала израильским студентам-киношникам о том, как пишутся сценарии ситкомов, помогла им написать несколько шуток на занятии языком. Тогда была тяжелая ситуация с турецким флотом, поэтому когда меня представляли на фестивале, аудитории также объяснили, где находится ближайшее бомбоубежище. Израильские комедийные писатели, несмотря на нестабильное положение в стране, ехали целый час, чтобы послушать меня. Израильцы как никто умеют ценить момент и закрывать глаза на возможную катастрофу. По статистике, они одни из самых счастливых народов в мире – что, как мне кажется, тесно связано.

Во второе мое посещение мне пришлось уехать на неделю раньше, чем я планировала, потому что я получила работу над сериалом «Чак», совершенно новом типе шоу для меня. На интервью я много говорила об Израиле, о Моссаде (а «Чак» – это сериал о международном шпионаже) и обо всем, что я узнала от людей, которых встретила в этой стране. Таким образом, я получила работу частично из-за новых историй, с которыми я

вернулась из Израиля.

Аргентина оказалась первой страной, которая изменила мою жизнь. Она навсегда останется для меня особенной, потому что была первой, но Израиль напомнил мне, что в мире есть еще тысячи удивительных мест. И знакомство с ними всегда поможет мне избавиться от грусти. Последние полтора года, вялые в карьерном плане, были лучшими с точки зрения путешествий: шесть недель в Новой Зеландии, три в Австралии, одна в Исландии, одна в Шамони, три в Израиле. Комедия умерла, но мои планы относительно поездок только росли. Израиль встряхнул меня и вернул интерес к жизни.

Ну а тогда, в своей первой израильской поездке, поменяла ли я билеты, как обычно, и осталась ли еще на неделю после отъезда Астрид? Конечно. Действительно ли прошло меньше 24 часов после вылета ее самолета, когда я уже спала с израильским солдатом и барменом по имени Инон? Да. Представился ли он, протянув мне руку через стойку своего кошерного бара и сказав: «Меня зовут ИН. ОН»? Да. Кончил ли он *внутри* меня, пока я сидела на его кухне? Да. Слушайте, если вы еще не поняли, я хочу сказать: ты познакомишься с людьми намного быстрее в одиночестве. Но в данной поездке парни были лишь сноской в конце текста.

Глава 12

Мой пароль – имя кота, а его – Бог

Международный аэропорт Лос-Анджелеса -> Международный аэропорт Рафаэль Нуньес -> Международный аэропорт Эсейсы, Буэнос-Айрес

Отправление: 2 апреля, 2011

Есть особый медицинский термин – иерусалимский синдром. Каждый год он затрагивает сотни людей, отправляющихся в Израиль и там настолько съезжающих на почве религии, что им кажется, будто с ними говорит Бог или что они сами – Мессии. В психиатрической клинике в Иерусалиме имеется специальное крыло, которое помогает таким людям. Я общалась с работающим там психиатром и спросила ее, как их лечат.

«Если в клинике находится больше одного такого пациента одновременно, – ответила она мне, – то лучший способ привести их в чувство – представить друг другу».

Мне очень нравится рисовавшаяся картина: один парень, уверенный, что он Мессия, и *второй* парень, уверенный, что он Мессия, встречаются и сразу такие – «Ой. Ладно, этот чувак кажется сумасшедшим. Забудьте».

Я пережила подобное на одной квартирной вечеринке в Лос-Анджелесе. Мы с Хоуп, держа в руках красные пластиковые стаканчики с разливным пивом, начали танцевать, параллельно сканируя комнату на предмет симпатичных парней. И тут я бросила взгляд на свою тридцати-кхм-летнюю танцующую подругу: я видела, как она делает это уже несколько десятилетий, и поразилась.

«Мы ведь *реально* уже давно танцуем».

Переварив эту мысль, мы долго истерически смеялись, хотя нам было особо не до смеха. Я и мои друзья оказались уже слишком стары для таких развлечений.

Кроме того, я, как и Астрид, стала замечать, что многие мои красивые, умные, много путешествовавшие подруги, готовые наконец-то выйти замуж и завести детей, начинали встречаться с красивыми молодыми мужчинами, которые практически сразу предупреждали их о своем нежелании брать на себя обязательства. Мои подруги игнорировали их слова, после чего отношения в конце концов распадались. С другой стороны, такие женщины пропускали свидания с достойными, но не столь милыми и доступными мужчинами.

Наблюдать такие примеры, словно смотреться в зеркале...

Это будоражило меня. *Ой, ладно, звучит безумно. Не будем углубляться.*

Новый, 2011 год я встретила в Шамони, в великолепном шале, полном комиков. Мы находились в очаровательной, волшебной, сказочной европейской стране, а вокруг меня находились очень *громкие* комики. Очень. Не представляете, сколько шуток им требовалось ежедневно и ежечасно шутить. Просто какие-то Олимпийские игры по хохмам ниже пояса. Посмеяться было над чем, но все же чувствовался перебор, в результате чего я решила, что чувство юмора уж точно больше не приоритет для меня в потенциальном мужчине. Возможно, даже к лучшему, если бы оно отсутствовало. *Интересный, остроумный* и, главное, *спокойный* – вот мои требования на тот момент. Также я не хотела следовать Сашиному совету и прочитать книгу, которую она рекомендовала, – «Выйди замуж: как найти Мистера Достаточно хорош». Это, и я думаю, все со мной согласятся, самый депрессивный совет для любой женщины. Однажды я видела выступление автора книги, и вот ее история: она была привлекательной женщиной, которая могла выбрать любого мужчину. Но ни один из кавалеров не оказался «достаточно хорошим». Ей стукнуло 40, выбирать уже стало не из кого, и она забеременела, прибегнув к помощи банка спермы. Автор жалела, что не остепенилась раньше, поскольку теперь ее возраст делал ее неконкурентоспособной даже на рынке приемлемых мужчин.

Она утверждает, что 30-летние женщины, которые говорят, что они не волнуются о замужестве, – врут. Ее главный посыл: *остепенитесь, пока вы еще достаточно молоды, чтобы оказаться рядом с кем-то хорошим.*

Убейте меня. И пожалуйста, кто-нибудь, помогите этой женщине повеселиться.

Таким образом, я искала третий вариант.

Он заключался в том, чтобы потратить время на поиски, поэтому я решила заморозить яйцеклетки. Расскажу немного подробнее: еще очень давно я поняла, что обожаю каждого малыша, который попадает в радиус трех метров от меня. (Кроме заноз в заднице.) Я была в родовой палате вместе с Сашей в тот год и провела всю следующую неделю, мечтая наяву о маленькой девочке, как раньше я мечтала бы о новом парне. Невероятная влюбленность, которая сразу же накрыла меня рядом с этим ребенком, научила меня, что я не обязательно должна быть генетически связана с крошечным человеком, чтобы любить его. И в итоге я расслабилась насчет биологического возраста, осознав, что с радостью возьму приемного ребенка, если мои яичники

решат уйти на пенсию и переехать во Флориду. (Так и представляю себе свои бросившие дела яичники: они едут по побережью в огромном «Кадиллаке» и грозят своими маленькими яичниковыми кулачками проезжающим мимо сумасшедшим молодым мотоциклистам. И... снято.)

Тем не менее потом я поняла, что не всякий мужчина будет рад приемным детям. Поэтому засунуть немного яйцеклеток в холодильник, возможно, не являлось залогом счастливой жизни для меня, но это представлялось отличным вариантом для мужчины, с которым я когда-нибудь остепенюсь. Я определенно не хотела потратить время на поиск идеального человека, а потом ринуться делать детей только из-за того, что часики тикают. Мне приходилось наблюдать много в прошлом разборчивых и вдумчивых людей, которые теряли голову и на исходе четвертого десятка отчаянно бросались в новые и возможно-ведущие-к-новой-жизни отношения. Помня о них, я решила заморозить яйцеклетки – как женщина нового тысячелетия, способная сама о себе позаботиться.

Моя мать была *счастлива*. Она плакала, и смеялась, и хлопала в ладоши, словно я сказала ей, что беременна. Для нее стало таким облегчением узнать, что я, как обычный человек, по крайней мере *планирую* ребенка. (Мой отчим, доктор, годами нередко принимал мои звонки с просьбой выписать противозачаточные. И нередко я слышала, как моя мать кричала на заднем плане: «Не давай их ей!» Эта женщина очень, очень хотела, чтобы я забеременела.) Вот почему она подбадривала меня, когда я запустила свой маленький эксперимент над собой, вкалывая в свое тело разные лекарства, в результате чего у меня начала расти грудь – казалось, что из нее можно накормить целый вагон метро. На следующий день после сдачи яйцеклеток мама поймала меня со списком из 15 имен – одно для каждой сданной яйцеклетки.

Конечно же, прямо как в фильме с Джей Ло, как только я начала колоть эти инъекции, я познакомилась с парнем. Мне встретился угрюмый чувствительный ТВ-редактор с красивыми ресницами, который держал меня в напряжении, потому что в течение нескольких месяцев я постепенно узнала о нем три вещи:

1. Он снимал документальный фильм о секс-коммуне в Сан-Франциско в рамках своего «исследования, есть ли в моногамии смысл или нет».

2. Он изменял своей бывшей жене, которую, как выяснилось, я уже встречала до этого.

3. Он заявил, что готов перестать встречаться с другими людьми, месяцы спустя после того, как я уже была уверена, что

мы перестали встречаться с другими людьми.

Но я отбросила все вышеперечисленные знаки и продолжала двигаться вперед. Я была крошечной машинкой, которая не обращала внимания на огромные сигнальные красные флаги.

Однако, повествуя о заморозке яйцеклеток, я забежала вперед. Что привело к странным дням, когда с утра я колола в живот лекарства от бесплодия, а вечером занималась сексом со своим парнем – в презервативе? *Может ли быть путь проще?* – спросила бы себя современная девушка. В конце концов, когда мне из-за процедуры понадобился перерыв в сексе на пару недель, я сказала ему, что делаю. Он отреагировал спокойно.

«Как круто. Это прямо противоположно тому, что я обычно слышу от женщин твоего возраста. Это значит, что ты не торопишься».

Однако загадочным образом услышанные новости заставили моего парня, который совершенно не торопился, внезапно просто обезуметь от желания отказаться от презервативов. Я думаю, что его опьяняли мои фертильные феромоны.

В итоге я обзавелась несколькими потенциальными эмбрионами, лежащими в холодильнике. (Доктор сказал, что у меня «прекрасные данные» и что, *если бы я была моложе*, я могла бы стать «донором яичников».) В любом случае я считала, что жизнь моя идет прекрасно, пока однажды вечером, пару месяцев спустя, не поговорила со своим редактором.

Мы сидели в ванной на двоих, которую я купила из оптимистичного настроения «если купить такую, он обязательно появится». Потом я год сидела в ней одна, пока не нашла того, кому нравились ванны. Атмосфера у нас тогда была соответствующая: пена, свечи, розовые лепестки и вино. Мы забрались в ванную, поболтали о том о сем, я потеряла ему пяточки, и он сказал мне, что весь день слушал песню, которая заставила его думать обо мне. «Ооооооу», – произнесла я, абсолютно голая. Но он продолжил.

Песня называлась «Проклятье». Оооооу? Она была о зомби, который возвращается к жизни, когда влюбляется в красивую девушку. Некоторое время они идут по земле вместе, живые и влюбленные, но в итоге выясняется, что вся его живость является просто проявлением его природы зомби, и в итоге он высасывает жизненную силу из девушки. Она начинает увядать, сереет на глазах и в итоге ложится в кровать, став пустой оболочкой прошлой себя. Он бросает ее и начинает встречаться с другой живой женщиной.

Я встала, вылезла из ванной, такой голой я еще никогда не была, сняла с себя лепестки роз – и мы расстались. На следующее утро я проснулась с мыслью «Черт, я опять одинока», прошла в ванную и обнаружила, что она забилась лепестками. Все. Вечеринка закончилась.

И я написала Отцу Хуану.

После его визита в прошлом году мы с ним оставались на связи. Он даже пригласил меня провести время в Патагонии с его семьей (!!!!) за пару месяцев до разрыва в ванной, но у меня на тот момент были высасывающий жизнь парень и работа. Я по-настоящему радовалась своей работе, которая не позволила мне слишком долго задаваться вопросом, что было бы, если бы между мной и поездкой с Хуаном и его семьей в великолепную Патагонию не стоял этот чертов полигамный любитель ванн.

Как бы то ни было, после моего разрыва с последним прошло несколько месяцев. Они были наполнены заигрывающей перепиской с Хуаном и созданием сценария о странном шпионе с суперкомпьютером в голове, а также моей ежегодной, уже не подобающей мне по возрасту Рождественской поездкой на заднем сиденье автомобиля мамино мужа с подушкой и одеяльцем. И вот после всего перечисленного, поскольку я очень, очень заслуживала этого, мать-природа сделала мне подарок:

RE: КОЛУМБИЯ????

Ола, Пульпа!!!!!!! Я один еду в Колумбию пофотографировать..... Может, ты можешь поехать???????????????????? Будет время узнать друг друга лучше.....

Бесо муй гранде,
Дульче де лече!!!

Можно подумать, что фильм *«Роман с камнем»* неплохо на меня повлиял. Сексуальный Майкл Дуглас с его шляпой и его улыбкой, отламывающий каблуки Кэтлин Тернер, борющийся с партизанами и крокодилами, а потом танцующий с ней во дворе дома... И наконец, целующий ее в своей белой рубашке и идущий с ней по улицам Нью-Йорка, чтобы жить долго и счастливо... Да, он пьянит... но такого не бывает. Однако именно этого я ждала от своих колумбийских приключений с Хуаном.

Я перестала есть. Я сделала эпиляцию всего. Каждый рабочий день вместо обеда я бегала в спортзал. Я

слушала уроки испанского в машине. Я купила много белых рубашек и украшение из бирюзы, которое, как я надеялась, будет сиять на золотистой коже. Я нарастила ресницы, чтобы выглядеть как модель в экстренных случаях вроде купания в океане. Я купила сексуальную ночнушку: она собирала моих «девочек» в кучку, и они торчали призывнее, чем в самые лучшие свои дни.

Но я не просто встречалась с Хуаном в Колумбии. Он пригласил меня после этого пожить с ним еще три недели в его квартире в Аргентине. Мы должны будем погулять на свадьбе у его друга, и, кроме того, съездить в Мендосу, винный край Аргентины, и посетить ранчо его семьи на Пасхальную неделю. Мне не придется сидеть в своей квартирке в Буэнос-Айресе, ожидая его звонка. Я все время буду вместе с ним.

Итак, я была на 87 % уверена, что мне предстоят просто еще одни прекрасные каникулы с прекрасным парнем. Но... *шесть лет*. Мы ждали друг друга *шесть лет*. Конечно, я – безбожный ТВ-сценарист, а он был почти-что-священником, живущим на другом континенте. Все мои друзья и члены семьи смотрели на меня скептически и задавали вопросы вроде: «А ты уверена, что тебе оно надо?» Но их реакция делала тот факт, что спустя столько лет мы возвращаемся друг к другу, только *лучше*, не правда ли? И было в голосе Хуана и в его глазах что-то новое, когда мы болтали по скайпу. Он тоже начал задумываться, а есть ли что-то большее между нами.

«Ah, *que linda sos*», – ворковал он за компьютером. – Как ты красива.

«Будет время, чтобы узнать друг друга лучше...»

Из-за работы я могла присоединиться к нему только в последнюю из трех его недель в Колумбии. Я уехала так рано, как смогла. Мой последний день с «Чаком» мы провели на Голливудских холмах, под надписью «Голливуд», снимая сцену из написанного мной эпизода. Его действие происходило в шахте под горами, вы угадали, я уверена, – в Колумбии. И вот наконец в день, когда я должна была лететь к Отцу Хуану, я проснулась с ужасной прической, а затем провела целый день на работе, снимая липовую Колумбию, которую сотни людей построили, потому что я это придумала. И вот наконец в полночь я уехала к своему аргентинскому любовнику в настоящую Колумбию, будучи во всеоружии до последнего миллиметра. Настолько эффектно я никогда еще не выглядела.

В самолете я сидела между двумя одинокими путешественниками лет двадцати с хвостиком. Она летела на

свадьбу друга в Картахену, он – навстречу своему первому одиночному приключению. Мы все заказали напитки, и эти двое болтали через меня, пока я пыталась дышать ровно и усмирить свои фантазии в стиле «и жили они долго и счастливо». К концу полета мои попутчики обменялись номерами и собирались разделить такси до города. Я чувствовала себя аспирантом, который наблюдает за малышами-студентами, веселящимися в баре, и решает пораньше поехать домой.

«Мы начинаем посадку в город Картахена...»

Я проверила помаду, пока внутренний монолог набирал обороты:

«Что, если я начну жить на два города – в Буэнос-Айресе и Лос-Анджелесе, мы с Хуаном поженимся, я рожу детей, и мы все будем прекрасно говорить по-испански? Вот вам и не скучная версия моей остепенившейся личности, от которой у меня случаются панические атаки. Это будет как в прекрасном фильме. «Эй, а ты слышал о Кристин Ньюман? Она выскочила замуж за горячего аргентинского священника, и у них трое прекрасных детей, которые говорят на десяти языках, она продает по фильму в год и живет в доме в Аргентине! Какая счастливица!»

Мои попутчики переглядывались через меня, обмениваясь заигрывающими улыбочками.

«Добро пожаловать в Колумбию...»

Хуан ждал меня в аэропорту. Его белозубая улыбка на фоне загара и в обрамлении щетины сияла еще ярче.

«Пульпа», – сказал он, прижимая меня к груди.

Четыре недели спустя я снова стою в аэропорту, обнимая Хуана.

– Пульпа, – сказал он, совсем другим голосом.

– Я всегда буду благодарна за эту поездку, – сказала я, рыдая у него на шее.

– Я буду помнить тебя вечно, – пообещал Хуан. – Приезжай когда-нибудь снова навестить меня со своей семьей, – прошептал он мне на ухо.

Слезы текут по щекам, и я ухожу от своего изысканного Отца Хуана в последний раз, и сажусь на свой первый из двух самолетов, которые доставят меня домой к моему коту.

Понимаю, слишком неожиданно, что я рассказала, чем все кончится, до того, как вы узнали непосредственно саму историю. Но штука в том, что я и сама поняла, как это кончится до того, как прожила всю историю. Я поняла, что не случится никакого «жили они долго и счастливо в Южной Америке» спустя пару дней в Колумбии.

В наш первый день в Картахене мы с Хуаном были счастливы до небес, держались за руки и не могли поверить, что у нас получилось организовать эту поездку. Мы бродили по разгоряченным улочкам, он продолжал сиять, а я превращалась в мокрый выжатый помидор в белом платье. Североамериканцы просто хуже справляются с жарой, чем загорелые жители Южной Америки.

Сначала мы зашли в свой номер: там имелся кондиционер, однако там стояла и огромная, занимавшая всю комнату кровать, к чему мы пока еще не были готовы. Наш отель назывался Casa de la Feу – «Дом веры», – и на всех его стенах висели католические иконы, что заставило нас изменить планы и решить для начала пройти по окрестностям.

Мы пытались наверстать пропущенный год, пили мохито и ели севиче, снимались на фоне десятков прекрасных старинных дверей и балкончиков Картахены, полных цветов. Мы случайно встретились с девушкой из самолета, которая глупо хихикнула, увидев Хуана, и сказала, что у нее свидание с нашим попутчиком сегодня вечером. Солнце село, и мы отправились в бар на крепостной сцене, где целовались на фоне розово-оранжевого Карибского моря на теплом, соленом ветру. Это было прекрасно. Магия все еще была с нами.

Мы вернулись в отель, чтобы переодеться к ужину, и Хуан достал из рюкзака кристально-белую рубашку, которую берег для нашего первого вечера в Колумбии. Он выполнял свою часть работы по воплощению моей фантазии о «Романе с камнем». Еще Хуан достал футболку, которую привез специально для меня. Это была футболка, которую он надел в тот день, когда мы впервые встретились шесть лет назад, на вечеринке в Буэнос-Айресе. Я помнила ее по своим фотографиям, но отказывалась поверить своим глазам. Впервые я почувствовала, что, возможно, для него наша встреча значит не меньше, чем для меня.

И в конце концов, выпив и расслабившись, мы упали на кровать и занялись любовью до ужина. И это оказалось... неидеально. Неплохой секс, однако немного странный. Не как годом ранее в Лос-Анджелесе. В поцелуях чего-то не хватало, и я стала ощущать легкое разочарование. Но я сказала себе, что слишком много хотела от этого первого секса после года перерыва, а также после стольких перелетов и стольких ожиданий. Ожидания всегда меня подводили. Так что мы приняли душ (идеальное занятие с Хуаном) и пошли ужинать на

площадь, очень похожую на ту, где танцевали Майкл Дуглас и Кэтлин Тернер. Прошла еще пара дней, и мы отправились в национальный парк Тайрона – нетронутые изолированные джунгли и пляжи Карибского моря. По пути мы остановились у грязевого вулкана Тотумо – очень странное место, где ты залезаешь в грязь прямо в кратер. Похоже на гигантский муравейник, стоящий посередине абсолютного ничто. Вдоль склона установлена лестница, по которой ты поднимаешься в кальдеру с идеально влажной, теплой, липкой грязью. Она очень густая, поэтому можно сидеть в любом положении, как будто купаешься в пудинге. В ней крайне приятно бултыхаться со своим мужчиной, который делает тебе массаж.

Мы с Хуаном рисовали на телах друг друга смешные рожицы, занялись массажем, а потом спустились к реке, где женщины раздели нас и затем вымыли нас дочи́ста, как будто мы были их младенцами. Удалив грязь даже из самых недоступных мест, они обернули нас в полотенца, в то время как рядом играли их настоящие дети. Это, пожалуй, самое необычное спа, которое я когда-либо посещала, и стоило оно всего доллар. Даже не знаю, что понравилось мне больше – погружаться в теплую грязь или разрисовывать Хуана. Моя версия выбора Софи.

В Тайроне мы остановились в небольшом домике прямо в национальном парке, где по пляжу ползали аллигаторы, а документы на въезде проверяли полицейские в полном обмундировании. Это было очень красиво: наш крошечный домик и Хуан, растянувшийся на белом пляже, – пожалуй, я никогда не забуду те моменты. Он сделал мне тросточку и вырезал на ней слово «ПУЛЬПА». Целыми днями мы гуляли по пляжам, не успевая вернуться домой затемно, и однажды вечером все кончилось тем, что я пробиралась по колумбийским джунглям в бикини, используя в качестве фонарика приложение на iPhone – я убегала от прилива. Но именно на этих красивых пляжах я окончательно поняла, что переживаю всего лишь еще один курортный роман.

Нам не о чем было говорить. Пытаясь найти темы для разговоров, мы останавливались на религии, его учебе в семинарии – как в первый раз. У меня вызвали интерес его рассказы о жизни в семинарии и о том, как им рассказывали жития святых – но я честно говорила о том, что я считаю историческим фактом, а что – легендой. Я поделилась с ним тем, как хотела бы верить, поскольку верующие кажутся гораздо спокойнее во всем, однако я просто не видела доказательств, которые могли бы убедить меня. Хуан не настаивал на своих убеждениях, но он немного расстроился из-за моего недостатка

веры. Он поинтересовался, смогла бы я когда-нибудь креститься, «если понадобится». А я, в свою очередь, спросила, считает ли он, что Иисус был бы кем-то большим, чем стремящимся изменить мир этиком, если бы он жил в эпоху Интернета, позволяющую быстро проверять факты и сверять фотографии.

Но момент моего окончательного прозрения случился, когда мы гуляли по пустому пляжу и Хуан, оооооочень меееедленно, рассказывал мне историю о том, как по пляжу тянулись сначала две цепочки шагов, которые потом превратились в одну, потому что Иисус взял уставшего спутника на руки. Вы точно видели такую картинку где-нибудь на постерах. Я кивала, слушая его историю и притворяясь, будто слышу ее впервые, – и вдруг поняла, что это не мой мужчина.

Но и я была не его. Я постоянно крутилась, как юла, а он двигался очень медленно, мне нравилось отпускать саркастические шуточки, критиковать и судить, а от него действительно исходил какой-то свет добра. Моим паролем было имя моего кота, а у него – имя любимого святого.

Но мы ничего подобного не обсуждали на колумбийских пляжах. Я уже упоминала, как важно для меня классно провести отпуск? И вы, возможно, по данной главе уже поняли, насколько хорошо я умела прятать голову в песок и игнорировать неприятные факты. Поэтому я лишь не на долгое время расстроилась, слушая историю о следах, а затем со всем рвением предалась тому, что прекрасно у меня получается, – я наслаждалась отношениями, которые, как я знала, продлятся только в течение каникул. Мой внутренний голос произносил нечто вроде следующего: *ты в красивом месте с красивым парнем. У вас еще месяц впереди. Вы нравитесь друг другу. Вас ждут чудесные приключения, здесь и в Аргентине. Будь благодарна и хорошо проводи время. Повеселись.*

И знаете что? Так я и сделала.

Уже сидя в самолете из Колумбии в Аргентину, положив голову ему на плечо, я рискнула подобраться очень близко к обсуждению того, что реально происходит между нами.

– Я знаю, что я приехала надолго, – сказала я. – Если срок слишком большой или тебе нужно жизненное пространство, я могу провести какое-то время со своими друзьями, просто скажи мне.

– Хорошо, – просто ответил Хуан. Не *«Да что ты говоришь!»*. И не *«Конечно же, нет!»*

Сложно описать, что я почувствовала, впервые попав в его квартиру. Хуан был для меня немного мифическим персонажем. А жилье делало его реальным. *Он живет в квартире. Здесь он*

чистит зубы. Такие вот диваны ему нравятся. Здесь он был все это время.

Когда мы вошли, он сразу переменялся. Немного холоднее, немного менее расслаблен. Его каникулы закончились. Мы больше не находились в этом пузыре – *представь и далеко*. Хуан, показывая фотографии, рассказал мне историю своей семьи, после чего мы пошли поесть пиццы в ближайшее кафе. Но там он выглядел рассеянно – как будто мысли его витали далеко отсюда.

На следующий день мы отправились на свадьбу его друга. Я встретила с людьми, которых Хуан знал с детства, все они его обожали и были просто поражены, узнав, что у него была история с американской девушкой, растянувшаяся на шесть лет. Мы танцевали у ресепшн и провели выходные в одном из загородных домов его семьи, где я валялась у бассейна, а Хуан объедал гранатовые деревья и болтал с кузенами. Наша жизнь казалась настолько чудесной, что моя уверенность в том, что мы с ним друг другу не подходим, пошатнулась. Нам было так хорошо вместе. Мы очень приятно проводили время с этими людьми. Все так *хорошо выглядели*. А я уже упоминала, что одно из поселений, где располагался дом семьи Хуана, называлось «НЬЮМАН»? Мы провели выходные в НЬЮМАНе, Аргентина. Загородный клуб назывался НЬЮМАН. Дети ходили в школу под названием НЬЮМАН. Лошадиная ферма называлась НЬЮМАН. Мы с Хуаном отправились на матч по регби, где прекрасные аргентинские регбисты бегали в форме со словом «НЬЮМАН» на спине. *Это место буквально носило мое имя.*

Вернувшись в Буэнос-Айрес, наша пара устраивала вечеринки в его квартире, мы вместе готовили завтраки, я научила его кое-каким своим фирменным блюдам, на которые у меня не хватало времени в Штатах уже лет десять. Мы притворялись счастливой парочкой.

Но... за завтраком было тихо. И я упоминала, что выступала инициатором секса в 100 % случаев? О, и однажды мы забежали в гости к его другу-священнику, который час спустя после нашего ухода позвонил Хуану и спросил, не хочет ли он сходить на свидание с его сестрой.

– Я сказал ему «нет», – ответил Хуан, смущенно кладя трубку. Я в это время готовила. – Видел я его сестру.

«Я живу с женщиной, чьи друзья-священники надеются, что он будет встречаться с их сестрами», – написала я своей маме. Я даже и не говорю о том, что упомянутый священник видел меня и даже ни на секунду не допустил, что мы с Хуаном вместе. А Хуан его не

поправил, поскольку тоже так не думал.

Еще я встретила с матерью и бабушкой Хуана – грациозными милейшими женщинами, которые жили вместе в своей красивой квартире, расположенной не так далеко от квартиры Хуана. И вдруг, спустя несколько дней моего пребывания в Аргентине его бабушку госпитализировали. Ситуация была тревожная, казалось, что она может и не выкарабкаться, поэтому со всего света стали слетаться родственники, чтобы попрощаться с ней.

А теперь вопрос... как один человек может справляться с умирающей бабулей, когда другой пытается хорошо провести время на каникулах с партнером, который непонятно чего хочет? Хуан желал, чтобы я исчезла? Или чтобы сжимала его руку у кровати бабушки?

«Готовь, – скомандовала мне мама. – Готовь на всех. Носи еду в больницу. Этого ждут латиноамериканские женщины».

Я спросила Хуана, хочет ли он, чтобы я уехала или осталась, а также нужно ли мне помогать или готовить. Он по своему обыкновению ничего мне толком не ответил. «Делай как хочешь», – вот что я услышала от него.

Поэтому я готовила. Я забегала в больницу с едой. Я встретила с множеством родственников из разных концов света, которые все были очень заинтригованы сложившейся ситуацией: Хуан и его американская девушка, которая стоит с ним у смертного одра его бабули. Но затем я исчезала – встречалась с друзьями в городе, занималась танго, давая Хуану «пространство». Это было чудесно.

Бабушка в итоге выздоровела и прожила еще год. Она была очень доброй, улыбчивой женщиной, которая удивительно умела обниматься, и у нее были такие прохладные щеки, пахнущие лавандой, и она всегда держала меня за руку, пока мы разговаривали. Я рада, что носила ей еду в больничную палату.

После месяца в Южной Америке первый из моих 7-часовых перелетов привел меня в Панаму, где я сразу отправилась в книжный магазин. В самолете не работали киноэкраны, а я закончила читать единственную свою книгу и испытывала ужас перед следующим 7-часовым перелетом без развлечений. Паникуя, потому что во всем аэропорту я не могла найти ни одной англоязычной книги, я отправилась к кассам, где мне подтвердили, что в следующем самолете с фильмами должно быть все в порядке.

– Они мне правда, правда очень нужны, – сказала я

стюардессе.

– Хорошо, – ответила она. – Следующий.

Я чувствовала себя ужасно, ведь я больше не была девчонкой с аргентинским любовником. Теперь я была просто одинокой, 37-летней женщиной, возвращающейся домой, чтобы вновь заняться сайтом знакомств. И только тогда я поняла, каким спасательным кругом являлся для меня все эти годы Хуан, хотя мы редко общались. Он был где-то там.

Он меня изменил. Он олицетворял собой возможность – может быть, просто может быть. И теперь наши отношения закончились. Я купила телефонную карточку, нашла телефон, и мое сердце чуть не выскочило из груди, когда я позвонила на другой континент подружке, чтобы рассказать о происшедшем.

– Ты мне очень нужна, – сказала я Хоуп.

– Рассказывай, – произнесла она как обычно.

Хоуп провела пару лет в старшей школе и в колледже в Южной Америке и любила ее задолго до того, как я сюда впервые приехала, поэтому она очень хорошо понимала суть происходящего, когда я описывала ей свой месяц в Аргентине с друзьями и семьей Хуана. Пьянящее чувство, говорящее, что *ты – часть этого*, то есть живешь своей обычной жизнью в столь экзотическом месте.

Семья Хуана владела ранчо в пяти часах езды от Буэнос-Айреса. Оно принадлежало им уже несколько поколений, и теперь его дядя и тетя выращивали там соевые бобы и разводили арабских скакунов. Его дядя, 70-летний доктор, работающий в Буэнос-Айресе, мог скакать на лошадях по восемь часов подряд, несмотря на возраст, и наездники со всего мира приезжали к нему на ранчо, чтобы купить себе скакуна.

Хуан неоднократно в течение прошедших лет рассказывал мне об этом месте, и я мечтала о нем, представляя нашу жизнь на двух континентах:

RE: Feliz Aco Nuevo!

Новый год я провел на ранчо с множеством детей и лошадей, как и должно быть...

Если ты приедешь в Аргентину, мы должны будем туда съездить!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

В мою последнюю неделю в Аргентине, выпавшую на Пасху,

Хуан свозил меня на это ранчо. Мы ехали туда с его дядей и тетей, приветливыми и очень интересными людьми, а также с 12-летней дочерью его кузины. Она была очень милой болтушкой и заплетала мне косички, пока мы с ней учили друг друга испанскому и английскому, а Хуан молча смотрел в окно на желтые прерии и голубое небо.

От девочки я узнала, что Хуан еще никогда не привозил на ранчо девушку. В общем, неудивительно, что, когда мы приехали и встретились с еще 20 членами семьи, занимавшими три домика в этом идиллическом месте, мы с Хуаном стали мишенями для множества вопросов, любопытных взглядов и приподнятых бровей. Очень дружелюбные и приветливые родственники делали поведение Хуана.... все более напряженным.

«*Lo amas?*» – шепотом спросила меня группа улыбающихся девчонок.

Ты его любишь?

Семья Хуана отнюдь не помогала мне в стремлении отказаться от своей фантазии о жизни *сеньоры дель кампо*. Мы гуляли в лучах золотых закатов по полям, устраивали пикники, пили мате и много болтали, сидя на травке. В доме была повариха, которая готовила сотни ньокки к обеду, а ее муж, самый старший из трех поколений Уго, которые работали на этом ранчо (Уго, Угито и 8-летний Угитито), зарезали и готовили на открытом огне барана к ужину. Там были десятки очаровательных детей, они все целовали меня в щечку – *Буэнос диас* – и садились на коленки. Хуан и другие мужчины играли в поло на велосипедах в поле. Мы катались на лошадях с мягкими подстилками из овечьей шкуры вместо седел, и познакомились с покупателем из Саудовской Аравии, который прилетел за скакунами.

Может, я не так уж и уверена, что мы не предназначены друг для друга... Я определенно могу до бесконечности смотреть, как он гоняет на велосипеде – до конца своих дней.

В Пасхальное воскресенье вся наша компания из 20 человек расселась по машинам и отправилась в городскую церковь. Она представляла собой крошечную государственную *iglesia*, и в нее влезало от силы человек сто. Старшая кузина Хуана, счастливая веселая женщина, которая окончила престижную английскую школу в Буэнос-Айресе, а теперь жила на ранчо со своим мужем и пятью детьми, протянула мне свечку и прошептала на ухо:

«Я знаю, что у тебя в сердце пока нет света Христова, но я вижу его в твоих глазах». Когда настало время причастия, в церкви образовалась очередь. В нее встали все без исключения, даже самые крошечные кузины Хуана и его 70-летние тетя и дядя.

Люди подходили к священнику, держа в руках свечи, и только мы с Хуаном не последовали их примеру. Я не пошла, очевидно, потому что я не католичка. Что касается Хуана, то в церкви, кроме меня, все знали о причине его отказа от причастия.

В этом, как я позже выяснила, была виновата я. Потому что после его последней исповеди он много грешил и оказался недостойн причастия.

Я его испачкала. И все в городе знали об этом.

Позже, когда наступила ночь и все пошли спать, мы с Хуаном остались почитать у камина. Нам дали отдельные комнаты, но мы находились в доме совсем одни, следовательно, ничего не мешало нам заняться сексом прямо там, на диване... как мне казалось. Я пододвинулась к Хуану поближе и попыталась поцеловать его.

Но он мне не ответил.

И мы, в конце концов, поговорили о наших отношениях.

– Мне кажется, что ты влюбляешься, а я нет, – начал Хуан.

– Но ты не влюблялась! – напомнила мне Хоуп, пока я рыдала в телефон Панамского аэропорта.

– Знаю, но почему он не влюбился? Потому что я уже очень старая? Может, он весь месяц испытывал отвращение, когда занимался со мной сексом? Думаешь, он хотел бы, чтобы я не приезжала? Не могу поверить, что все кончено, и я снова одинока! – совсем раскисла я.

Во время нашего разговора с Хуаном он, пока я плакала, сказал, что рад, что мы провели вместе этот месяц, поскольку он позвал меня в свою жизнь, надеясь на серьезные отношения.

– Так ты правда думал о возможности твоего переезда в Лос-Анджелес или моего в Буэнос-Айрес и о том, что у нас есть будущее? – спросила я его.

– В общем... да.

Меня раздражал наш разговор. Самое прекрасное в курортных романах – это то, что вам не нужно переживать негатив от расставания или говорить друг другу непростые вещи о наличии или отсутствии у вас чувств. Вы не должны акцентировать внимание на том, что ничего не получилось и почему. Вы просто говорите друг другу, что ваш роман мог бы длиться вечно, если бы не география. *Вам не нужно переживать разрыв.*

Но Хуану необходимо было расстаться. Я до сих пор не знаю, когда он понял, что не влюблен в меня. Но с того момента он стал

чувствовать вину, занимаясь со мной сексом и думая, что он обманывает меня. В отличие от меня он не провел десять лет, осваивая науку безумно влюбляться на время каникул, даже если на самом деле никаких чувств не испытывал. К тому же он не был на каникулах, а жил своей реальной жизнью и, несмотря на теплый прием со стороны его родственников и друзей, он знал, что я не останусь.

Крошечные пятилетние кузины спрашивали его, собираемся ли мы пожениться, а он знал, что мы никогда больше не увидимся. Конечно, ему сложно было притворяться.

– Почему он не мог просто притвориться?! – выла я в телефонную трубку в Панаме.

– Потому что он не такой человек, – ответила моя подруга. – У тебя был месячный отдых от одиночества. Он прошел прекрасно. Конечно, ты хотела бы стать частью этой чудесной семьи и жить в Аргентине. Но вы с Хуаном просто не подходите друг другу.

– Я знаю, но просто теперь я обычная одиночка. У меня больше не будет аргентинского любовника. Я не поеду жить на ранчо, и мои дети не научатся говорить по-испански. Все кончено.

Я села на самолет до дома. И снова нельзя было посмотреть кино. Никогда не летайте компанией Сора Airlines. Паническая атака подобралась ко мне как никогда близко, когда я сидела в течение семи часов, просто уставившись в черную спинку кресла передо мной и пытаюсь объяснить стюарду, насколько сильно мне нужно, чтобы он починил видеосистему. Стюард, казалось, разделяет мои переживания, поэтому он похлопал меня по плечу и заверил, что постарается сделать все возможное, но сумел только поставить мне фильм «*Турист*» без звука. Поэтому я включила музыку, приняла снотворное и стала смотреть на Анджелину и Джонни Деппа – красивых людей в красивом месте, – произносящих слова, которые, может, и хорошо, что я не слышала. Любовная сцена, придуманная вами, практически всегда лучше этих нелепых диалогов.

Глава 13

Люби так, как будто тебя скоро депортируют

Лос-Анджелес, Калифорния

Май 2011

За несколько месяцев до последней поездки в Аргентину мне позвонила моя подруга-писательница Эрин: «Хорошие новости. Жена нашего знакомого, того отличного парня, только что ушла от него. Мы дадим ему несколько месяцев зализать раны и повстречаться с кем-нибудь, а потом я вас познакомлю. Скажем, в мае или июне».

Я сказала ей, что звучит очень заманчиво, и – если я буду одинока в Лос-Анджелесе в мае, то, значит, с Хуаном у меня ничего не получилось и я готова встретить чудесного парня. Поэтому наши расписания идеально совпали.

– Отлично, представишь меня моему мужу в мае, – сказала я, хихикая.

– Я записала в свой календарь.

В мае, после моего возвращения из Аргентины, Эрин познакомила меня с Робом. Он был широкоплечим писателем, с квадратной челюстью, великолепной улыбкой и лицом, обрамленным прелестными кудряшками. Моя начальница, которая пишет много сценариев романтических полнометражек, недавно сказала о Робе: «Он из тех милых мужчин, за которых ты всегда переживаешь, смотря романтический фильм». Когда мы встретились, Роб только-только отходил от 14-летнего брака, у него были двое детей и израненная душа, которая скрывалась за его легким, оптимистичным характером. Раньше я никогда не встречалась с человеком, имевшим детей. Последние всегда являлись аргументом против в основном из-за моих ужасных отношений с мачехой. Я знала, что не буду такой же злобной, как она, но я не могла гарантировать, что дети другого человека отнесутся ко мне лучше, чем я к своей мачехе. Поэтому я старалась избегать подобных ситуаций.

Но после нескольких лет свиданий с 40-летними мужчинами, ведущими себя как 20-летние мальчики (хотя, наверное, такое поведение с поправкой на мой пол было характерно и для меня), я оказалась готова к встрече с человеком, который к своим 40 годам сделал

действительно серьезный выбор и стал отцом.

Роб был из тех «хороших», которых разбирают сразу, и теперь он вернулся на рынок. Мне импонировало, что он – взрослый человек, знающий, что такое обязательства и содержание семьи. И мне нравилось, как менялось лицо Роба, когда я спрашивала его о детях.

Ему нужно было немного помочь вспомнить, как встречаться с кем-то. Я напомнила ему, что когда девушка предлагает вам прокатиться на вашей машине, особенно если машина совсем рядом, это приглашение к поцелую. Он научился вытаскивать изо рта жвачку до движения, чтобы поцеловаться.

Но, честно говоря, я и сама была не слишком ловкой. Конечно, я определенно напугала его легкостью, с которой заказывала напитки в баре (отцы не так-то часто посещают подобные заведения), и когда я впервые увидела его квартиру, особенно две крошечные голубые кровати его сыновей, я убежала оттуда меньше чем через пять минут.

До меня вдруг внезапно дошло, что эти двое маленьких мальчиков были *реальны*.

Но затем однажды, спустя несколько недель нервных ухаживаний, мы с Робом плавали на лодке и признались, как сильно боимся друг друга. Я спросила его, что, по его мнению, можно с этим сделать. Роб немедленно предложил:

– Думаю, ты должна переночевать у меня.

Я рассмеялась:

– Seriously? То есть просто поспать?

– Да. Ты должна приехать ко мне домой и остаться на всю ночь, и так мы привыкнем друг к другу и перестанем бояться.

– Получается, просто переночевать, как на пижамной вечеринке? Только пижамки, кино, ничего страшного, да?

– Да, именно, – соврал он.

Я переночевала. Это была пижамная вечеринка ровно четыре минуты. Но идея Роба сработала. Очень постепенно мы переставали бояться. Позже, когда Роб поднимался на Килиманджаро со своим братом, главный совет, который дали им их носильщики, – двигайтесь постепенно. Медленно и аккуратно, по шажку за раз. Легче. Услышав эти слова в горах Танзании, он подумал о нас. В итоге слово «постепенно» стало нашим заклинанием. И именно в этот момент взорвалась грудь у моей злобной мачехи.

Я серьезно. Как оказалось, примерно девятью месяцами ранее она обнаружила узелок в груди. Моя мачеха никому о нем не сказала, хотя ее сестра проходила через третью стадию рака

матки. Она не сходила к доктору, хотя пять дней в неделю работала в больнице. Она просто проигнорировала это, как и ужасающий процент других людей, которые подозревают у себя рак, пока однажды, на глазах моего отца и их детей, опухоль не выросла настолько большой, что она прорвалась, и ее грудь буквально взорвалась.

Они отвезли ее в больницу. Они делали все, что делают близкие тех, у кого нашли рак груди. Выяснилось, что болезнь распространилась на легкие и лимфоузлы. Рана от разрыва на груди никогда полностью не затянется, а опухоль неоперабельна.

И после десяти лет нашего перемирия я снова ее возненавидела. Это, может, и не самая добрая реакция, но мать четверых детей, одному из которых всего 11 лет, проигнорировала опухоль размером с грейпфрут. Ее чудовищное решение буквально убивало ее – и ужасающе влияло на ее детей. Кроме того, единственное, что мне нравилось в моей мачехе, – это ее возраст. Она должна была пережить моего отца. Ей следовало заботиться о нем и о своих детях. Но теперь она даже этого не собиралась делать. Моя ярость вернулась, и старые раны снова открылись.

И как раз тогда я начала встречаться с парнем, который являлся отцом двоих детей.

Я долгое время не знакомилась с сыновьями Роба. Он хотел полностью убедиться в серьезности наших отношений, прежде чем втягивать их. *Постепенно*. Но кроме того, мы медлили, поскольку у меня имелись очень четкие правила, которые, как я надеялась, помогут нам избежать ошибок, совершенных моим отцом, когда он представлял меня Патти.

Во-первых, я считала, что очень важно подавать информацию порционно. Детям разведенных родителей и так приходится усваивать слишком много плохих новостей – от «мой мама с папой расходятся» до «мой мама и папа встречаются с другими людьми, женятся и, возможно, нарожают еще детей».

В моем случае отец решил одним махом вывалить все известия. «У меня есть подруга по имени Патти, и мы женимся, потому что у тебя скоро появится братик или сестренка!» – сказал он. Я тогда училась в девятом классе и молилась богу, в которого не верила, чтобы Патти потеряла ребенка. А затем, на мой 14-й день рождения, мне сообщили, что она его потеряла. И они отложили свадьбу еще на два года. Делайте с этой информацией что хотите. Я все еще пытаюсь с ней

Я не хотела, чтобы мальчики моего мужчины вызвали к божествам, стремясь разрушить мою жизнь, поэтому испытывала тревогу. Роб же, напротив, был очень спокоен. Его родители прожили всю жизнь вместе, и, кроме того, – он бесконечный оптимист. Он не сомневался, что все будет отлично!

Поэтому, конечно, мы отлично друг другу подходим. Я в постоянном напряжении ожидаю грядущую катастрофу, а он всегда в расслабленном состоянии – уверен в благополучном исходе. Мы даже разработали условную фразу, обсуждая эту разницу между нами после того, как я прочитала кое-что о беспокойстве. Древние люди жили в постоянном страхе быть съеденными, например, медведем. Таким образом, умеренное беспокойство о том, что за деревом, возможно, спрятался медведь, держало их в постоянной готовности бежать, если зверь на самом деле там прятался. Древние люди, лишённые страха, нередко становились приятной добычей для хищников.

Так что, когда я чувствую приближение неминуемого несчастья, а Роб выглядит расслабленным и спокойным, я говорю:

«Приятель, медведь за деревом!»

Часто медведь действительно за деревом, и Роб благодарен, что я на него указала, удивленный моей догадливостью. В других случаях он берет меня за руку, ведет на прогулку вокруг воображаемого дерева и показывает, что никакого медведя нет, после чего я успокаиваюсь. Мы хорошо дополняем друг друга.

В общем, к новости о новой девушке папы мы ползли со скоростью улитки. По моему опыту, за этим деревом скрывалась целая стая медведей. Мне не нравилось, что дети не слышали ничего вроде «папочка ходит на свидания», что должно предвещать сообщения типа «у папочки новая девушка». Мы уже думали даже заняться сочинением рассказов о неудачных свиданиях, которые следовало бы рассказывать на протяжении пары месяцев. Когда моя мама начала встречаться с мужчинами, я слышала много подобных историй, и после безумных подробностей об ее расставаниях я уже мечтала, чтобы она кого-нибудь нашла. Но тем не менее мы с Робом решили, что обманывать не очень хорошо, можно и самим запутаться. В итоге он просто рассказал им обо мне. И его дети не плакали и не умоляли Папочку вернуться к Мамочке. Они попросили показать мою фотографию и хотели узнать, как мы познакомились. Сыновья Роба сказали, что рады счастью своего папы, наступившему после такого грустного года. А еще, стремясь произвести на меня впечатление, они хотели, чтобы при нашей

первой встрече мы могли заняться чем-нибудь, что получается у них хорошо.

Короче говоря, они заставили меня чувствовать себя настоящей задницей. Я была таким ужасным ребенком.

Тем временем моей мачехе становилось все хуже, и ей не помогало никакое лечение. Я решила устроить классную вечеринку с подарками, чтобы морально поддержать ее. Вместо этого ей надарили кашемировых платков и шарфов для лысеющей головы.

А мы с Робом планировали встречу с детьми. Мы установили приоритеты: не должно быть ничего, что мальчикам было бы делать некомфортно, и следует создать комбинацию общения и игры, чтобы мы просто могли побыть рядом и поговорить. Таким образом, мы решили пойти на шоу и купили билеты на Цирк-дю-Солей в Санта-Монике. Только позже мы поняли, что на нас действовал стереотип – Папочка представляет своих детей новой подружке, отведя их в цирк. Я так и видела перед своими глазами двух рыдающих малышек, которые держали в своих ручонках шарики и сладкую вату, и также по огромному плюшевому медведю, но все это никоим образом не могло облегчить их детское горе.

Чтобы все прошло совсем иначе, мы установили правила, основанные на том, что я ненавидела в детстве, глядя на своих родителей. Мы не должны были трогать друг друга на глазах у детей. Мы позволим им самим решить, как сесть на время спектакля. В конце вечера Роб не пойдет провожать меня к машине – не хочу, чтобы его сыновья размышляли, что же он там делает со мной на парковке. Я хотела создать у них ощущение, что я оставляю его с ними, словно я – гость, а они – команда, играющая на родном поле. Я обниму их на прощание, только если они сами меня обнимут. И снова очень много переживаний.

Мой психотерапевт сказал: «Вся чувствительность идет от первой боли. Все ваши переживания и моменты, которые заботят вас намного больше, чем других, родились от некоего первого случая, разбившего вам сердце». Я могла вспомнить все события первых лет со своей мачехой так, будто они произошли вчера, и с ужасом думала, что подобное может произойти и с детьми Роба.

Я встретила с ними на пляже, в солнечный зимний день, через пару месяцев после того, как Роб рассказал им обо мне. (Постепенно!) Старший брат хотел, чтобы я посмотрела, как он серфит на новой доске, которую он только недавно купил себе сам.

Я стояла на песке и смотрела на три маленькие фигурки далеко в океане. Один мужчина и две крошечки рядом. Они были преисполнены веселого движения, обнимались, игрались, боролись. Я начала смеяться, немного поплакала, совсем одна на пляже, и фотографировала их, как папарацци. Может, так выглядит моя семья? После стольких лет наблюдений за чужими счастливыми семьями – была ли эта моей?

Дети подбежали ко мне и пожали руку. Они отвечали на мои вопросы, а также спрашивали меня. Младшего, девятилетнего, мальчика я закопала в песок. Старший, которому было 12 лет, показывал мне свои шрамы, и я сказала ему, что однажды девочки, флиртуя с ним, начнут расспрашивать, где он их получил. Ему это понравилось, и он поклялся придумать классные истории. Дети Роба оказались очень сообразительными и уморительными, производя впечатление абсолютно счастливых и спокойных мальчишек.

Мы отряхнулись и пошли в цирк, остановившись рядом с турниками на пляже, чтобы они могли продемонстрировать мне свои умения. Я тоже кое-что показала, чуть не сломав шею и натерев несколько мозолей. В цирке младший поменялся местами, решив сесть рядом со мной. Мне потребовалась вся моя воля, чтобы не дотронуться до него: у мальчика были фантастические кудряшки его отца, и сдержать руку, чтобы не запустить пальцы ему в волосы, было очень непросто. В конце вечера дети обняли меня на прощание. Я просто влюбилась в них.

А на следующий день я получила обратную связь: мальчики создали в игре на приставке нового игрока по имени Кристин. Стопроцентное попадание.

Через две недели после знакомства с детьми, чьей мачехой я могла бы стать, моя злобная мачеха умерла. В фильмах на этом моменте обычно все заканчивается: и жили они долго и счастливо, все поют – и звери, и люди, а принцесса встречается с принцем. *Ура.*

В реальной жизни принцесса, будучи 38-летней женщиной-сценаристом, получила сообщение от своей 11-летней сестры: «Мама только что умерла».

Мы выяснили, что опухоль росла долго. Ей понадобилось много времени, потому что это была очень большая грудь. На похоронах мачехи многие упоминали, как гордилась она верхней половиной своего тела. Моя сводная сестра, которая бросила работу и переехала домой, чтобы заботиться о матери и младших

сестрах, сказала, что ее мать часто вспоминала свои годы в старшей школе на Филиппинах, где она пользовалась популярностью, «потому что была совсем тощая с огромной грудью». Моя 19-летняя сестра рассказывала, как неловко она себя чувствовала, слыша, как мать на весь дом кричит: «Не позволяй парням трогать себя за грудь!» – куда бы она ни собиралась пойти. Когда пришло время покупать выпускное платье, моя мачеха отвела ее к платьям с самым низким разрезом и посоветовала: «Покажи больше груди, так сексуальнее!»

В Греции считается плохой приметой делать комплимент красоте младенца, потому что это может навлечь немилость богов. И аналогично, как мы перед экзаменом желаем «ни пуха ни пера!», в Греции новоиспеченным родителям говорят «что за уродливый малыш!» Вот о чем я думала, слушая истории сестер и дочерей Патти о ее увлечении именно той частью своего тела, которая ее и убила.

Я не планировала ничего говорить на похоронах мачехи. Мне казалось, что я не смогу сказать ничего хорошего. Я думала, что мое отношение прекрасно видят: у меня сердце разрывалось при взгляде на осиротевших сестер, но я *не горевала*. Так как не исключено, что теперь мой отец получал шанс на новые отношения с новой женщиной. Возможно, потому что он наконец увидит, что первый его брак не был несчастливym, слезет с дивана и займется своими детьми. Возможно, он наконец обретет счастье. Я боялась, что все видят, несмотря на то что мы с Патти под конец обменялись словами «я люблю тебя» и в тот раз я зывала к богу, чтобы он вылечил ее, *я не буду скучать по ней*.

Но затем заговорили мои сестры.

И они были красноречивы и очень красивы. И я так гордилась этими людьми, которых сотворила Патти. Они рассказали нам много такого, чего я о ней не знала, и говорили о ней столько хорошего, что я стала задумываться, ненавидела ли бы я свою мачеху столь же сильно, если бы она не сыграла роль Плохого парня в фильме моей жизни. И затем они начали читать «Отче наш», единственную молитву, которую я знала, потому что произносила ее со всеми остальными на бесчисленном количестве чужих свадеб: *«И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим...»*

Я провела неделю, наблюдая, как мои сестры спят в одной комнате, обнимая и поддерживая друг друга, согласно воспитанию их матери, для которой семья стояла на первом месте. И я поняла, что однажды, когда умрет моя собственная мама и когда умрет наш папа, мои сестры будут рядом со мной так же, как они сейчас были рядом друг с другом. Если бы не

семья моей мачехи, мне пришлось бы пройти через мое горе в одиночку. А так я, вполне возможно, буду рыдать, лежа в кровати, полной людей, собак, котов и еды. Поэтому я встала и поблагодарила Патти за величайший подарок в моей жизни.

И я подумала, что, возможно, она не вела бы себя так ужасно, если бы я относилась к ней столь же по-доброму, как дети моего мужчины ко мне.

Курортные романы бывают столь приятны потому, что быстро кончаются. *Каждая* минута вместе – одна из последних. Они похожи на первый укус десерта, который вам разрешили съесть в середине долгой диеты, или на 15-минутный сон, выпавший на долю молодых родителей. Мир словно существует только для того, чтобы разделить вас, заставляя вас в итоге еще сильнее сплываться. И тот факт, что вы нашли друг друга на этой огромной планете, в бедуинской пещере или на корабле посередине Большого Барьерного рифа, кажется чудом.

Но обычные отношения тоже заканчиваются... пусть даже и в сто лет. Более того, *жизнь* заканчивается. (Меня так и тянет сказать «жизнь тоже заканчивается, приятель», поскольку мои рассуждения о высоком вызывают у меня смех. Но это так, приятель.)

И если вы способны помнить о том, что и жизнь, и отношения заканчиваются, то каждое мгновение становится прекрасным. Каждый поцелуй может оказаться последним, даже после 30 лет брака, даже если ваш супруг намного моложе и может пережить вас, даже если вы замужем за Мистером «Достаточно хорош», который, вы уверены, никогда не покинет вас. Долговременные отношения могут быть похожи на единственный в жизни уик-энд на экзотическом острове. Самое главное – не забывать об этом.

Летом после смерти мамы моя младшая сестра прилетела в Лос-Анджелес, чтобы отправиться в летний лагерь с мальчиками моего бойфренда, которые как раз являлись ее ровесниками. Старший сын Роба отметил, что если Роб женится на мне, а он сам женится на моей сестре, то он и его отец станут сводными братьями. Что может превратиться в сериал. Моя сестра и сыновья Роба играли вместе – это было похоже на счастливый конец истории о стольких несчастных разводах и о стольких разбитых семьях. Теперь же осколки таких семей начинали собираться во что-то новое.

Боюсь ли я по-прежнему остепениться? Конечно. Но я думаю,

что все будет нормально. В прошлую субботу у нас состоялся семейный ужин с тремя мальчиками. Я приготовила мой фирменный десерт, а так как у Роба произошел прорыв на работе, я принесла еще и бутылку шампанского. Он сомневался, остались ли у него после развода бокалы под шампанское, но они нашлись в самом дальнем углу шкафа. Мы сдули с них пыль и наполнили четыре стакана.

После ужина мы решили поиграть в приставку. Дети включили игру, и по экрану забегали десятки персонажей, которых они создали. И вот она я – не толстая и не старая, чего я боялась. Похожая на себя. Маленькая фигурка их папы тоже там была, и оба мальчика, и все бабушки и дедушки, и их мама. Все мы бегаем по одному экрану – все вместе.

Я дала Робу прочитать рукопись данной книги до того, как продала ее в издательство (и заставила дочитать до последней главы, я не дуручка). Мне хотелось убедиться, что его не тревожат все эти истории типа бразильских. Выпив пару крепких напитков и дочитав рукопись, он предложил мне свою полную поддержку. И добавил: «Ты вдохновляешь меня. Я даже немного завидую всем твоим приключениям».

Вот черт. Он – *последний* человек, которого я хотела бы видеть вдохновленным побегами и одинокими сексуальными приключениями. Но затем Роб продолжил: «Думаю, прежде чем мы родим ребенка, я хочу побывать с тобой во всех семи частях света».

Я рассказала маме об этом идеальном финале, который мой мужчина подарил мне, моей жизни и моей книге. Наша героиня не остается дома, чтобы найти любовь и семью, она снова отправляется в путь, но теперь уж не одна, а вместе с тремя мальчишками!

«Хм, интересно», – сказала мне мама.

Неделю спустя она позвонила с предложением, которого она раньше никогда не делала: ей хотелось подарить мне на Рождество поездку с Робом.

«Куда угодно, где Роб никогда не был», – так она видит свой вклад в будущего внука или внучку.

Грядущей весной мы едем в Азию и Южную Америку. Визы в эти страны заняли последнюю страничку в моем паспорте одинокой путешественницы, сопровождавшем меня с той первой поездки в Аргентину. В паспорте на фотографии сидит сияющая 30-летняя барышня с заспанным взглядом, которая заскочила в паспортный стол сразу после бессонной ночи с юным панк-рокером. Этот документ пришел на смену предыдущему, где на фото была пухлощекая выпускница колледжа, собирающаяся в

Европу со своим первым парнем – в первый раз. Оба паспорта теперь хранятся в шкатулке моей бабули – месте, где я держу самые ценные драгоценности.

Я бы рассказала вам истории о моей первой за почти 15 лет совместной поездке с мужчиной, но... они очень личные. Скажу только, что мне было очень приятно лететь обратно в Лос-Анджелес, ощущая свободу от изматывающей мысли о том, что по возвращении домой мне снова придется обратиться к сайту знакомств. И добавлю еще, что Робу осталась только Антарктида.

«Он, конечно, не будет настаивать на Антарктиде», – сказала моя мать.

Эпилог

Как я встретила вашего папу

Как в идеальном финале фильма, я пишу последнюю главу о своей холостой жизни, одновременно в реальности проживая свою последнюю неделю в одиночестве. Мы с Робом купили вместе дом в Санта-Монике для нас четверых, а также для моего кота и собаки его сыновей. И вот, на следующей неделе мы переезжаем – как раз когда придет время сдать рукопись. Поэтому у меня есть причина достать из шкафов десятилетиями накапливающиеся любовные письма и фотографии, и билеты на самолеты, и кошельки со списками клубов в Амстердаме, иностранными телефонными номерами и дорожными чеками (помните такие?). Я сложила это все в коробки и побежала к компьютеру, чтобы кое-что дописать. Моя будущая книга встанет на полку шкафа в новом доме, а коробки спрячутся подальше в кладовку.

Я нашла арендатора для своего одинокого домика, купленного мною девять лет назад. Когда я его приобретала, то думала, что проживу в нем одна максимум пару лет, пока не найду правильного мужчину. В него теперь въезжает уморительная комедийная актриса, которой нужно свое гнездышко после развода. Я рада, что человек, способный рассмешить меня, теперь сможет залечить свои раны в этом доме, согревавшем меня, пока я залечивала свои.

Я прогулялась по району и пофотографировала окрестности: от барист, которые помогли мне справиться с одинокими воскресными завтраками, до моего любимого граффити – бегущего по стене дома кота. Я переезжаю всего за десять километров, но я прощаюсь с этим местом как с экзотической и прекрасной иностранной землей, которую могу и не увидеть больше никогда. Мне действительно грустно уезжать из своего дома, своей жизни. Но она сама по себе была очень грустной. И хотя вся эта книга о моих попытках НЕ быть несчастной, одинокой девушкой в поисках любви, на самом деле я часто чувствовала себя несчастной, одинокой девушкой, очень даже ищущей любви. Я просто думала, что любовь будет выглядеть не так, как она выглядит в итоге, поэтому долго убегала от нее. Но моя история не является исключительно печальной. Иногда одиночество бывает очень приятным. Спасибо Богу, что я грущу о переменах в моей жизни. Это значит, что я меняю прекрасное на прекрасное.

Не думаю, что я бы опубликовала свою книгу, если бы оставалась по-прежнему одинокой. Я бы побоялась, что мои рассказы не слишком понравятся тем, с кем я могла бы встречаться в будущем. Хотя я и чувствовала себя прекрасно в шкуре одинокой женщины, и горжусь тем, как я жила, но моей уверенности в себе все же не хватило бы для того, чтобы быть предельно откровенной, если бы я все еще искала любовь. Это удивительно (хотя, возможно, только для меня), но мои отношения совсем не ограничили меня. Они вдохновили меня попробовать что-то гораздо более пугающее, чем я когда-либо пробовала, будучи одинокой. Возможно, Рейчел, хасидская журналистка, права: любовь освобождает в вас человека, которым вы на самом деле являетесь.

Финал моей истории с милым мужчиной и двумя детьми в моем родном городе – это для меня не меньшее чудо, как если бы все закончилось со «священником» из Аргентины. Мне пришлось через многое пройти, чтобы стать человеком, способным сделать такой выбор. Мой возлюбленный живет в моем же городе, но, чтобы найти его, потребовалось осуществить путешествие намного более далекое, чем при встрече с Хуаном, или Олегом, или Иноном, или Криштиану. Это было долгое путешествие... но прекрасное.

Таким образом, в итоге, *в итоге* я выбрала не один кусок запрещенного десерта, который оставляет вас не только голодной, но и немного больной, а также разочарованной в себе, потому что вы не можете нормально позаботиться о своем теле. Я в итоге отдала предпочтение здоровому, вкусному, трехразовому питанию. Но я, пожалуй, хочу донести до мира своей маленькой историей только одно послание – нормально иногда съесть попкорн или выпить за ужином красного вина. Это безобидная шалость, которая может сделать одинокую ночь на диване гораздо веселее.

И еще – садитесь на самолет и отправляйтесь в приключение. Я и сама хочу так поступить.

Теперь, когда вы знаете всю историю, вот, наконец, мое посвящение:

И моему мужчине, который подарил мне последнюю главу и последний штамп о визе в моем одиноком паспорте. Жаль только, что я выгляжу такой старой на фото в новом паспорте. (На то, чтобы заполнить его штампами, ушло больше времени, чем я рассчитывала.)

Примечания

«Шоу 70-х», «Как я встретил вашу маму», «Чак», «Соседи» – популярные американские комедийные сериалы нулевых (*прим. ред.*).

En rose – речь идет о песне «La Vie en rose» («Жизнь в розовом цвете») Эдит Пиаф (*прим. ред.*).

(Sittin' on) The Dock of the Bay – знаменитая песня Оттиса Реддинга (*прим. ред.*).

Меренге – парный латиноамериканский танец (*прим. ред.*).

Я плохо говорю по-английски!

Я люблю поболтать, поэтому мысль о том, что мы будем делать, если не сможем общаться, немного пугала меня! Итак, ты из Москвы? Откуда ты знаешь Мишу? *(Прим. пер.)*.

Лига плюща – ассоциация восьми самых престижных частных учебных заведений Америки (*прим. ред.*).

Песня американского исполнителя Джона Денвера, который выступил после Чернобыльской катастрофы в Киеве и в ходе своего концерта заявил: «Я хочу, чтобы все знали, что я уважаю и люблю советских людей. Для меня очень важно быть здесь, в Советском Союзе, и петь для вас, и не просто петь, а делиться с вами моей музыкой» (*прим. ред.*).

Шерил Сэндберг – Американская предпринимательница, работающая исполнительным директором в Facebook с 2008 года – первая женщина член совета директоров компании за всю историю существования Facebook. Автор книги «Не бойся действовать. Женщина, работа и воля к лидерству» (*прим. пер.*).

Феррис Бьюллер – вымышленный герой фильма «Феррис Бьюллер берет выходной», вышедшего в 1968 году (*прим. пер.*).

Барристер – категория адвокатов в Великобритании, более высокого ранга, чем солиситоры (*прим. пер.*).

«Аббатство Даунтон» – британский телесериал (*прим. ред.*).

Дэвид Хоуэлл Петрэус – американский генерал, возглавлявший Центральное командование США (2008–2010), являлся командующим Многонациональными силами в Ираке (2007–2008) и командующим силами США и НАТО в Афганистане (2010–2011) (*прим. ред.*).

Милонга – вечеринка, на которой танцуют аргентинское танго (*прим. ред.*).

Porteño – житель Буэнос-Айреса (*прим. ред.*).

Росс и Рейчел – персонажи сериала «Друзья» (*прим. ред.*).

En Casa (*исп.*) – домой. Аналог: «В одну реку нельзя войти дважды» (*прим. ред.*).

В своих рассуждениях автор проводит аналогию с бейсболом
(*прим. ред.*).

Арчи – персонаж популярного в США комедийного сериала «Все́й семье́й» (*прим. пер.*).

Вероятно, имеется в виду «Харе Кришна – пища жизни» – гуманитарная миссия, направленная на обеспечение малоимущих и прочих нуждающихся вегетарианской пищей (*прим. ред.*).